

Д. Н. БЕРЕНДТСЬ.

С В Я З Ъ
СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

СЪ ДРУГИМИ РЕФОРМАМИ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

и вліяніе ея на государственный и общественный
бытъ Россіи.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІА
1915.

Связь судебной реформы съ другими реформами Императора Александра II.

I. Освобожденіе крестьянъ—основная предпосылка судебного преобразования. II. Преобразовательная программа 1862 г. III. Судебная реформа и мѣры къ распространенію народнаго просвѣщенія. IV. Судебная реформа и законодательство о печати. V. Реформы въ области администраціи, стоявшія въ связи съ судебной реформой. VI. Попытки реформы порядка разбирательства дѣлъ казеннаго управленія. VII. Судебная реформа и отношеніе ея къ реформѣ земской. VIII. Связь судебной реформы съ реформою военныхъ и духовныхъ судовъ.

I. Освобожденіе крестьянъ — основная предпосылка судебного преобразования.

Въ Московскомъ Кремлѣ, въ круглой залѣ зданія стараго Сената, отведеннаго въ 1866 году судебнымъ учрежденіямъ, въ числѣ 18 горельефовъ имѣется одинъ, который изображаетъ „мольбу русскихъ о дарованіи права суда и человѣколюбивыхъ законовъ“.

Подъ этимъ горельефомъ надпись „Желаніе Россіи“.

Зданіе Московскаго Сената съ знаменитой ротондой построено въ 1787 году, т. е. 25 лѣтъ послѣ воцаренія царственной составительницы „Наказа“, уже послѣ изданія знаменитыхъ законодательныхъ актовъ: „Учрежденія о губерніяхъ“ и двухъ „Жалованныхъ Грамотъ“, дворянству и городамъ.

Поэтъ Апухтинъ въ извѣстномъ стихотвореніи: „Недостроенный Памятникъ“ влагаетъ въ уста Екатерины II слова: „Съ дворянства моего оковы были сняты; безъ пытокъ загремѣлъ святой глаголь суда“...

Историкъ согласится съ тѣмъ, что дворянству пожалованы и подтверждены обширныя привилегіи, что Екатерина съ отвра-

щеніемъ относилась къ пыткамъ, какъ средству добиться признанія со стороны виновнаго, но не могъ бы согласиться ни съ тѣмъ, что исполнено было желаніе Россіи о дарованіи челоуѣколюбивыхъ законовъ и праваго суда, ни съ тѣмъ, что глаголь суда со временъ Екатерины былъ святъ и что сей глаголь гремѣлъ по Россіи. Въ блестящемъ громадномъ зданіи русскаго государства суду было отведено скромное помѣщеніе, двери въ которое отнюдь не были отверсты всѣмъ, кто жаждалъ услышать святой глаголь безпристрастнаго и нелицепріятнаго судейскаго приговора.

Не государственное устройство Россіи было помѣхой для правильнаго и цѣлесообразнаго устройства суда и его дѣятельности. Абсолютная монархія не препятствуетъ ни безпристрастному, ни скорому, ни, даже, гласному суду, ибо неограниченный Монархъ не заинтересованъ въ отчужденности суда отъ населенія, въ бумажномъ формализмѣ судопроизводства, въ крючкотворствѣ судей и взяточничествѣ судейскихъ подъячихъ. Напротивъ, неограниченная власть Монарха только и можетъ быть твердой, если законъ, какъ выраженіе воли Самодержавной Верховной власти, имѣетъ своимъ проводникомъ судъ независимый и сообразующійся исключительно съ волею Самодержца, воплотившейся въ словахъ закона. Исключительные и рѣдкіе случаи непосредственнаго вторженія личной воли Монарха въ сферу суда могутъ парализовать дѣйствіе суда въ отдѣльномъ случаѣ, могутъ ему воспрепятствовать наложить свою руку на отдѣльное лицо или остановить приведеніе въ исполненіе судебного приговора и замѣнить объективную мѣрку законоуѣрной справедливости—субъективнымъ рѣшеніемъ Монаршаго милосердія или снисходительности, но повседневная дѣятельность судовъ этими актами не пересѣкается, точно также какъ право англійскаго парламента издавать билли объ обвиненіи или преслѣдованіи не воспрепятствовало англійскому суду оставаться охранителемъ законности въ общежитіи. Извѣстный случай непосредственнаго, и явно даже несправедливаго, вмѣшательства въ судебное дѣло прусскаго короля Фридриха Великаго не повлекъ за собой колебанія гордаго слова пруссаковъ его времени: „Имѣются судьи въ Берлинѣ“. И отсутствіе кодификаціи можетъ не препятствовать суду быть охранителемъ справедливости и творцомъ правды. Англійскій судья до сихъ поръ имѣетъ

предъ собой не систематическій кодексъ, а пеструю смѣсь нормъ обычнаго права, судебныхъ прецедентовъ и парламентскихъ статутовъ. Но о правильной организаціи и дѣятельности суда не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ большинство населенія не имѣетъ человѣческой свободы, является объектомъ права другихъ лицъ и поставлено почти въ уровень съ вещами. Древнее русское національное судопроизводство начало терять свою жизненную силу по мѣрѣ разростанія холопства и замерло со времени укорененія крѣпостного права. До отмѣны крѣпостного права не могло быть рѣчи о дарованіи Россіи праваго суда.

Я. И. Ростовцевъ въ письмѣ къ князю А. Ф. Орлову отъ 14 февраля 1859 года писалъ, что Императоръ Александръ II рѣшилъ создать въ Россіи „народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало“.

Милліоны крѣпостныхъ крестьянъ стояли какъ бы внѣ государства и соприкасались съ нимъ лишь въ случаѣ совершенія тяжкаго преступленія или при поступленіи въ армію. По словамъ Императора Николая I крѣпостное право обращало большинство русскаго народа въ „вещь, принадлежащую другому“.

Для дѣятелей крестьянской реформы стояло внѣ сомнѣнія, что освобожденіе крестьянъ было необходимой предпосылкой для судебной реформы.

Недавно умершій, послѣдній изъ оставшихся въ живыхъ участникъ реформы, бывший членъ-экспертъ и завѣдывавшій дѣлами Редакціонной Комиссіи П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій на экземпляръ своего труда „Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи“¹⁾, поднесенномъ министру юстиціи И. Г. Щегловитову, творцу закона о мѣстномъ судѣ, написалъ: „Достойному охранителю правосудія и справедливости въ жизни русскаго народа И. Г. Щегловитову, на долю котораго выпадаетъ нынѣ завершеніе одной изъ величайшихъ реформъ великой эпохи освобожденія путемъ преобразованія института судебныхъ учреждений“. Покойный П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій указалъ на органическую связь между двумя реформами и въ рѣчи въ Государственномъ Совѣтѣ 5 марта 1912 г.

¹⁾ П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій. Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 г.), томъ I, стр. 77.

Точно также, какъ всѣ попытки преобразованія устарѣвшей системы финансовъ, организаціи войска, строя мѣстнаго хозяйства, измѣненія законовъ, регулировавшихъ дѣятельность торговли и промышленности и народнаго образованія, были осуждены на неудачу или на половинчатый успѣхъ, пока надъ Россіей тяготѣло крѣпостное право, всякая реформа суда должна была быть признана невозможной до совершенія акта освобожденія.

Коль скоро же Верховная власть рѣшилась уничтожить крѣпостное право, этотъ устой помѣщичьей Россіи, и стать лицомъ къ лицу съ многомилліоннымъ народомъ, заслоненнымъ отъ нея помѣщичьимъ слоемъ, она не могла не приступить къ судебной реформѣ и не могла медлить съ ней, ибо сословные суды, бумажное дѣлопроизводство, система формальныхъ, закономъ напередъ взвѣшенныхъ и оцѣненныхъ, доказательствъ, не могли бы, даже при ревностномъ и честномъ служеніи всего судейскаго персонала, удовлетворить всѣмъ новымъ и сложнымъ требованіямъ, которыя обновленная общественная жизнь должна была предъявить государственному суду ¹⁾. Верховная власть, освобождая крѣпостныхъ крестьянъ, знала, что въ этой массѣ она получитъ богатый силами не только физическій, но и духовно нравственный капиталъ, но капиталъ пока мертвый и грубый, что въ русскомъ народѣ, одаренномъ всѣми задатками развитія, не могли развиваться ни чувство собственнаго достоинства, ни сознаніе права личнаго, ни уваженіе къ праву ближняго въ той мѣрѣ, которая необходима для мирнаго соперничества равно свободныхъ классовъ. Закона эта масса не знала или вовсе, или знала его только по слухамъ, ибо въ теченіе почти двухъ вѣковъ онъ былъ замѣненъ волею помѣщика или управляющаго, жалоба на которыхъ возбранялась. Слѣдовательно передъ Верховной властью стояла задача не только дать на-

¹⁾ Органическая связь крестьянской реформы съ необходимой реформой суда была ясна главному сотруднику Императора Александра II, Великому Князю Константину Николаевичу, который писалъ въ 1857 г. кавказскому намѣстнику князю А. И. Барятинскому: „Важные жизненные интересы внутренней администраціи нашей требуютъ скорѣйшаго разрѣшенія, а именно о крѣпостномъ правѣ, о раскольникахъ, о крайней необходимости устроить судъ и полицію наши такъ, чтобы народъ находилъ гдѣ нибудь судъ и расправу и чтобы высшія правительственныя лица не были вынуждены для достиженія благихъ цѣлей прибѣгать къ внѣ законнымъ средствамъ. Мы слабѣе и бѣднѣе первостепенныхъ державъ и при томъ не только бѣднѣе матеріальными способами но и силами умственными, особенно въ дѣлѣ управленія“ (цитировано изъ сочиненія А. Э. Кони „На жизненномъ пути“. Изд. 2-е, томъ II, стр. 453).

роду судъ, цѣлесообразно организованный, но и судъ, способный своимъ живымъ словомъ воспитать народъ въ уваженіи къ закону и праву, собственному и чужому. Судъ долженъ былъ превратиться въ воспитательное заведеніе, въ которое воспитываемый въ гражданственности народъ могъ бы вступать безъ боязни передъ судьями, съ увѣренностью, что правду можно узнать не только въ загробной, но и въ земной жизни. Судебная реформа, это сознавали всѣ сторонники государственныхъ преобразованій, была безусловно необходимымъ выводомъ изъ акта объ освобожденіи, стояла въ непосредственной связи со всѣми другими преобразованіями, или должна была, въ свою очередь, вызвать реформы въ такихъ областяхъ жизни, которыя, на первый взглядъ, не имѣли непосредственнаго отношенія къ суду.

Верховная власть, сознавая необходимость коренныхъ преобразованій въ общественной жизни, какъ всѣмъ извѣстно, приступила къ главному дѣлу, отъ исхода котораго все зависѣло, къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, нерѣшительно.

Въ знаменитомъ манифестѣ 19 марта 1856 г., въ которомъ Россія извѣщалась о заключеніи Парижскаго мира, и который содержитъ въ себѣ какъ бы программу задуманныхъ Монархомъ реформъ, о крѣпостномъ правѣ ничего не говорится и находится только намекъ на преобразование суда. Извѣстны слова манифеста; „...да утверждается, совершенствуется внутреннее благоустройство, правда и милость да царствуетъ въ судахъ ея (Россіи), да развивается повсюду и съ новой силой стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ“...

Казалось, что Верховная власть признавала возможнымъ водворить въ Россіи правый и милостивый судъ и при сохраненіи крѣпостного строя. Но общество съ самаго начала связало вопросъ объ освобожденіи съ вопросомъ о судебной реформѣ. А. Герценъ въ нашумѣвшей статьѣ въ „Колоколѣ“, написанной по вступленіи на престолъ Императора Александра II, заявилъ, что Россія ждетъ отъ новаго Государя освобожденія крестьянъ съ землею, уничтоженія тѣлесныхъ

наказаній и гласности въ судѣ и печати. Привѣтствуя актъ освобожденія въ 1861 году, онъ кончилъ статью по поводу манифеста 19 февраля словами: „Чередъ за гласностью“. Еще рѣшительнѣе сознаніе необходимой связи между освобожденіемъ крестьянъ и судебной реформой сказывалось въ самой Россіи, въ которой пониманіе конкретныхъ требованій жизни выражалось яснѣе, нежели въ пламенныхъ статьяхъ извѣстнаго публициста „въ прекрасномъ далекѣ“. Одна группа дворянъ депутатовъ, вызванныхъ въ Редакціонныя Комиссіи, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга представила адресъ, въ которомъ, на ряду съ желаніемъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею, было высказано пожеланіе учрежденія суда присяжныхъ и гражданскихъ судебныхъ учреждений, независимыхъ отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго дѣлопроизводства и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ.

Вопросомъ о преобразованіи суда, о введеніи гласности въ судопроизводство и привлеченіи представителей общества къ участию въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ занимались, какъ указано въ первомъ отдѣлѣ этого изданія (см. стр. 75), и дворянскія собранія уже въ 1858 г.

Адресы дворянскихъ собраній были встрѣчены министромъ внутреннихъ дѣлъ, конечно, неодобрительно. Онъ призналъ, что дворянство не имѣло права возбуждать такихъ вопросовъ¹⁾.

Въ слояхъ общества, не заинтересованныхъ въ сохраненіи старыхъ порядковъ, эта связь освобожденія съ судебной реформой чувствовалась настолько отчетливо, что не только лица, которыя желали ломки почти всего, что Россія унаслѣдовала отъ предыдущихъ временъ и преобразованія ея по западно-европейскому образцу или даже по указаніямъ отвлеченной теоріи, но и люди съ консервативнымъ укладомъ мысли, сознававшіе, что полного разрыва съ прошлымъ быть не можетъ, потому что онъ внѣ силъ человѣческихъ, говоря объ освобожденіи крестьянъ, всегда затрогивали и вопросъ о потребности Россіи въ болѣе совершенной формѣ суда.

Извѣстный дѣятель судебной реформы, С. И. Зарудный, въ краткихъ автобіографическихъ замѣткахъ, писанныхъ наклонѣ

¹⁾ Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1859 г. № 1903.

лѣтъ, долгое время спустя послѣ реформъ, говорить: „Если бы въ 1861 году не состоялось по волѣ Самодержца Всероссийскаго освобожденія крестьянъ съ землею, то ни въ какомъ случаѣ не были бы утверждены 20 ноября 1864 года Судебные Уставы. При крѣпостномъ правѣ въ сущности не было надобности въ справедливомъ судѣ. Настоящими судьями были тогда только помѣщики, надъ ними господствовалъ высшій своевольный судъ. Помѣщики не могли ему не покориться, но въ ихъ рукахъ сосредоточивалась власть надъ большинствомъ народонаселенія. Крестьяне расправлялись съ помѣщиками судомъ Линча. Послѣ 19 февраля и высшіе сановники сознали, что появилась безотлагательная необходимость въ судѣ скоромъ и справедливомъ“.

Зарудный въ одномъ отношеніи не правъ. Сановники, т. е. тѣ изъ нихъ, которые обладали извѣстнымъ запасомъ знанія и политической проницательности, не только до 19 февраля, но уже въ царствованіе Александра I и Николая I сознавали недостатки судоустройства и судопроизводства (напр., гр. Завадовскій, Сперанскій, Мордвиновъ, Киселевъ, Блудовъ) и не были слѣпы въ этомъ отношеніи, а рядъ ревизовавшихъ различныя губерніи сенаторовъ не только по бумажнымъ жалобамъ, доходившимъ до Сената, но и воочію убѣдились въ несостоятельности какъ значительной части судейскаго персонала, такъ и обрядовъ и условий, которыми были связаны судебныя учрежденія отъ уѣзднаго суда до Сената.

Но правительственныя, руководящія сферы не приступали къ реформамъ, признаннымъ необходимыми, съ тѣмъ юношескимъ энтузіазмомъ и увѣренностью въ несомнѣнномъ успѣхѣ, которыми было одушевлено такъ называемое интеллигентное общество. Едва ли правильно видѣть въ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ высшихъ слоевъ того времени признаки упрямаго и близорукаго консерватизма, или объяснять ихъ какими-либо эгоистическими, корыстными мотивами, что такъ часто дѣлалось „прогрессистами“ и что нерѣдко приходится читать въ статьяхъ и книгахъ, посвященныхъ эпохѣ реформъ. Чѣмъ болѣе выяснялась необходимость не ограничиться частичнымъ ремонтомъ судебного строя и приступить къ перестройкѣ всего зданія на совершенно новыхъ началахъ, заимствованныхъ отчасти у западно-европейскихъ народовъ, далеко опередившихъ Россію въ культурномъ отношеніи, тѣмъ явственнѣе становилось, что реформа одной

области государственной жизни должна была повлечь за собой коренныя реформы, если не во всѣхъ, то во многихъ другихъ областяхъ, смежныхъ съ областью судебной дѣятельности. Устность, гласность, независимость судебной власти, общественное участіе въ судовомъ процессѣ въ формѣ суда присяжныхъ, ограниченіе числа инстанцій, установленіе высшаго кассационнаго суда, имѣющаго не только право кассировать рѣшенія по поводу неправильнаго примѣненія закона или нарушенія формъ судопроизводства, но и право разяснять точный смыслъ законовъ и публиковать свои рѣшенія для руководства къ единообразному истолкованію и примѣненію закона, предоставленіе судебнымъ учрежденіямъ права основывать свои рѣшенія на общемъ смыслѣ закона и возложеніе на нихъ обязанности не останавливать рѣшенія дѣла въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчія, а въ гражданскихъ дѣлахъ, и въ случаѣ недостатка закона — всѣ эти новшества могли въ Россіи, успѣвшей привыкнуть къ властной регламентаціи жизни сверху и къ стѣсненію самостоятельности органовъ власти, вызвать много добраго, но могли при извѣстныхъ условіяхъ породить и явленія далеко нежелательныя съ точки зрѣнія постепеннаго превращенія Россіи изъ государства полицейскаго въ правовое. Воспитательная сила новыхъ учрежденій должна была проявиться въ будущемъ, а до наступленія результатовъ этого воспитанія на началахъ права приходилось дѣйствовать въ кругу, не обладающемъ еще этимъ воспитаніемъ. Всѣ тѣ неприглядныя стороны жизни въ Россіи, которыя нашли себѣ художественную обрисовку въ твореніяхъ Гоголя, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, въ стихотвореніяхъ Некрасова и т. д., не ограничивались вѣдь одной сферой высшихъ классовъ. Онѣ были присущи и тѣмъ классамъ, которые законодателемъ должны были быть призваны къ самостоятельному и независимому участію въ дѣлѣ суда. Изъ среды всѣхъ этихъ классовъ приходилось брать и коронныхъ судей, членовъ прокуратуры и мировыхъ судей, и адвокатовъ, и присяжныхъ засѣдателей. Счастливы были тѣ, кто твердо вѣрилъ въ облагораживающую силу учрежденій, построенныхъ правильно и дѣйствующихъ во имя просвѣщенныхъ началъ, что геній свободы и гуманности, который по словамъ Джаншіева¹⁾, виталъ въ эпоху

¹⁾ „Эпоха великихъ реформъ“, 9 изданіе, стр. 398.

реформъ надъ Россіей, могъ предохранить не только въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, но и въ будущемъ, и власть и общество отъ уступокъ какъ силѣ бюрократическаго формализма, такъ и силѣ сентиментальной дряблости и классоваго эгоизма.

„Молодые юристы“ Государственной Канцеляріи, работавшіе надъ проектами Судебныхъ Уставовъ, успокаивали лицъ, неувѣренно относящихся къ вводимымъ новымъ началамъ судоустройства и судопроизводства: „Конечно, развитость народа имѣеть немалое вліяніе на достоинство его учреждений, но не подлежитъ также сомнѣнію, что хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество. Въ этомъ отношеніи правильнѣе судъ едва ли не желательнѣе всякаго иного учрежденія, ибо онъ распространяетъ въ народѣ понятія о справедливости и законѣ, безъ него не можетъ быть ни благосостоянія, ни порядка въ обществѣ“.

Въ частности, судъ присяжныхъ долженъ былъ сыграть роль могучаго рычага въ этомъ воспитательномъ дѣлѣ. „Неразвитость нашего народа представляетъ основанія для скорѣйшаго введенія суда присяжныхъ, потому что такой именно народъ и нуждается въ особыхъ огражденіяхъ въ судѣ, нуждается въ судьяхъ, которые бы вполне его понимали. Нигдѣ, можетъ быть, историческая жизнь народа не положила такихъ глубокихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій замѣчаются чрезвычайно рѣзкія различія“¹⁾.

Вѣрилъ въ силу учреждений и такой скептикъ, какъ К. П. Побѣдоносцевъ. „Дѣйствіе учреждений, писалъ онъ, зависитъ отъ людей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя упускать изъ вида, что и люди образуются въ духѣ тѣхъ или другихъ учреждений, и что есть такія учрежденія, при дѣйствіи коихъ нельзя ожидать развитія людей въ томъ направленіи и духѣ, которому учрежденія не соотвѣтствуютъ“²⁾.

Это благородная, юношески-пылкая вѣра въ воспитательную силу учреждений и уставовъ вызываетъ чувство глубокаго ува-

¹⁾ Ср. Вибл. Гос. Сов. Дѣло о преобразованіи судебной части, томъ 17, стр. 30.

²⁾ Записка Побѣдоносцева о проектѣ судебной реформы, преимущественно о реформѣ гражданскаго судопроизводства, напечатана въ томѣ 13 того же дѣла.

женія, и безъ этой вѣры, несомнѣнно, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ не хватило бы энергіи для реформъ, преобразившихъ внѣшнюю жизнь Россіи, но, къ сожалѣнію, не устранившихъ нѣкоторыхъ и очень серьезныхъ язвъ внутреннихъ, вреднымъ дѣйстви́емъ коихъ и объясняется, что преобразовательная дѣятельность прежнихъ царствованій во многихъ случаяхъ привела только къ внѣшнимъ, формальнымъ результатамъ. Учрежденія Петра Великаго и Екатерины II для своего времени были также хороши; учрежденія, ими созданныя, могли бы также принести большую пользу, чѣмъ они принесли въ дѣйствительности. А въ концѣ концовъ Россія дожила до такихъ порядковъ, про которыя одинъ изъ участниковъ судебной реформы, сенаторъ Принтцъ ¹⁾ говоритъ, „что поколѣніе, ихъ не видѣвшее, содрогнулось бы и не повѣрило, что могли такъ недавно существовать порядки, столь мало отвѣчающіе справедливости и народному благосостоянію“.

Если не всѣ современники признавали коренную судебную реформу своевременной и рѣшались произносить то слово, за которое поэтъ произнесъ надъ ними суровый приговоръ, слово— „рано“, то теперь пора бы перестать клеймить ихъ обвиненіемъ въ тупомъ ретроградствѣ и признать, что опасенія объяснялись различными и иногда основательными соображеніями.

Теперь ко всѣмъ вопросамъ, безпокоившимъ отжившее поколѣніе, современное реформѣ, относятся спокойноѣ.

Спасовичъ ²⁾ писалъ: „Судебная реформа 20 ноября 1864 г. обозначаетъ переходъ русскаго общества со средневѣкового положенія на современное европейское, образованіе правового государства съ выдѣленіемъ изъ общаго состава администраціи суда, водворяющаго во всѣ человѣческія правоотношенія небывалую дотолѣ и извѣстную только по слухамъ законность. Въ области уголовного права, наиболѣе интересующей государство, такъ какъ оно считаетъ наказаніе своимъ само-нужнѣйшимъ оплотомъ, русская судебная реформа прибѣгла къ весьма смѣлому, радикальному, но рискованному средству, позаимствовавши отъ запада уже практиковавшійся тамъ инсти-

¹⁾ Статья въ „Журн. Мин. Юст.“ 1894 г. „Случайности, вліявшія на судебное преобразование 1864 г.“.

²⁾ Статья „Вопросъ о правѣ присяжныхъ засѣдателей оправдывать лицъ, повинившихся въ преступленіяхъ“, „Вѣстникъ Права“. 1901 г. № 1.

тутъ присяжныхъ засѣдателей, о которомъ никто не зналъ, придется ли онъ намъ по плечу. Реформа поставила этотъ институтъ во главѣ всѣхъ другихъ видовъ судопроизводства. Только этимъ путемъ возможно было сразу отвязаться отъ прошлаго, освободиться отъ пережитковъ, избавиться отъ старинной техники розыска, доискивающагося собственнаго признанія подсудимаго посредствомъ пытки, а затѣмъ, послѣ того, какъ пытка была отмѣнена, мучительною продолжительностью подслѣдственнаго ареста, освободиться отъ сопряженнаго съ волокитею хода дѣла по инстанціямъ, отъ бесполезной мотивировки приговора объ обвиняемомъ, котораго судъ не видалъ и о существованіи котораго зналъ только по бумагамъ. Въ судъ введены понятые изъ народа, ничего не смыслящіе въ теоріи предустановленныхъ закономъ доказательствъ, способные судить только по простому здравому смыслу. Имъ поручено вершить судьбы людей только по совѣсти и по данной присягѣ“.

Указывая затѣмъ на увлеченіе судомъ присяжныхъ, знаменитый криминалистъ говоритъ:

„Нашъ народъ еще мало культуренъ; въ нашихъ присяжныхъ еще слабо сознаніе, что они призываются охранять государственный интересъ, страдающій отъ безнаказанности преступниковъ, что преслѣдованіе преступниковъ не есть обязанность одного лишь правительства. Наши присяжные не злобствуютъ, они скорѣе мягкосердечны. Они всегда будутъ вводимы въ искушеніе, когда имъ будетъ представляться возможность исполнить долгъ свой не весь, а въ половину: потерпѣвшаго по возможности удовлетворить, а обвиняемаго съ Богомъ отпустить, не помышляя о государствѣ“.

Эти слова Спасовича, писанные 40 лѣтъ спустя послѣ судебной реформы, мѣтко указываютъ на главную слабость русскаго общества, которая могла, если не вступятъ въ дѣйствіе уравновѣшивающія ее силы просвѣщенія, воспитывающаго чело-вѣка въ сознаніи долга передъ обществомъ, и самоуправленія, пробуждающаго сознаніе о связанности личнаго благополучія съ успѣхами общежитія, сдѣлать главныя начала судебной реформы—независимость и безапелляціонность суда съ участіемъ представителей общества, равноправіе сторонъ въ процессѣ и гласность судопроизводства,—факторами развитія русскаго общества въ направленіи, неблагопріятномъ для правовой гражданственности.

Въ „Юридическомъ Журналѣ“ Салманова¹⁾ была напечатана статья І. Шилля подѣ заглавіемъ „Созрѣли-ли мы?“ Въ означенной статьѣ авторъ бичуетъ склонность общества все сваливать на правительство, вмѣсто того, чтобы поставить вопросъ: а что русское общество сдѣлало для достиженія цѣлей и исполненія задачъ, о которыхъ такъ много разсуждали, если не громогласно, то въ тиши кабинетовъ, во время дружескихъ бесѣдъ и преній, и указываетъ на основную причину неудачи многихъ прекрасныхъ начинаній и до реформъ Императора Александра II, и во время оныхъ, и послѣ эры реформъ.

Авторъ писалъ: „Года три—четыре тому назадъ, кто то сказалъ, по поводу готовящихся и совершаемыхъ у насъ административныхъ преобразованій, что «лѣстницу метутъ сверху». Съ радостью привѣтствовали мы эти слова, и повторяли и продолжаемъ повторять ихъ кстати и не кстати. Но вникните въ сущность и основаніе нашей радости, и вы убѣдитесь, что это радость Обломовыхъ, довольныхъ тѣмъ, что есть къ чему придраться, чтобы не заниматься своимъ дѣломъ, не трудиться, а только лежать, лежать, все лежать по прежнему. Правда, лѣстницу метутъ сверху, но лѣстница лѣстницѣ рознь: одна состоитъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ ступеней, лѣстница обыкновенная, которую можетъ мести и ребенокъ, не только дворникъ, другая—громадная общественная лѣстница. На этой послѣдней каждый обязанъ мести свою ступень, въ противномъ случаѣ, она будетъ всегда грязна и восходить на нее будутъ только съ грязными ногами. Какъ ни геніаленъ былъ Петръ Великій, какъ ни трудился и ни заботился онъ объ очищеніи грязи на ступеняхъ такой лѣстницы, но вполне справиться съ нею Онъ не могъ, а все потому, что другіе, большинство, мало содѣйствовали ему. То же повторилось и съ Екатериной Второю—въ лучшіе годы Ея царствованія. Какъ ни прекрасны и честны были намѣренія этой Государыни, какъ ни челоувѣколюбивъ Наказъ Ея комиссіи для составленія законовъ, какъ ни прекрасна была цѣль собранія такой комиссіи, но что же вышло? А все потому, что Она одна или почти одна мела тогдашнюю лѣстницу и большинство не только не помогало Ей въ этомъ дѣлѣ надлежащимъ образомъ, но даже и не прочь было и противодѣйствовать, во многихъ

¹⁾ 1860 г. Сентябрь.

отношеніяхъ по крайней мѣрѣ, такому дѣлу, честному по цѣли, а благому по результатамъ“..... „Мы жалуемся на неправду въ судахъ. на беззащитность многихъ, преимущественно тѣхъ, которые не знаютъ законовъ и къ тому же не имѣютъ средствъ отстаивать нарушаемыя права свои“... „Понятно, что правительство наше, какъ бы ни заботилось оно о водвореніи правды въ нашихъ судахъ, какъ бы ни стремилось къ обезпеченію правъ всѣхъ и cadaго, какъ бы ни желало оно, можетъ быть, и введенія гласнаго судопроизводства, не можетъ, тѣмъ не менѣе, рѣшиться на коренное преобразование нашего судопроизводства, не взвѣсивши предварительно всѣхъ условій и результатовъ такого преобразования. Понятно, что оно задаетъ себѣ, между прочимъ, и вопросъ: есть ли у насъ достаточное количество людей, способныхъ быть не мишурно блестящими юристами---ораторами, не адвокатами --горланами, какиихъ вездѣ не только много, но даже слишкомъ много, нѣтъ, а адвокатами въ лучшемъ смыслѣ этого слова, т. е. людьми, посвятившими себя адвокатурѣ не изъ какиихъ-либо мелочныхъ расчетовъ, а по призванію и съ сознаніемъ важности и святости своего назначенія. Введеніе гласнаго судопроизводства можетъ имѣть, въ первое время, различные результаты, т. е. или преимущественно дурные или преимущественно хорошіе, смотря по тому, какъ поймутъ адвокаты и судьи свои назначенія. Если они будутъ дѣйствовать неразумно, во имя однихъ мелочныхъ личныхъ интересовъ --если будутъ хлопотать о пріобрѣтеніи популярности во что бы то ни стало и т. п., для достиженія такихъ мишурныхъ цѣлей будутъ жертвовать общественнымъ достояніемъ, спокойствіемъ и своимъ адвокатскимъ назначеніемъ, то, конечно, гласное судопроизводство поведетъ къ лишнимъ скандаламъ и серьезнымъ недоразумѣніямъ, даже къ опасной враждѣ интересовъ и сословій, такимъ образомъ будетъ началомъ и основаніемъ не блага, а зла, --не правды, а вражды и борьбы. Положимъ, что такое скандальное судопроизводство не можетъ никоимъ образомъ существовать долго, но и кратковременное зло --всетаки зло. Положимъ, что въ обществѣ скоро подымутся голоса противъ такихъ адвокатовъ, но гласное судопроизводство уже будетъ скомпрометировано въ глазахъ многихъ, не будетъ пользоваться надлежащимъ уваженіемъ, не будетъ имѣть надлежащей поддержки ни въ обществѣ, ни въ правительствѣ, а развѣ что

либо подобное не зло? Если же наши будущіе адвокаты и судьи будутъ проникнуты важностію своего назначенія вообще и значенія въ государствѣ, если они поймутъ, что задача ихъ—содѣйствовать добру и правдѣ, любви и миру, а не враждѣ и раздору,—о, тогда гласное судопроизводство сразу же принесетъ громадную пользу всему и всѣмъ въ государствѣ и тотчасъ же окажется дѣйствительнымъ средствомъ къ общественному благосостоянію и государственному благоустройству, чѣмъ и слѣдуетъ ему быть. Тогда и правительство будетъ довольно своимъ подвигомъ, и въ обществѣ будутъ раздаваться только благословенія правительству за такое преобразование. Будущіе суды наши должны быть храмами правды и мира, въ которыхъ раздавались бы не упреки сыновьямъ и внукамъ за ошибки отцовъ и дѣдовъ, а благословеніе потомкамъ, исправляющимъ ошибки предковъ... Если бъ правительство могло быть увѣрено, что наши будущіе судьи и адвокаты, по крайней мѣрѣ, значительное большинство ихъ, будетъ дѣйствовать только честно, законно, благородно и притомъ съ тактомъ, необходимымъ въ общественной сферѣ, т. е. политически благоразумно, то конечно ничего бы не помѣшало ему и послѣшить введеніемъ такого судопроизводства, которое вполнѣ, по возможности, обезпечиваетъ правду въ государствѣ, права всѣхъ и cadaго, уваженіе къ законамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и должную преданность къ Верховной власти, все нужное охраняющей и обезпечивающей своими мѣрами и распоряженіями“.

Мы привели длинную выписку изъ статьи въ давно забытомъ журналѣ. Нельзя не признать, что опасенія относительно способа использованія благъ новыхъ судебныхъ формъ были не вполнѣ лишены основаній. Послѣ введенія всѣхъ крупныхъ реформъ первыхъ десяти лѣтъ царствованія Александра II, когда подъемъ мысли въ обществѣ уступилъ мелкимъ заботамъ будничной жизни, оказалось, что далеко не всѣ надежды, съ коими обновленная Россія встрѣтила преобразования, оправдались. Великія начала гласности, независимости, самостоятельности, общественной самодѣятельности, вытѣснивъ много непригляднаго и порочнаго изъ общественной жизни, не смогли предупредить новыхъ золъ, не столь наглядныхъ и легко отсѣкаемыхъ, какъ болячки дореформеннаго режима, но опасныхъ для роста медленно пробуждавшагося правового чувства въ русскомъ обществѣ.

Оно и не могло быть иначе. Въ дореформенной Россіи правительство заботилось о незыблемости внѣшняго, формальнаго порядка, о неприкосновенности объективнаго права, воплощеннаго не только въ массѣ далеко не всегда ясныхъ и нерѣдко противорѣчащихъ другъ другу законовъ, но и въ властныхъ приказаніяхъ, отмѣнявшихъ зачастую въ отношеніи отдѣльныхъ случаевъ силу закона. Объ охранѣ субъективныхъ правъ гражданъ почти не было рѣчи, коль скоро они приходили въ соприкосновеніе съ волею охранителей незыблемости внѣшняго порядка и правиломъ о субординаціи подданныхъ.

Для общества, почуявшаго новое направленіе въ правительственной политикѣ и мечтавшаго о возможности въ скоромъ времени увидать осуществленіе надеждъ на уравниеніе Россіи съ передовыми странами Европы (а въ средѣ общества уже раздавались голоса, которые эти самыя передовыя страны клеймили упрекомъ отсталости и признавали ихъ не удовлетворяющими требованіямъ радикальныхъ ученій о будущемъ нормальномъ строѣ челоуѣчества) весь этотъ государственный строй съ требованіями внѣшняго порядка и буквального, по возможности, исполненія и законовъ и начальственныхъ предписаній былъ предметомъ ненависти, или, по крайней мѣрѣ, воплощеніемъ устарѣвшихъ взглядовъ и предрасудковъ. Оно заботилось не столько объ охранѣ объективнаго права, сколько интересовалось неприкосновенностью субъективныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ въ области имущественныхъ отношеній и личныхъ сношеній. Оно желало не суда, прилагающаго къ дѣяніямъ челоуѣческимъ мѣрку закона, а суда, судящаго по совѣсти, измѣряющаго значеніе отдѣльныхъ фактовъ эластичнымъ мѣриломъ индивидуальнаго убѣжденія. Поэтому обществу и нравился судъ съ участіемъ присяжныхъ, при коемъ присяжные могли на вопросъ о виновности или невиновности подсудимаго отвѣчать свободно по совѣсти: да или нѣтъ, даже при доказанности совершеннаго имъ преступнаго дѣянія, а коронный судъ долженъ былъ на основаніи этого безапелляціоннаго вердикта опредѣлять наказаніе не по свободному убѣжденію и воззрѣнію на мѣру виновности, а въ точно опредѣленныхъ рамкахъ Уложенія о Наказаніяхъ.

Казалось бы, что при всеобщемъ желаніи видѣть въ Россіи судъ независимый и высоко стоявшій, судебная реформа должна

была привести къ организаціи суда по англійскому образцу, гдѣ коронный судья пользуется широкой властью при опредѣленіи мѣры наказанія. Однако* Англія въ данномъ случаѣ не послужила образцомъ.

Одинъ изъ дѣятелей судебной реформы, сенаторъ Буцковскій ¹⁾ замѣчаетъ:

„Нечего и говорить, что при судебномъ преобразованіи въ нашемъ отечествѣ невозможно было помышлять о заимствованіи изъ англійской системы уголовного судопроизводства тѣхъ порядковъ, которые зависятъ отъ высокаго положенія англійскихъ судей и отъ обширной власти, предоставленной имъ въ опредѣленіи наказаній. Наши судьи пользовались доселѣ слишкомъ слабымъ довѣріемъ общества, чтобы можно было ожидать въ этомъ отношеніи крутого поворота въ общественномъ мнѣніи вслѣдъ за преобразованіемъ судебной части“.

По этимъ соображеніямъ, по мнѣнію Буцковскаго, при судебной реформѣ власть присяжныхъ была преувеличена въ ущербъ власти судей.

Судъ присяжныхъ признавался вѣнцомъ предстоявией реформы. Ни на одинъ изъ новыхъ институтовъ не возлагали столько надеждъ, сколько именно на судъ общественной совѣсти и въ увлеченіи этимъ институтомъ, еще неиспытаннымъ въ Россіи, выразился весь нѣсколько романтической духъ времени великихъ реформъ, наравнѣ съ вѣрой въ здоровую силу самоуправляющейся крестьянской общины. Всякій, кто не твердо и не безусловно вѣрилъ въ благодѣянія свободной общины и свободного отъ всякихъ стѣсненій суда совѣсти, признавался чело-вѣкомъ испорченнымъ духомъ крѣпостничества и бюрократизма.

II. Преобразовательная программа 1862 г.

Въ первомъ № газеты „Сѣверная Почта“, 1862 г., которая была основана министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ, должна была служить органомъ этого Министерства и объяснять на-

¹⁾ Въ своихъ „Очеркахъ судебныхъ порядковъ по Уставамъ 20 ноября 1864 года“, стр. 236 и 237.

мѣренія и планы правительства (первымъ редакторомъ газеты былъ извѣстный профессоръ, затѣмъ академикъ, а ранѣе цензоръ, А. В. Никитенко) — было напечатано объявленіе отъ государственнаго секретаря, которое сообщало о тѣхъ работахъ, которыми были заняты высшіе правительственные органы послѣ совершенія акта освобожденія 19 февраля 1861 года, и которыя всѣ стояли въ непосредственной связи съ великой реформой, „создавшей ранѣе не существовавшей народъ“.

Въ означенномъ объявленіи перечислены слѣдующія работы: составленіе главныхъ началъ преобразованія судебной части, составленіе проекта полнаго преобразованія городской и земской полиціи, составленіе правилъ о порядкѣ составленія, утвержденія и исполненія государственной росписи и смѣтъ по отдѣльнымъ частямъ управленія, преобразование управленія государственныхъ имуществъ и быта государственныхъ крестьянъ, а равно и крестьянъ въ имѣніяхъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ и, наконецъ, работа по устройству народныхъ школъ, вообще по созданію всей системы народнаго образованія, начиная съ университетовъ, которые переживали въ то время различныя смуты и волненія.

Въ означенномъ объявленіи упомянуты далеко не всѣ работы, надъ которыми трудились правительственныя сферы. Здѣсь не упомянуто о проектѣ отмѣны жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, которыя примѣнялись какъ по приговору суда, такъ и безъ всякаго приговора и, помимо закона, различными органами власти, о замѣнѣ откуповъ акцизной системой обложенія спиртныхъ напитковъ, о громадной задачѣ составленія проекта преобразованія всей податной системы.

Податная реформа, повидимому, не имѣетъ никакой связи съ реформой суда. Что, дѣйствительно, общаго между системою обложенія и организаціей судопроизводства?

Однако связь существуетъ и притомъ очень серьезная.

Русская податная система страдала отсутствіемъ началъ справедливости и уравнительности податной тяготы. Низшіе классы были обременены налогами настолько, что лишены были возможности удѣлить достаточную часть своего заработка для покрытія расходовъ на улучшеніе, хотя бы скромное, своего быта. Судебная реформа должна была повлечь за собой введеніе новсй, хотя и почетной повинности для народныхъ массъ: обязанности

участія въ судѣ, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей. Можно-ли было ждать отъ массы, переобремененной налогами, готовности отбывать эту новую повинность, которая отнимаетъ у мужика, еле-еле сводящаго концы съ концами, —рядъ рабочихъ дней? Можно-ли было ждать отъ присяжнаго изъ крестьянъ, знавшаго, что всякій утраченный рабочій день, отзовется тягчайшимъ образомъ на его достаткѣ, полного вниманія къ исполненію серьезныхъ обязанностей?

Намѣченная въ извѣстной „податной комиссіи“ при Министерствѣ Финансовъ, реформа нашей налоговой системы, —осталась на бумагѣ и осуществилась отчасти, лишь 20 — 30 лѣтъ спустя. Вплоть до царствованія Императора Александра III сохранилась разница между податными и неподатными классами, какъ рѣзкій диссонансъ, плохо гармонировавшій съ началомъ равенства, —которое легло въ основу судебной реформы. Программа молчитъ также о проектѣ земскаго самоуправления и, наконецъ, о составленіи проекта правилъ о печати, долженствовавшихъ замѣнить устарѣвшій Цензурный Уставъ 1828 года съ выросшими на немъ отдѣльными правилами, которыя стѣсняли и литературу и періодическую печать до крайности.

Исполненіе всѣхъ этихъ сложныхъ и обширныхъ преобразовательныхъ плановъ могло бы занять и трудъ и время не одного, а нѣсколькихъ поколѣній. Русское общество съ нетерпѣніемъ ждало ихъ исполненія и признавало возможнымъ проведеніе ихъ въ жизнь въ короткій періодъ времени. Для исполненія всѣхъ намѣченныхъ задачъ требовались не только время и усидчивый трудъ, но и, преимущественно, множество людей, энергичныхъ, просвѣщенныхъ и безкорыстныхъ.

Джаншіевъ въ извѣстной книгѣ „Эпоха великихъ реформъ“, въ главѣ 24, посвященной дѣятельности К. К. Грота (9 изданіе стр. 713), говоритъ про эпоху 60-хъ годовъ, что „она, обновляя русскую жизнь во всѣхъ направленіяхъ, предъявила сильный запросъ на людей знанія и опыта, твердыхъ принциповъ, крѣпкаго нравственнаго закала, неподкупной честности и независимаго характера. Бодрое общественное воодушевленіе радостно привѣтствовало рѣшимость правительства уничтожить всѣ застарѣлыя язвы государственнаго организма, начиная съ крѣпостнаго права и кончая розгами. Не вѣсть откуда явилась фаланга молодыхъ, знающихъ, трудолюбивыхъ, преданныхъ дѣлу,

воодушевленныхъ любовью къ отечеству государственныхъ дѣятелей, шутя двигавшихъ вопросы, вѣками ждавліе очереди и наглядно доказавшихъ всю неосновательность обычныхъ жалобъ на неимѣніе людей“.

Эти люди явились, но нельзя сказать, чтобы „не вѣсть откуда“. Они явились изъ тѣхъ старинныхъ дворянскихъ гнѣздъ, въ которыхъ, если вѣрить радикаламъ тѣхъ же 60-хъ годовъ, проживали почти исключительно кнутофилы и ретрограды, истязатели крестьянъ, погрязшіе въ схоластикѣ устарѣвшихъ сословныхъ понятій, въ пережившей якобы свое время христіанской вѣрѣ, въ понятіяхъ не космополитизма, а вѣрности престолу и отечеству. Эти „не вѣсть откуда“ явившіеся дѣятели получили воспитаніе въ тѣхъ дореформенныхъ университетахъ, въ которые по словамъ одного писателя того времени, наука не проникала, но оставалась въ положеніи касательной линіи, въ кадетскихъ корпусахъ, въ ненавистныхъ всѣмъ прогрессистамъ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ, Училищѣ правовѣдѣнія и Александровскомъ лицѣѣ.

Эти дѣятели 60-хъ годовъ выросли подъ вліяніемъ идеалистическаго философскаго міровоззрѣнія 30-хъ и 40-хъ годовъ, которое не чуждалось самодовлѣющей поэзіи, воспѣвающей красоту и не поставившей себя на службу тѣмъ или инымъ реальнымъ тенденціямъ, однимъ словомъ они развились въ томъ духѣ, который такъ противенъ былъ глашатаямъ новаго, якобы передового направленія, Чернышевскимъ и Писаревымъ и ихъ поклонникамъ.

Только презрѣнный идеализмъ и далъ имъ силу погрузиться въ кипучую реформаторскую работу и надѣяться на силу нравственныхъ началъ, которыя ни во что не ставились представителями реалистическаго направленія, выведенными Тургеневымъ въ лицѣ Базарова, въ романѣ „Отцы и Дѣти“ или въ кружкѣ Губарева въ повѣсти „Дымъ“.

Если бы идеалистическое направленіе этихъ дѣятелей сохранилось въ русскомъ обществѣ, то эра реформъ не привела бы къ многимъ тяжкимъ разочарованіямъ. Къ сожалѣнію, время преобразованій было свидѣтелемъ проникновенія въ русское общество такихъ идей и ученій, которыя отнюдь не соответствовали тѣмъ высокимъ нравственнымъ началамъ, изъ коихъ исходили крупнѣйшія изъ реформъ, въ томъ числѣ и судебная

реформа, рассчитанная на сознание долга передъ государствомъ, на уваженіе передъ положительнымъ закономъ и уваженіе къ личности человѣка, какъ существа духовно-нравственнаго, дѣйствующаго не по слѣпому инстинкту и животнымъ страстямъ, а въ сознаніи необходимости подчиненія велѣніямъ совѣсти, съ убѣжденіемъ въ существованіи вѣчныхъ и непреложныхъ истинъ.

Съ запада проникли въ Россію ученія, выросшія на почвѣ далеко несходной съ русской и, какъ всегда, подражатели старались опередить оригиналы крайностями выводовъ изъ предпосылокъ непровѣренныхъ и на вѣру принятыхъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Лорисъ-Меликова, представленномъ Императору Александру II въ 1880 году ¹⁾, начальникъ Верховной Распорядительной Комиссіи писалъ: „время особаго усиленія соціалистическихъ ученій въ Европѣ совпало съ тѣмъ временемъ, когда общественная жизнь въ Россіи находилась въ періодъ великихъ преобразованій, ознаменовавшихъ славное царствованіе Вашего Величества. Ученія эти находили здѣсь, какъ и вездѣ, послѣдователей, но число таковыхъ не могло быть велико и вліяніе ихъ не было замѣтно на первыхъ порахъ“.

Но успѣхъ пропаганды въ средѣ молодежи черезъ нѣсколько лѣтъ оказался несомнѣннымъ. Ученія соціалистовъ и даже анархистовъ нашли послѣдователей въ лицахъ, потерпѣвшихъ крушеніе уже на университетской скамьѣ. Семьи и общество были въ общемъ мало знакомы съ сущностью этихъ враждебныхъ исторически развившемуся государству ученій и относились зачастую равнодушно къ проявленіямъ крайнихъ теорій. Эти теоріи не находили отпора въ авторитетныхъ кружкахъ, схватывались безъ всякой критики клочками, но загнѣздились въ цѣлыхъ кружкахъ и начали проявляться наружу грубѣйшими и даже звѣрскими способами. Уже въ началѣ 60-хъ годовъ распространялись прокламаціи, содержаніе которыхъ было недалеко отъ извѣстнаго манифеста анархиста Нечаева. Поджоги въ городахъ Россіи, въ особенности въ столицѣ, попытки поднять на ноги крестьянъ при помощи подложныхъ манифестовъ, все это показывало, что лжеученія успѣли въ короткое время пустить корни и грозили стать силою, которая создала нездоровую атмосферу

¹⁾ Ср. Татищевъ. „Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе“. Томъ II, стр. 637, изданіе первое, 1903 г.

и настроеніе, неблагопріятное для спокойнаго воспріятія новыхъ началъ государственной жизни.

Дневникъ академика А. В. Никитенка (въ особенности II томъ, охватывающій время 1855 по 1864 г.) полонъ жалобъ на шатаніе умовъ, на склонность къ радикализму, къ преклоненію передъ всякимъ ученіемъ, кажушимся новымъ, на отсутствіе самообладанія, спокойной трудовой энергіи, на привычку все сваливать на правительство, на умственное и нравственное невѣжество массъ и на поверхностное образованіе тѣхъ слоевъ общества, которые заигрывая съ радикализмомъ, выставляли себя сторонниками прогресса.

2 августа 1861 года Никитенко пишетъ слѣдующія слова: „Дѣло не въ томъ, чтобы сдерживать крайнихъ разнузданныхъ прогресистовъ, но стоять во главѣ умѣренныхъ и благоразумно руководить послѣдними, не допуская ихъ до отчаянія и до того, чтобы они, отказываясь отъ дѣла, въ силу обстоятельствъ, не примкнули также къ крайнимъ. Дѣла управленія въ наши дни становятся сложнѣе, чѣмъ прежде; тогда слѣдовали системѣ --руби съ плеча.

Я весь принадлежу принципу нашего политическаго возрожденія, но съ тѣмъ, чтобы оно шло рука объ руку съ нравственнымъ. Первое не бываетъ прочно безъ второго.

Нація не можетъ оставаться въ застоѣ, въ неподвижности. Настоящее движеніе есть движеніе естественное. Его принципъ развиваться въ нравственномъ, умственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, согласно духу и способностямъ національнымъ. Это движеніе началось съ Петра, но настоящій сознательный и опредѣленный характеръ его наступаетъ только теперь. Нынѣшній Государь далъ ему санкцію освобожденіемъ крестьянъ. Естественно, что съ этимъ событіемъ національное движеніе становится неизбѣжнымъ и вопіющею потребностію. Но въ этомъ движеніи надо отличать два элемента или двѣ стороны -- искусственную, проистекающую изъ духа подражанія и поверхностнаго образованія, что доселѣ было нашимъ удѣломъ, и истинную -- ту, о которой я сказалъ выше. Искусственный элементъ породилъ у насъ стремленіе къ такъ называемому прогрессу съ девизомъ: впередъ очертя и сломя голову. Другой элементъ породилъ тоже стремленіе къ прогрессу, но умѣренному, постепенному и потому самому --болѣе полному и плодovitому бла-

гими 'послѣдствіями. Задача правительства отличить одно направление отъ другого, одно ограничивать, другому содѣйствовать и наставлять его, чтобы оно съ отчаянія тоже не впало въ крайность“.

III. Судебная реформа и мѣры къ распространенію народнаго проевѣщенія.

Послѣ освобожденія крестьянъ, приступая къ ряду коренныхъ реформъ, правительство сознавало, что весь успѣхъ реформаторской дѣятельности зависитъ отъ возможности просвѣтить народъ, дать ему образованіе. Судебная реформа болѣе, чѣмъ всѣ другія, могла быть проведена только въ расчетѣ на успѣшное распространеніе просвѣщенія. Всѣ ея главныя начала: гласность, устность процесса, равноправіе сторонъ, независимость суда, участіе въ судѣ представителей общества, могли быть плодотворными, если бросаемое судомъ сѣмя гуманности и правды падетъ на почву, удобренную просвѣщеніемъ, и притомъ просвѣщеніемъ, дающимъ не только познанія, но и развивающимъ религіозно-нравственныя чувства и совѣсть.

А съ народнымъ просвѣщеніемъ дѣло обстояло въ Россіи далеко неудовлетворительно. Мало было разсадниковъ просвѣщенія и мало педагогическихъ силъ.

Шесть университетовъ, нѣсколько лицеевъ, два привилегированныхъ учебныхъ заведенія, нѣсколько специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній должны были дать государству съ населеніемъ свыше 60 милліоновъ столь необходимый контингентъ людей съ высшимъ образованіемъ. 60 гимназій, а внизу сравнительно очень незначительное количество и при томъ плохо обставленныхъ начальныхъ (уѣздныхъ) училищъ, немного приходскихъ школъ и небольшое количество частныхъ учебныхъ заведеній! Если прибавить къ этимъ общегражданскимъ учебнымъ заведеніямъ военныя учебныя заведенія и, наконецъ, учебныя заведенія для духовенства, то оказывалось, что ничтожный процентъ населенія получалъ образованіе, и то далеко не всегда

основательное. Разсадниковъ педагоговъ было такъ мало, что укомплектованіе учительскаго персонала дѣльными, нравственно чистыми и не только въ политическомъ, но и въ общежитейскомъ смыслѣ, благонадежными учителями было дѣломъ труднымъ. Между тѣмъ реформированный судъ былъ предназначенъ не для одного только высшаго класса, а для всего населенія, по крайней мѣрѣ, коренной Россіи. Реформы въ области народнаго образованія, формально не стоявшія ни въ какой связи съ судебной реформой, должны были получить большое значеніе именно съ точки зрѣнія будущей дѣятельности судебныхъ учреждений.

Университетскіи уставъ 1835 г. былъ фактически отмѣненъ или сохранился только въ обломкахъ. Онъ былъ на дѣлѣ замѣненъ рядомъ дополнительныхъ правилъ, которыя противорѣчили другъ другу, отмѣняли сегодня то, что было недавно установлено и возстановливали затѣмъ то, что только что было отмѣнено. Постоянныя броженія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, столкновенія съ властями студентовъ, растерянность учебнаго персонала, незнавшаго, что допустимо, что нѣтъ, были результатомъ такого положенія вещей. За годъ до изданія Судебныхъ Уставовъ былъ изданъ новый университетскій уставъ (1863 г.), который (хотя вскорѣ опять были допущены отклоненія отъ его правилъ) ввелъ на время порядокъ въ университетахъ. Наравнѣ съ другими факультетами и юридическій факультетъ, который долженъ былъ дать государству часть судейскаго персонала — былъ расширенъ введеніемъ новыхъ предметовъ и новыхъ программъ преподаванія. Различные запреты дореформеннаго режима отпали и юридическая наука въ Россіи могла развернуться. Конечно, нельзя согласиться съ тѣми, кто, преувеличивая стѣсненія научной дѣятельности въ царствованіе Императора Николая I (вѣрнѣе послѣ 1848 года), утверждаетъ, что до эпохи реформъ въ Россіи не могла существовать юридическая наука, а существовало только казенное законовѣдѣніе, которое сводилось къ пересказу статей Свода Законовъ. Было бы несправедливо забыть, что въ царствованіе Императора Николая I и въ первые годы царствованія Его Преемника, еще до освобожденія крестьянъ, появился рядъ трудовъ Неволіна, Кавелина, первые труды Чичерина, сочиненія Дмитріева, что преподавалъ Мейеръ, учитель двухъ поколѣній русскихъ юристовъ, по сло-

вамъ А. Х. Голмстена ¹⁾, что тѣ крупные юристы, которые послѣ введенія устава 1863 года заняли каѳедры на юридическихъ факультетахъ, напр., Сергѣевичъ, Чебышевъ-Дмитріевъ, или продолжали свою профессорскую дѣятельность, какъ Рѣдкинъ, Андреевскій, Кавелинъ, Чичеринъ и Крыловъ, что юристы, оставившіе университетъ вслѣдствіе печальныхъ событій 1861 года, Спасовичъ и Утинъ, да и рядъ другихъ менѣе извѣстныхъ юристовъ-профессоровъ— были питомцами дореформенныхъ юридическихъ факультетовъ.

У насъ довольно распространенъ странный, не историческій приемъ; для того, чтобы какъ можно рельефнѣе выставить культурное значеніе реформъ 60 годовъ, умаляютъ значеніе всего того, что сдѣлано было ранѣе. Въ качествѣ характерныхъ моментовъ дореформенной эры указываютъ на назначеніе въ Харьковскомъ университетѣ на каѳедру философіи—частнаго пристава, на нѣкоторые оригинальные, даже комическіе поступки и распоряженія попечителей учебныхъ округовъ, въ родѣ дерптскаго попечителя Крафштрема или харьковскаго Жерве, или петербургскаго Мусина-Пушкина. Для характеристики дореформенныхъ профессоровъ указываютъ на криминалиста Бариева, который сперва восхвалялъ кнутъ, а потомъ плеть и т. д. Но такія карикатурныя явленія вызывали насмѣику и ропотъ и дореформеннаго времени. При этомъ замалчиваютъ о трудѣ первоклассныхъ юристовъ, о которыхъ сказано выше, а тѣмъ болѣе о трудахъ второстепенныхъ ученыхъ, которые также внесли свою лепту въ скромную, въ сравненіи съ западно-европейской, сокровищницу русской юридической науки, и говорятъ такъ, какъ будто не было въ Россіи ни Неволіна, Мейера и Кавелина, ни извѣстной дерптской школы историковъ права (Эверса, Неймана, Рейтца, Тобина), ни Морошкина, Бѣляева, Калачова, Иванишева и т. д. Ни реформы вообще, ни судебная реформа въ частности не нуждаются въ такихъ приемахъ восхваленія и не понятно было бы, откуда явилась юридическая подготовка плеяды молодыхъ дѣятелей въ Государственной Канцеляріи, многихъ первыхъ предсѣдателей окружныхъ судовъ, департаментскихъ предсѣдателей въ судебныхъ палатахъ, прокуроровъ въ

¹⁾ Ср. статью Д. И. Мейеръ, „Его жизнь и дѣятельность“. Журналъ Юридическаго общества при СПБ. Унив. 1894 г., кн. 5.

Сенатъ, палатахъ и судахъ и т. д., если бы русская юридическая наука была тѣмъ кладбищемъ, какимъ она рисуется не въ мѣру ревностными восхвалителями реформенной эры.

Всѣ тѣ крупные русскіе юристы, которые, послѣ обновленія Россіи реформами Александра II, обогатили русскую литературу своими трудами, равныхъ по достоинству которымъ въ настоящее время рѣдко встрѣтишь: А. Д. Градовскій, И. Е. Андреевскій, Пахманъ, Владимірскій-Будановъ, Сергѣевичъ, Таганцевъ, Фойницкій, Сергѣевскій и т. д. были или сами еще студентами дореформеннаго университета, или учениками тѣхъ, кто работалъ въ университетѣ въ мрачную эпоху 40-хъ и 50-хъ годовъ, въ тѣ времена, когда наука отчасти только касательной линіей проникала въ университетъ. Исторія юридической литературы поставитъ творенія ихъ несомнѣнно выше трудовъ многихъ ихъ преемниковъ и по ясности изложенія и по глубинѣ мысли.

Одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ представителей началъ гласности и гуманности въ судахъ, А. Θ. Кони когда то сказалъ, что если онъ во время своихъ занятій желалъ освѣжить логическіе приемы юридическаго мышленія, то онъ прибѣгалъ къ пожелтѣвшимъ тетрадкамъ, въ коихъ были записаны лекціи Никиты Крылова, этого незабвеннаго учителя московскихъ юристовъ, надъ слабостями котораго издѣвался Герценъ. Дореформенная русская юридическая наука, все равно какъ бы ни назывались курсы, читавшіеся въ университетахъ: курсами ли законовѣднія или курсами правовѣднія, воспитала дѣятелей судебной реформы и эта реформа отчасти дѣло ея рукъ. Но конечно, разъ Верховная власть рѣшилась покрыть Россію сѣтью судебныхъ учреждений, соотвѣтствующихъ требованіямъ времени, то она не могла не принять мѣръ къ тому, чтобы преподаваніе юриспруденціи въ университетахъ было расширено и отвѣчало успѣхамъ науки ¹⁾. Университетскій Уставъ 1863 г.

¹⁾ Если бы весь судейскій персоналъ дореформенной Россіи представлялъ изъ себя темную среду безъ всякаго просвѣта, какъ рисуютъ его не въ мѣру усердные энтузіасты-хвалители эпохи реформъ, то оглашеніе „Основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи“ привело бы къ тому, что откликнулись бы только ученые юристы и лица, проживающія въ столицахъ; губерніи же и уѣзды пропустили бы этотъ призывъ къ критикѣ проекта мимо ушей.

Однако въ напечатанныхъ Государственной Канцеляріей въ 1863 г. замѣчаніяхъ о развитіи основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи въ числѣ 448 доставленныхъ въ Государственную Канцелярію различнаго достоинства и различнаго объема предложеній, замѣтокъ, и совѣтовъ мы видимъ, что откликнулись: 36 уѣздныхъ

кстати сказать составленный при ближайшемъ участіи русскихъ ученыхъ, получившихъ образованіе въ дореформенныхъ университетахъ, ввелъ новыя каѳедры въ юридическіе факультеты и переименовалъ отчасти старыя.

По уставу 1835 года на юридическихъ факультетахъ существовали каѳедры: энциклопедіи и методологіи законовѣдѣнія, каѳедры Россійскихъ Основныхъ Государственныхъ законовъ и учрежденій и законовъ о состояніяхъ, римскаго законодательства и исторіи его, исторіи Россійскаго законодательства, законовъ гражданскаго судопроизводства, законовъ уголовныхъ и полицейскихъ, законовъ благоустройства и благочинія, законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ, дипломатіи и общенароднаго правовѣдѣнія, законовъ о государственныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ.

Въ нѣкоторыхъ университетахъ (Московскомъ, Петербургскомъ, Кіевскомъ и Дерптскомъ) читались спеціальныя лекціи, посвященныя праву отдѣльныхъ частей Россіи. Такъ въ Москвѣ читались лекціи по гражданскому и уголовному праву и по исторіи права Царства Польскаго, въ Дерптѣ лекціи по мѣстному балтійскому праву.

Названія курсовъ звучать для насъ странно, но отъ названія не зависитъ суть дѣла. Подъ скромнымъ казеннымъ названіемъ можетъ скрываться богатый запасъ содержанія, точно также, какъ подъ блестящими заглавіями и вычурной терминологіей, желающей опередить даже пресловутое послѣднее слово науки, могутъ быть скрыты беспочвенная фантазія и отсутствіе знаній, необходимыхъ для уразумѣнія права въ его непрерывномъ историческомъ развитіи.

Уставъ 1863 года ввелъ слѣдующіе каѳедры и курсы: 1) а) Энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ. б) Исторіи философіи права. 2) Исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ

стряпчихъ и стряпчихъ по уголовнымъ дѣламъ, 72 уѣздныхъ судей, 66 председателей и товарищей председателей палатъ и 26 лицъ дореформеннаго прокурорскаго надзора (Остальныя замѣчанія доставлены: различными лицами отчасти не состоявшими на службѣ, чинами сенатскихъ канцелярій, служащими въ коммерческихъ судахъ, судебными слѣдователями, однимъ вице-губернаторомъ, 3 предводителями дворянства и т. д.).

Очевидно, въ дореформенной Россіи, въ провинціи дѣйствовали не одни Тяпкины-Ляпкины. Да если бы почва, на которой пришлось построить монументальное зданіе новаго суда, была исключительно рыхлой и болотистой, она бы и не выдержала монументальнаго зданія.

законодательствъ древнихъ и новыхъ. 3) Исторіи русскаго права. 4) Исторіи славянскихъ законодательствъ. 5) Римскаго права: а) Исторіи римскаго права. б) Догматики римскаго гражданскаго права. в) Византійскаго права. 6) Государственнаго права. а) Теоріи государственнаго права. б) Государственнаго права важнѣйшихъ иностранныхъ государствъ. в) Русскаго государственнаго права. 7) Гражданскаго права и гражданскаго судоустройства и судопроизводства. 8) Уголовнаго права и уголовного судоустройства и судопроизводства. 9) Полицейскаго права: а) Ученія о безопасности (законы благочинія). б) Ученія о благосостояніи (законъ благоустройства). 10) Финансоваго права: а) Теоріи финансовъ. б) Русскаго финансоваго права. 11) Международнаго права. 12) Политической экономіи и статистики. 13) Церковнаго законовѣдѣнія. Впослѣдствіи была еще учреждена кафедра судебной медицины.

Уставъ 1863 г. усилилъ значеніе теоретическихъ частей курсовъ, возстановивъ устранный, въ особенности послѣ 1848 г., элементъ философскій и экономическій. Въ этомъ несомнѣнно большой успѣхъ, но нерѣдко жаловались, что юридическіе факультеты давали слушателямъ слишкомъ много теоріи и слишкомъ мало знанія положительнаго законодательства ¹⁾).

Н. Х. Бунге какъ бы предвидѣлъ этотъ недостатокъ въ статьяхъ „Объ устройствѣ учебной части въ нашихъ университетахъ“ ²⁾ и писалъ: „У насъ мало хорошихъ юристовъ; болѣе десяти лѣтъ правительство употребляетъ всѣ свои усилія для сокращенія переписки, а между тѣмъ главная цѣль все еще не достигнута. Отчего? Оттого, думаемъ мы, что лица, занимающія высшія должностныя мѣста и сознающія необходимость преобразованія, не могутъ добиться дѣльных, практическихъ отвѣтовъ. Многіе изъ служащихъ, получившихъ образованіе въ университетѣ, не знаютъ ничего болѣе кромѣ нѣсколькихъ томовъ Свода Законовъ и юридической практики, которая у нихъ передъ глазами. Какой порядокъ дѣлопроизводства существовалъ у насъ прежде, что его усложняло, какія упрощенія сдѣланы у другихъ народовъ по подобнымъ дѣ-

¹⁾ О развитіи юридическаго образованія въ Россіи ср. книгу Н. П. Яснопольскаго. Специализація учебныхъ плановъ преподаванія и занятій науками юридическими, государственными и экономическими въ университетахъ Россіи 1907 г.

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“. 1858 г.

ламъ, какія средства были придуманы для подобнаго упрощенія и проч., все это темный лѣсъ для нашихъ практиковъ“. Бунге, признавая подготовку молодыхъ лицъ какъ къ административной, такъ и судебной дѣятельности, дававшуюся университетами, крайне неудовлетворительной, предлагалъ въ университетахъ отдѣлить науки юридическія въ строгомъ смыслѣ, отъ наукъ государственныхъ и создать два факультета; факультетъ государственныхъ или общественныхъ наукъ и факультетъ юридическій. Послѣдній долженъ былъ быть раздѣленъ на общій курсъ и два спеціальныхъ, одинъ для гражданскаго, другой для уголовного права. Студенты должны были по возможности участвовать въ практическихъ занятіяхъ. Эти практическія занятія должны были состоять какъ въ рѣшеніи уже рѣшенныхъ дѣлъ, такъ и въ ознакомленіи въ теченіе опредѣленнаго времени съ работами въ судебныхъ мѣстахъ. „Занятіе дѣломъ, писалъ онъ, имѣющимъ современный интересъ, не уяснило ли бы для учащихъ значенія науки, не указало ли бы на то, что послѣдняя можетъ извлечь изъ самой практики. Практика должна быть не механическимъ навыкомъ, а средствомъ для цѣлей ученыхъ и для примѣненія знанія къ дѣлу“.

Съ 60-хъ годовъ начинается оживленіе въ области изученія какъ строго юридическихъ, такъ и юридико-политическихъ наукъ и русская юридическая литература, отзываясь на теоретическія и практическія потребности времени, обогащается и крупными и мелкими изслѣдованіями по всѣмъ юридическимъ дисциплинамъ. Растетъ книжная литература, но еще быстрѣе развивается литература періодическихъ изданій, преимущественно журнальная. Цѣлый рядъ журналовъ, посвященныхъ спеціально юриспруденціи даритъ русскимъ юристамъ ежемѣсячно или еженедѣльно статьи, въ числѣ которыхъ немало такихъ, которыя не по объему, но по содержанію стоять многихъ книгъ: „Журналъ Министерства Юстиціи“, „Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права“, „Юридическій Вѣстникъ“, „Вѣстникъ Права“, „Юридическая Лѣтопись“, „Юридическая Газета“, „Право“ и т. д. За 50 лѣтъ появилось такое множество статей крупныхъ и мелкихъ, что русскій юристъ нашего времени дѣйствительно съ трудомъ понимаетъ, какъ отошедшее въ могилу поколѣніе дореформенныхъ юристовъ могло жить безъ этой пищи ума.

Судебная реформа была однимъ изъ главныхъ импульсовъ оживленія юридической мысли. Это несомнѣнно, но столь же несомнѣнно, что и другіе факторы съ равной силой, а иногда и съ большей, вліяли на развитіе русской юриспруденціи. Реформа мѣстнаго самоуправленія, попытки реформы мѣстнаго короннаго управленія, реформы въ области финансовъ и т. д. повлекли за собою напряженную научную и публицистическую работу, ибо эти реформы затрагивали также наболѣвшія мѣста въ русскомъ государственномъ организмѣ. Извѣстенъ фактъ, что юридико-политическія дисциплины разрабатывались въ Россіи усерднѣе, нежели строго-юридическія и что число т. н. цивилистовъ у насъ менѣе значительно, нежели число представителей различныхъ отраслей публичнаго права.

Къ судебной реформѣ, какъ фактору болѣе быстрого развитія юриспруденціи въ Россіи прибавились двѣ мѣры: откомандированіе молодыхъ ученыхъ за границу, для изученія юридическихъ наукъ въ западноевропейскихъ, преимущественно германскихъ университетахъ, и реформа въ области законодательства о печати.

Законодатель, давъ университетамъ уставъ и расширивъ преподаваніе юридическихъ наукъ (въ 1874 г. былъ преобразованъ бывшій камеральный Демидовскій Лицей въ Юридическій Лицей, причемъ реформа мотивирована тѣмъ, что распространеніе Судебныхъ Уставовъ на все большее количество мѣстностей требуетъ усиленія мѣръ для подготовки молодыхъ юристовъ), сознавалъ, что нескоро удастся замѣстить всѣ судейскія должности научно-подготовленными юристами. Въ виду этого не было признано возможнымъ установить немедленно для должностныхъ лицъ судебного вѣдомства спеціальнѣй юридическій цензъ какъ безусловное требованіе.

Въ Учрежденіе Судебныхъ Установленій была введена статья, гласящая, что должности предсѣдателей, товарищей предсѣдателей и членовъ судебныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ и судебныхъ слѣдователей, чиновъ прокурорскаго надзора, оберъ-секретарей, секретарей и ихъ помощниковъ замѣщаются не иначе, какъ изъ числа лицъ, имѣющихъ аттестаты университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи юридическихъ наукъ или о выдержаніи экзамена въ сихъ наукахъ, или же доказавшихъ на службѣ свои познанія по судебной части.

Безусловное требованіе спеціальной юридической подготовки привело бы къ тому, что пришлось бы уволить множество старыхъ слугъ судебного вѣдомства, не получая взамѣнъ ихъ спеціально образованныхъ юристовъ. Но со времени введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ Министерство Юстиціи настойчиво стремилось замѣстить всѣ должности по судебному вѣдомству юристами и успѣло въ этомъ въ такой степени, что нынѣ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ рѣдко встрѣтишь лицо, не имѣющее юридическаго образованія. Судебное вѣдомство въ этомъ отношеніи занимаетъ, наравнѣ съ нѣкоторыми вѣдомствами, которыя отъ служащихъ требуютъ спеціальной технической научной подготовки, исключительное положеніе, ибо, если не считать техническихъ отраслей государственной службы, Россія не знаетъ того, что, напр., въ Пруссіи является общимъ правиломъ: спеціальной подготовки служащихъ для опредѣленнаго рода службы.

Конечно, не всегда университетскій аттестатъ обезпечивалъ полную пригодность лица для судейской дѣятельности. Съ начала 80-хъ годовъ XIX столѣтія замѣчается наплывъ массы молодыхъ людей на юридическіе факультеты, и увеличеніе числа студентовъ-юристовъ привело къ явленію нежелательному. Болѣе близкое вліяніе профессоровъ на слушателей становилось тѣмъ труднѣе, чѣмъ быстрѣе росло число слушателей. О введеніи практическихъ занятій издавна у насъ много говорили, но организація ихъ возможна лишь въ томъ случаѣ, если или число преподавателей значительно, или число слушателей не превышаетъ извѣстной нормы. Стали высказываться жалобы на плохую подготовку молодыхъ аспирантовъ на судейскую карьеру, на плохое знакомство съ отечественнымъ законодательствомъ, даже на плохое знакомство съ русской грамматикой.

✓ Но Судебные Уставы, выставивъ требованіе спеціального юридическаго ценза, сами признавали теоретическую подготовку недостаточной и ввели то, что можно называть школой практическаго изученія юриспруденціи. Созданъ былъ институтъ кандидатовъ на судебныя должности, которые, подъ руководствомъ уже приобрѣвшихъ опытъ судей-юристовъ, должны были пополнять свои, нерѣдко недостаточно глубокія теоретическія познанія изученіемъ стекавшагося со всѣхъ сторонъ Россіи житейскаго матеріала. Благодаря институту кандидатовъ на судебныя должности, судебныя учрежденія Россіи стали школами юриди-

ческой мысли для многих сотенъ молодыхъ людей, которые, пройдя ее, вооруженные не только отвлеченными научными знаніями, но и свѣдѣніями, почерпнутыми изъ живыхъ картинъ гражданскаго и уголовнаго процесса, могли вступать на судебскую стезю съ сознаниемъ, необходимымъ для всякаго истиннаго судьи, что чѣмъ болѣе знаешь, тѣмъ болѣе чувствуешь необходимость большаго знанія, и что судья до конца своего поприща долженъ учиться, уча другихъ правдѣ и законности.

Реформа университетовъ, въ которыхъ все возрастающее количество молодыхъ людей получало юридическое образованіе, имѣло непосредственное значеніе для судебного вѣдомства. Реформа учебныхъ заведеній, дававшихъ общее образованіе подрастающему поколѣнію, и въ такой же мѣрѣ забота объ организаціи правильной и по возможности обнимающей всю Россію системы народныхъ школъ стояли, на первый взглядъ, вдали отъ работъ по преобразованію суда и въ комиссіяхъ, выработавшихъ проекты среднихъ учебныхъ заведеній или намѣчавшихъ пути и средства для доставленія всей массѣ народа возможности получать хотя бы скромное, элементарное образованіе, а равно при обсужденіи внесенныхъ министромъ народнаго просвѣщенія проектовъ гимназическаго устава и уставовъ народныхъ школъ въ Государственномъ Совѣтѣ не былъ обсуждаемъ вопросъ о значеніи успѣха образовательнаго дѣла для благопріятнаго или неблагопріятнаго дѣйствія реформированныхъ судебныхъ установленій. Однако, едва ли дѣятели 60-хъ годовъ не сознавали, что распространеніе народнаго просвѣщенія стоитъ въ ближайшей, хотя бы и не формальной, и непосредственно осязаемой связи съ судебной реформой. Иго рабства, которое заклемило Русь, — черная неправда въ судахъ, лесть и ложь и вся мерзость, которая, по словамъ Хомякова, наполняли Русь и лишали русскій народъ возможности дышать чистымъ воздухомъ, — всѣ эти темныя силы были только возможны благодаря умственной и еще болѣе нравственной отсталости населенія, сколько низшихъ его классовъ, столько и тѣхъ, которые къ „подлому народу“ не принадлежали и пользовались различными привилегіями. Призывать населеніе къ участию въ судѣ, открывать двери суда публикѣ, не заботясь въ то же время о доставленіи средствъ, которыя бы подняли эту самую публику на болѣе высокій уровень умственнаго и нравственнаго развитія,

значило отнимать у суда возможность находить опору въ томъ народѣ, въ который должны были быть внесены лучи милости и правды. Еще полбѣды, если бы масса народная могла и послѣ проведенія широкихъ реформъ сохранить свои патріархальныя привычки и взгляды, вѣками установившіеся устои семейной жизни и незатронутую никакими новыми вѣяніями отеческую вѣру. Такая отсталая грубая народная стихія могла бы, подъ вліяніемъ гласнаго и близкаго населенію суда, постепенно воспріять здоровыя нравственныя понятія объ уваженіи передъ закономъ и передъ правами другихъ лицъ, на законѣ основанными и народной массѣ не всегда понятными. Но переустройство народной жизни и переходъ населенія отъ патріархальнаго уклада жизни самодовлѣющихъ въ хозяйственной дѣятельности помѣстій, селъ и деревень къ новымъ формамъ свободной хозяйственной дѣятельности, которыя неминуемо должны были усилить склонность къ отхожимъ промысламъ, къ движенію изъ одного угла Россіи въ другой, должны были повлечь за собой и не мало перемѣнъ въ установившемся міровоззрѣніи народа, а на первыхъ порахъ—и броженіе мысли, ранѣе или совсѣмъ не бывавшее или рѣдко замѣтное.

Правительство своими же реформами подготовляло сліяніе сословій. Сооруженіе желѣзнодорожной сѣти, новые законы о пользованіи правомъ торговли и промысловъ, введеніе земства, реформа городского самоуправленія на всесословныхъ началахъ, наконецъ, замѣна сословной рекрутской повинности всеобщей воинской повинностью были факторами, одинъ мощнѣе другого, для устраненія сословныхъ перегородокъ, за которыми успѣли образоваться своеобразныя сословныя взгляды на жизнь, на пристойное и непристойное, на способы и условія приложенія своихъ силъ для добыванія себѣ земнаго счастья. Народныя школы и среднія учебныя заведенія, приспособленныя къ нуждамъ населенія, дававшія возможность не только получить знанія, безъ коихъ новая Россія не могла обойтись, но и воспитаніе этическое и религіозное, могли разбудить дремлющія силы молодого поколѣнія къ честной и усердной работѣ. Неправильная же организація школъ, представляющая одно лишь умственное развитіе и возможность накопленія поверхностныхъ знаній, не дающая молодой душѣ никакой этической и религіозной пищи или вносящая въ молодую жизнь ученія атеизма и

матеріалізма, могла привести къ тому, что глаголь суда, вѣщавшій правду и законность, встрѣтилъ бы не отзывчивую среду, а такую, для которой ссылки на право, законъ, нравственность и богобоязнь имѣли бы значеніе напоминаній объ устарѣлыхъ понятіяхъ и лишнихъ узахъ для свободного отъ всѣхъ предразсудковъ человѣка.

Къ сожалѣнію, въ ущербъ всѣмъ реформаторскимъ начинаніямъ, а въ особенности реформъ суда, преобразования въ области народнаго образованія оказались наименѣе успѣшными изъ всѣхъ. Создать въ короткое время сѣть народныхъ школъ, мало мальски удовлетворяющихъ требованіямъ многомилліоннаго населенія или достаточное количество среднихъ учебныхъ заведеній оказалось невозможнымъ, даже если бы правительство рѣшилось затратить большія суммы на просвѣтительное дѣло. И тогда бы не удалось обезпечить школы достаточнымъ контингентомъ учителей, ибо учительскій персоналъ не создается съ сегодня на завтра. Можно было обратиться къ содѣйствію общества, но допущенное участіе общественныхъ элементовъ, увы, вскорѣ привело къ неблагоприятнымъ результатамъ. Извѣстно и не подлежитъ сомнѣнію, что воскресныя школы, которыя въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ расплодились въ городахъ, въ особенности въ столицахъ, были использованы для пропаганды матеріалізма, социализма и атеизма, учений, признававшихся передовыми въ одной части интеллигенціи. Ихъ пришлось закрыть. Этотъ неуспѣхъ воскресныхъ школъ имѣлъ роковое значеніе, ибо правительство поневолѣ стало относиться съ подозрѣніемъ къ частной инициативѣ въ школьномъ дѣлѣ, и когда проведена была земская реформа и земствамъ, а затѣмъ и городамъ была предоставлена возможность поработать на нивѣ просвѣщенія, то правительство признало необходимымъ обставить просвѣтительное дѣло сложнымъ контролемъ. Народное образованіе весьма медленно подвигалось впередъ, и ростъ умственнаго, а равно нравственнаго развитія не шелъ въ уровень съ прогрессомъ въ учрежденіяхъ государства, а преимущественно съ успѣхами организациі судебныхъ учреждений. Успѣхъ революціонной пропаганды, который далъ противникамъ послѣдовательнаго и неуклоннаго проведенія преобразовательныхъ принциповъ возможность и основаніе настаивать на доплененіи Судебныхъ Уставовъ нормами, не согласовавшимися

съ основными ихъ началами, объясняется тѣмъ, что народное образованіе не двинулось такъ, какъ того требовали нужды государства.

IV. Судебная реформа и законодательство о печати.

Судъ долженъ былъ стать гласнымъ, и реформа 1864 года упразднила безслѣдно дореформенный судъ, который зналъ подсудимаго только по бумагамъ, и который былъ извѣстенъ подсудимому только по слухамъ, опроснымъ листамъ и по волокитѣ. Но гласность суда не могла означать, что судъ долженъ былъ производиться подъ открытымъ небомъ. Въ помѣщеніе суда могло быть допускаемо въ лучшемъ случаѣ только ограниченное количество постороннихъ лицъ. Слѣдовательно начало гласности судопроизводства, точно такъ же какъ въ наше время, гласность дѣятельности законодательныхъ собраній требовало возможности знакомить широкія массы гражданъ съ тѣмъ, что происходило въ залахъ суда. Безъ реформы законодательства о печати гласность суда осталась бы на добрую половину мертвой буквой.

Дѣйствовавшій къ моменту изданія Судебныхъ Уставовъ законъ о печати, цензурный уставъ 1828 г. былъ изданъ въ такое время, когда о гласности дѣйствій какого-либо органа власти не было рѣчи, и когда показалось бы неслыханною смѣлостью говорить о такомъ актѣ, какъ опубликованіе по Высочайшему повелѣнію „Основныхъ началъ“ предложенной судебной реформы, въ видахъ побужденія общества высказаться по этому государственному дѣлу.

Излишне говорить о тѣхъ стѣсненіяхъ, коимъ была подвергнута и неповременная и повременная печать, благодаря предварительной цензурѣ или, вѣрнѣе, благодаря существованію ряда соперничавшихъ другъ съ другомъ предварительныхъ цензуръ всѣхъ почти вѣдомствъ. Субъективныя возрѣнія отдѣльных цензоровъ наравнѣ съ нерѣдко быстро другъ за другомъ слѣдовавшими перемѣнами во взглядѣ правительства на то, что можетъ быть дозволено и что не допустимо, поставили печать въ положеніе невыносимое. Рѣшеніе Верховной власти допустить

гласность въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, въ земскихъ собраніяхъ и въ судѣ должно было по логической необходимости повлечь за собою и пересмотръ законовъ о печати. Судебная реформа, построенная на началѣ независимости суда отъ вмѣшательства администраціи, была бы логическимъ абсурдомъ, если бы самое мощное орудіе гласности, печать, осталась подъ опекою цензуры.

М. Н. Катковъ писалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1869 г. № 202: „новые порядки не могутъ процвѣтать безъ публичности, такъ что самые жизненные интересы государства требуютъ настоятельно, чтобы у насъ во всѣхъ дѣлахъ вырабатывалось и зрѣло свое собственное мнѣніе. . .“ „Не надо закрывать себѣ глаза на то, что многія изъ новыхъ учреждений могутъ быть опасны безъ свободы печати. Въ нынѣшнее царствованіе создано много независимыхъ должностей, особенно по судебному вѣдомству“.

Правда, съ 1856 года строгости цензуры были ослаблены, и неповременная и повременная печать заговорила о вопросахъ, которыхъ касаться ранѣе было запрещено подъ страхомъ различныхъ взысканій, постигавшихъ то цензора, то издателя, то автора, а то и всѣхъ вмѣстѣ. Но эти ослабленія не имѣли законной почвы и были результатомъ неустойчиваго усмотрѣнія.

„Границы между дозволеннымъ и недозволеннымъ, говоритъ К. К. Арсеньевъ въ своемъ очеркѣ: „Законодательство о печати“¹⁾ становились все менѣе и менѣе опредѣленными по мѣрѣ того, какъ усложнялись задачи внутренняго управленія и ставились на очередь преобразованія первостепенной важности. Неизбѣжно возникалъ вопросъ, какое участіе въ ихъ обсужденіи можно и должно предоставить обществу,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о призваніи и значеніи печатнаго слова.

Предстояло выбрать ту или другую политику по отношенію къ печати, установить порядокъ, соотвѣтствующій сдѣланному выбору. Другими словами, предстоялъ пересмотръ законодательства о печати. Необходимость его была признана очень рано; уже въ 1857 г. повелѣно было приступить къ составленію новаго цензурнаго устава. Дѣло, повидимому не особенно сложное, затянулось, однако, на много лѣтъ, и всѣ главные законодатель-

¹⁾ „Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ“. С.-Петербургъ. 1893 г., стр. 6 и 7.

ные акты эпохи великихъ реформъ: Положенія о крестьянахъ, Университетскій уставъ, Судебные Уставы, Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ—опередили законъ 6 апрѣля 1865 года, неполный и состоявшійся лишь въ видѣ переходной мѣры“.

Правила 6 апрѣля 1865 г. изданы въ качествѣ временныхъ въ виду, какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ отъ того же числа, переходного положенія судебной части. Извѣстно, что Судебные Уставы, введенные въ дѣйствіе съ 1866 года, распространялись на Россію постепенно.

Маститый публицистъ, изъ сочиненія котораго заимствованы приведенныя выше слова, въ одномъ ошибается: онъ признаетъ дѣло изданія закона о печати не особенно сложнымъ. Напротивъ, оно было дѣломъ весьма сложнымъ и именно въ виду того, что Россія должна была ужиться съ новыми судебными учрежденіями. Правила 6 апрѣля 1865 года, какъ извѣстно, освободили отъ предварительной цензуры издаваемая въ столицахъ книги объемомъ не менѣе 10 листовъ (для оригинальныхъ) и 20 листовъ (для переводныхъ сочиненій), причемъ виновные въ совершеніи преступленій или проступковъ печати отвѣчали только передъ судомъ. Повременная печать въ зависимости отъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ могла быть также освобождена отъ предварительной цензуры и лица, отвѣтственные за преступленія и проступки, совершенные при посредствѣ повременнаго органа печати, отвѣчали только передъ судомъ, и лишь въ извѣстныхъ случаяхъ предъ администраціей ¹⁾).

¹⁾ Законъ о печати 1865 года не удовлетворилъ тѣхъ, кто желалъ видѣть послѣдовательное проведеніе прогрессивныхъ началъ, вылившихся въ законодательные акты 19 февраля 1861, 1 января 1864 и 20 ноября 1864 г.г. А. Д. Градовскій въ статьѣ „О свободѣ печати“, напечатанной въ 1868 году, указываетъ на то, что если сравнить исходныя точки указанныхъ трехъ крупнѣйшихъ законовъ перваго десятилѣтія царствованія Императора Александра II съ „Временными Правилами о печати 1865 г.“, то придется отмѣтить противорѣчіе въ ихъ характерѣ и цѣли. Тамъ довѣріе къ обществу, которое призывается къ участию въ устроеніи судебъ Россіи, здѣсь напротивъ глубокое недоовѣріе.

Знаменитый государствовѣдъ называетъ положеніе печати въ Россіи до 1865 года крѣпостнымъ, а съ 1865 г.—осаднымъ.

Между тѣмъ свобода печати, по его мнѣнію, была необходима именно въ виду появленія такихъ учреждений, какъ земство и новый судъ. Отсутствие ея могло сдѣлать опасными именно эти учрежденія. „Независимость суда, писалъ Градовскій, есть одно изъ коренныхъ условий дѣйствительности правосудія, но извѣстно, что она легко можетъ перейти въ произволъ. Гдѣ же искать обезпеченія противъ такого оборота дѣла? въ правительственной власти? Но власть отказалась отъ участія въ правосудіи,

Всѣ уголовные процессы, возбужденные по преступленіямъ и проступкамъ печати, должны были происходить гласно и публично, въ виду того, что Судебные Уставы допускали разсмотрѣніе дѣлъ при закрытыхъ дверяхъ только въ опредѣленныхъ случаяхъ.

Верховная власть, вводя судъ новаго устройства, новый совершенный порядокъ судопроизводства и ставя обвиняемыхъ въ преступленіяхъ печати передъ этотъ форумъ, не могла не колебаться. Гласный судъ, судящій преступленія печати, могъ противъ воли превратиться въ орудіе пропаганды опасныхъ для государственнаго правопорядка ученій. Издатель или редакторъ органа повременной печати, или авторъ, или издатель книги или брошюры, привлекались къ отвѣтственности передъ гласнымъ судомъ. Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ, происходившихъ при открытыхъ дверяхъ, должны были быть допущены къ печатанію въ газетахъ и журналахъ. Печатный станокъ несомнѣнно служилъ и служитъ орудіемъ распространенія просвѣщенія. Объ образовательномъ значеніи хорошихъ книгъ нечего и говорить. Повременная печать неоднократно называлась общенародной каедрой, съ которой лица, посвятившія себя дѣлу прессы, обращаются къ громадной аудиторіи.

Законодателю предстояло рѣшить нелегкую задачу: дать прессѣ неповременной и повременной надлежащій просторъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить злоупотребленія имъ.

Русская литература и повременная печать въ началѣ 60-хъ годовъ не успѣла, отчасти благодаря стѣсненіямъ дореформеннаго законодательства, занять положеніе, равное той вліятельной роли, которую печать играла на западѣ. Она еще сохраняла въ общемъ идейный характеръ и не спустилась на уровень промысла, въ коемъ матеріальные интересы преобладаютъ надъ интересами служенія идеѣ. Но съ пробужденіемъ Россіи къ болѣе живой и самостоятельной дѣятельности стали замѣчаться и первые признаки измѣненія характера печати, преимущественно повремен-

давъ судебнымъ установленіямъ обезпеченіе противъ посягательствъ со стороны администраціи. Легко представить себѣ результатъ, если при независимости юстиціи будетъ устранена возможность свободной и откровенной критики судебныхъ рѣшеній и отдѣльныхъ дѣйствій судебной власти. Примѣръ старыхъ французскихъ парламентовъ ясно показываетъ, во что обращается судъ, получившій извѣстную долю самостоятельности по отношенію къ правительству и заручившійся молчаніемъ общества*.

ной. Рано или поздно, промышленникъ долженъ былъ вторгнуться въ печать. Съ 60-хъ же годовъ въ печати начали также проявляться тенденціи, къ которымъ государственная власть не могла относиться безучастно въ надеждѣ, что односторонняя и завѣдомо или незавѣдомо извращенная передача и оцѣнка различныхъ событій общественной и государственной жизни найдетъ естественный противовѣсъ въ поправкахъ, вносимыхъ органами прессы другихъ направленій.

До введенія въ силу правилъ 6 апрѣля 1865 года печать имѣла дѣло только съ администраціей, которая въ своихъ рукахъ сосредоточивала средства предупредить распространеніе учений, предосудительныхъ съ точки зрѣнія государственной власти или опасныхъ для общественнаго спокойствія. Различныя вѣдомства, начиная съ вѣдомства народнаго просвѣщенія, въ рукахъ коего находилась общая цензура, облегчали себѣ задачу обузданія писателей, издавая въ изобиліи различныя инструкціи и отдѣльныя предписанія, коими цензора могли пользоваться и пользовались, употребляя цензорскія красныя чернила съ должнымъ усердіемъ. Правила 1865 года, сохранивъ въ распоряженіи администраціи цѣлый рядъ мѣръ воздѣйствія на печать, ввели новое начало: отвѣтственности виновныхъ въ преступленіяхъ печати передъ судомъ. Судебнымъ учрежденіямъ пришлось теперь имѣть дѣло съ преступленіями особаго характера, совершенно неизвѣстными судамъ дореформеннымъ.

Въ 1866 году, т. е. въ первый годъ дѣйствія новыхъ судовъ, въ С.-Петербургской судебной палатѣ, вслѣдствіе апелляціоннаго отзыва товарища прокурора С.-Петербургскаго окружнаго суда противъ оправдательнаго приговора окружнаго суда по дѣлу обвиненія Ю. Жуковскаго и редактора журнала „Современникъ“ А. Пыпина въ оскорбленіи чести и достоинства всего дворянскаго землевладѣльческаго сословія въ статьѣ означеннаго журнала: „Вопросъ молодого поколѣнія“, товарищъ прокурора Тизенгаузенъ въ рѣчи, въ которой отражается неустановившійся еще взглядъ на преступленія печати въ вѣдомствѣ, только что пережившемъ крупнѣйшую реформу, слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ своеобразное положеніе суда при обсужденіи и рѣшеніи вопроса о наличности состава преступленія въ дѣлахъ печати. „Главнѣйшая особенность дѣлъ о преступленіяхъ печати состоитъ въ томъ, что обвинительная власть

и судъ имѣютъ предъ собою, въ этого рода дѣлахъ, не дѣяніе, въ томъ смыслѣ, какъ это понятіе принимается въ другихъ дѣлахъ, подлежащихъ суду закона, но мысль и слово. Въ обыкновенныхъ дѣлахъ, подлежавшихъ суду закона, исходной точкою сужденія представляется внѣшній фактъ, значеніе котораго, какъ скоро самое совершеніе его удостовѣрено, не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Въ дѣлахъ же этого рода, къ которому принадлежитъ разсматриваемое нынѣ, внѣшняя сторона факта — выраженіе мысли посредствомъ преступнаго слова — сама по себѣ не представляетъ ничего преступнаго и предъ лицомъ уголовного суда получаетъ значеніе преступности лишь тогда, когда сама мысль, выраженная въ преступномъ словѣ, или самое слово, представляютъ собою что либо воспрещенное закономъ. И такъ, тутъ на первомъ планѣ не опредѣленіе свойства дѣянія, внѣшняго факта, а оцѣнка мысли и слова, и преимущественно мысли. Но какъ оцѣнивать мысль? Оцѣнка дѣянія опредѣляется судомъ на основаніи общихъ началъ права, выраженныхъ въ положительномъ законодательствѣ и рѣзко разграниченныхъ отъ области духовнаго закона нравственности. Но мысль человѣка не можетъ подлежать такой чисто внѣшней оцѣнкѣ; оцѣнивать достоинство мысли мы можемъ не иначе, какъ путемъ того нравственнаго закона — который начертанъ въ сердцѣ человѣка и выражается въ приговорахъ приносимыхъ его совѣстью.

И такъ, необходимость нравственной оцѣнки факта — вотъ первое, что должно лечь въ основу рѣшенія суда въ дѣлѣ о преступленіи печати, и на эту особенность считаемъ нужнымъ указать въ томъ вниманіи, что большая часть недоразумѣній, встрѣчавшихся въ этого рода дѣлахъ, основывается единственно на томъ ошибочномъ, по нашему убѣжденію, взглядѣ, будто предъ лицомъ суда всякое излишество въ пользованіи свободою печати должно быть оправдано, коль скоро оно не вполне подходитъ подъ букву положительнаго закона или какого нибудь юридическаго опредѣленія. Другая особенность этого рода дѣлъ въ томъ, что въ преступленіяхъ печати степень противозаконности поступка часто находится въ зависимости отъ обстоятельствъ времени. То или другое нарушеніе постановленій о печати можетъ представляться болѣе или менѣе преступнымъ, смотря въ какое время оно совершено. Отсюда — независимо отъ нравственной оцѣнки факта — необходимость со-

ображать его еще и съ условіями, заявляемыми даннымъ временемъ. На эти условія могутъ существовать въ обществѣ самыя разнообразныя взгляды,—и вотъ новый источникъ недоумѣній и недоразумѣній, для разъясненія коихъ и должны служить преимущественнымъ руководствомъ приговоры судебной власти по этимъ дѣламъ ¹⁾).

Защитникъ Жуковскаго и Пыпина, К. К. Арсеньевъ, не оставилъ объясненій особенности преступленій печати, данныхъ прокуроромъ, безъ отвѣта, но и его остроумная рѣчь не опровергла основательности мнѣнія, что преступленія печати имѣютъ особый характеръ, и что суду, какъ одному изъ представителей государственной власти, приходится оцѣнивать не только субъективную виновность лицъ, причастныхъ къ преступленію, но и объективный вредъ, который даннымъ произведеніемъ печати можетъ быть нанесенъ общежитію.

Представитель прокурорскаго надзора, правильно отмѣтивъ затруднительное положеніе суда при сужденіи не всѣхъ, но многихъ дѣлъ по преступленіямъ печати, едва ли былъ правъ, если признавалъ возможнымъ наложить на судъ обязанность оцѣнки дѣянія сообразно съ измѣнчивыми условіями времени. Судъ, по крайней мѣрѣ коронный судъ, не можетъ судить вполнѣ свободно, а долженъ прилагать при оцѣнкѣ дѣянія мѣрку положительнаго закона, буквы, или разума его. Свободнѣе стоитъ судъ присяжныхъ. Законодатель признавалъ возможнымъ распространить юрисдикцію суда присяжныхъ на преступленія посредствомъ печати, хотя нерѣдко высказывались опасенія, что эта форма суда въ дѣлахъ печати не вполнѣ пригодна. Чичеринъ ²⁾ говорилъ 30 лѣтъ спустя послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ, по вопросу о допущеніи суда присяжныхъ въ дѣлахъ о преступленіяхъ печати: „Но нельзя не сказать, что присяжные, вообще, слишкомъ подвержены общественнымъ увлеченіямъ и именно въ этого рода дѣлахъ всего менѣе являются безпристрастными судьями. Если писатель находитъ въ нихъ самую надежную гарантію, то для государственныхъ требованій они представляютъ наименьшее обезпеченіе“.

¹⁾ Матеріалы, собранныя особою комиссіею Высоч. учрежд. 2 ноября 1869 г. для пересмотра дѣйствующихъ постановленій, часть III, стр. 165.

²⁾ Курсъ Госуд. Науки, часть I. „Общее Государственное Право“, стр. 219.

Въ прессѣ уже до судебной реформы въ статьяхъ, обсуждавшихъ вопросъ о реформѣ законодательства о печати, высказывались не разъ пожеланія, чтобы преступленія печати были подвѣдомственны суду присяжныхъ. Такъ, въ журналѣ „Отечественныя записки“ въ 1862 году была напечатана статья Д. В. Скарятинъ: „Объ измѣненіи цензурнаго устава“. Авторъ писалъ: „Если бы самъ геній разума и справедливости принялся писать уставъ предварительной цензуры, онъ все таки не умѣлъ бы оградить писателя отъ произвола цензора. Останутся три буквы предварительнаго устава, и въ этихъ трехъ буквахъ произволь найдеть достаточно простора. Мы предпочитаемъ судъ, даже самый жестокій судъ, самому мягкому отеческому произволу. Никакой, самый подробнѣйшій уставъ не въ силахъ опредѣлить всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ слово составляетъ преступленіе. Уставъ можетъ только назначить нѣсколько категорій употребленія слова, которыя считать преступленіями, на примѣръ, онъ можетъ сказать, что оскорбленіе словомъ закона, религіи и. т. п. составляетъ преступленіе, но только здравый смыслъ и совѣсть судьи могутъ рѣшить оскорблены или не оскорблены религія и законъ такимъ напечатаннымъ словомъ. Вотъ почему въ судѣ надъ печатью можетъ быть допущено только одно изъ двухъ: или безграничный административный произволь, или судъ по совѣсти, который въ сущности тотъ же произволь“. Скарятинъ предлагалъ организовать судъ сложнаго состава: трое коронныхъ судей и 12 присяжныхъ, избранныхъ по жребію изъ 100 лицъ, половина коихъ избирается городскою думою С.-Петербурга (на всю Россію предположенъ одинъ судъ по дѣламъ печати), другая же половина избирается всѣми жителями столицы, получившими высшее образованіе.

Судебные Уставы 1864 года подчинили дѣла печати вѣдомству окружнаго суда на общемъ основаніи. Только въ томъ случаѣ, если преступленіе печати имѣло характеръ государственнаго преступленія, оно было подвѣдомо особому присутствію судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Однако не успѣли Судебные Уставы вступить въ силу, какъ законъ 12 декабря 1866 года подчинилъ цѣлый рядъ дѣлъ печати непосредственному разсмотрѣнію судебной палаты, на приговоры которыхъ, если они постановлены безъ участія присяжныхъ заседателей, подавались апелляціонные отзывы и протесты прокурора

Правительствующему Сенату по Уголовному кассационному департаменту. Съ участіемъ присяжныхъ рѣшались только дѣла о преступленіяхъ противъ вѣры и по возбужденію къ сопротивленію властямъ. Слѣдовательно въ вѣдѣніи окружныхъ судовъ остались только дѣла печати, содержація въ себѣ признаки преступленія противъ частныхъ лицъ, да дѣла по нарушенію болѣе важныхъ постановленій цензурнаго устава формальнаго характера. Этотъ же законъ возложилъ обязанность возбужденія преслѣдованія по преступленіямъ печати на главное управленіе по дѣламъ печати и на цензурные комитеты. Прокурорскій же надзоръ возбуждалъ преслѣдованіе лишь въ случаѣ оскорбленія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, но не иначе, какъ по жалобамъ заинтересованнаго учрежденія или должностнаго лица. Въ означенныхъ случаяхъ, а равно въ случаѣ возбужденія дѣла органомъ надзора за печатью прокурорскій надзоръ обязанъ былъ начать преслѣдованіе.

К. К. Арсеньевъ, въ статьѣ „Русскіе законы о печати“, говорилъ по этому поводу:

„Законъ 12 декабря 1866 года создалъ для обвинительной власти по дѣламъ печати положеніе совершенно особаго рода, не сходное съ тѣмъ, которое оно занимаетъ вообще въ уголовномъ процессѣ. Она лишена принадлежавшаго ей права инициативы, права возбуждать преслѣдованіе по непосредственно усмотрѣннымъ преступленіямъ или признакамъ преступныхъ дѣяній (Уст. Уг. Суд., ст. 297, п. 4). Она поставлена въ необходимость поддерживать обвиненіе даже и тогда, когда признаетъ его неосновательнымъ, между тѣмъ, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ лица прокурорскаго надзора должны дѣйствовать единственно на основаніи убѣжденія и существующихъ законовъ (Учр. Суд. Уст., ст. 130).

Трудно объяснить, почему законодательство столь быстро отступило отъ началъ, принятыхъ Судебными Уставами. Ни судъ, ни прокурорскій надзоръ не успѣли еще доказать, что они относятся къ дѣламъ печати не съ должной серьезностью.

Администрація, какъ бы уже заранѣе рѣшила, что на судъ и прокуратуру нельзя положиться, и, не желая выждать того, что укажетъ опытъ, рѣшила настоять на установленіи особаго судебного порядка для дѣлъ печати. Между тѣмъ, если и признать, что судъ и прокуратура не сразу освоились съ новыми

для нихъ дѣлами, то не было причинъ полагать, что органы судебной власти окажутся безсильными въ борьбѣ съ злоупотребленіями свободою печатнаго слова“. ¹⁾

Когда въ 1869 г. въ I департаментѣ Пр. Сената слушалось дѣло, возникшее по рапорту министра внутреннихъ дѣлъ о прекращеніи Аксаковской газеты „Москва“, то три сенатора изъ десяти присутствовавшихъ заявили, что судебныя учрежденія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось разсматривать дѣла о преступленіяхъ противъ законовъ о печати, вполнѣ сознательно относились къ симъ преступленіямъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ приговоры. Изъ свѣдѣній, обнародованныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ о судебныхъ процессахъ сего рода съ 1866 по 1868 г., видно, по мнѣнію сенаторовъ, что лица, противъ которыхъ начаты были подобныя преслѣдованія, почти всегда были признаваемы виновными и подвергались опредѣленному въ законѣ наказанію.

Сенаторы говорили далѣе: приведенные примѣры доказываютъ, что при судебномъ преслѣдованіи преступленія противъ законовъ о печати не остаются безнаказанными, и это даетъ полное право предполагать, что и на будущее время, въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинительная власть, при явныхъ нарушеніяхъ сего рода обратится къ власти судебной, послѣдняя, стоя на почвѣ строгой законности, всегда исполнитъ свой долгъ и будетъ служить надежною охраной справедливости и существенныхъ интересовъ общества и государства.

Означенные три сенатора настаивали на томъ, что, если въ органѣ печати обнаружено преступленіе, предусмотрѣнное въ уголовномъ законѣ, то таковыя дѣла подлежатъ суду, а не должны давать повода къ административнымъ репрессіямъ.

Когда дѣло перешло въ Общее Собраніе первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи, то изъ 29 сенаторовъ—9 (въ томъ числѣ Н. В. Калачовъ и Зарудный) повторили эти соображенія, и притомъ они воспользовались случаемъ, чтобы дать опредѣленіе понятія „вредное направленіе“,—обвиненіе, которое чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе служило поводомъ къ административнымъ репрессіямъ до прекращенія органа печати включительно.

¹⁾ Вѣстникъ Европы. 1869 г.

„Подъ вреднымъ направлениемъ, говорили они, должно разумѣть не что иное, какъ постоянное проведеніе вредныхъ ученій, касающихся основныхъ началъ народной жизни, государственнаго устройства, религіи и нравственности, и притомъ въ такой формѣ, которая, не составляя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ явнаго и осязательнаго преступленія, предусмотрѣннаго законами уголовными, не можетъ, слѣдовательно, дать повода къ судебному преслѣдованію, въ виду чего и представляется необходимымъ прибѣгать къ мѣрамъ административнымъ“.

Администрація не усвоила себѣ этого взгляда на „вредное направленіе“ и съ одной стороны налагала административныя кары на органы печати и въ томъ случаѣ, когда обнаруженныя въ нихъ нарушенія закона имѣли явные признаки преступленій, предусмотрѣнныхъ въ законѣ, такъ и въ томъ, когда ни весь характеръ даннаго органа, ни буква статей не доказывали желанія проведенія какихъ либо вредныхъ ученій, направленныхъ противъ государства, религіи, нравственности и основныхъ началъ народной жизни. Конечно судъ не могъ слѣдовать за Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ такой оцѣнкѣ всего, что писалось и печаталось.

Въ томъ же 1869 году по поводу одного дѣла о печати, разсматривавшагося въ совѣтѣ главнаго управленія по дѣламъ печати, большинство членовъ означенной коллегіи высказалось слѣдующимъ образомъ:

„Возбужденіе судебного преслѣдованія могло бы имѣть мѣсто три съ половиной года тому назадъ, когда еще не выяснялись въ цѣломъ рядѣ процессовъ тѣ отношенія суда къ дѣламъ печати, которыя привели нынѣ къ пересмотру существующихъ законоположеній“.

Къ сожалѣнію, совѣтъ не опредѣлилъ точнѣе, въ какихъ случаяхъ судъ отнесся къ дѣламъ печати не такъ, какъ слѣдуетъ.

Конечно, печать, въ особенности временная, за исключеніемъ сравнительно немногихъ органовъ, не отличалась должной осмотрительностью, и на столбцахъ газетъ и страницахъ журналовъ появились статьи, тенденція коихъ не могла бытъ признана здоровою, а тѣмъ болѣе полезною для мирнаго теченія общественной жизни. Умѣренное употребленіе полномочій административной власти въ борьбѣ съ такими выходками печати

никого бы не огорчило, но къ сожалѣнію аппаратъ административныхъ репрессій заработалъ съ такой энергіей, что читателю инкриминируемыхъ статей становилось совершенно неяснымъ, что предосудительнаго найдено было въ инкриминируемыхъ статьяхъ. А ст. 140 устава о цензурѣ была использована для цѣлей, которыя отнюдь не были въ виду у законодателя, когда онъ администраціи предоставилъ право запрещать въ чрезвычайныхъ случаяхъ касаться вопросовъ особой государственной важности. Жалоба же суду на такое произвольное и противорѣчащее разуму закона пользованіе правомочіями, какъ извѣстно, не была предоставлена тѣмъ, кому приказано было молчать.

Такимъ образомъ реформа законодательства о печати въ конечномъ результатѣ не привела къ тому, чтобы печать заняла положеніе, которое по своей правовой обеспеченности соотвѣтствовало бы началамъ, легшимъ въ основу Судебныхъ Уставовъ. Вскорѣ установился такой порядокъ, при которомъ судъ знакомился съ печатью развѣ въ томъ случаѣ, если дѣло касалось частныхъ лицъ и ихъ чести. Во всѣхъ другихъ случаяхъ печать была выведена изъ подъ охраны суда.

Чины преобразованнаго судебного вѣдомства отнюдь не были склонны смотрѣть на то, что дѣлала печать, снисходительно, если по ихъ убѣжденію интересы правосудія требовали обузданія свободы печатнаго слова. Тому служитъ доказательствомъ законъ, установившій наказаніе за оглашеніе въ печати свѣдѣній, обнаруживаемыхъ дознаніемъ или предварительнымъ слѣдствіемъ (Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 30 января 1870 г.). Вопросъ о томъ, допустимо ли оглашеніе означенныхъ свѣдѣній, былъ возбужденъ прокурорскимъ надзоромъ (прокурорами Московской, а затѣмъ и С.-Петербургской судебныхъ палатъ) и вотъ по какимъ поводамъ. Для обнаруженія виновниковъ страшнаго пожара, превратившаго въ пепель почти весь городъ Симбирскъ, была наряжена особая слѣдственная комиссія. Комиссія производила слѣдствіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и въ печати появились сообщенія о работахъ ея, которыя, по мнѣнію прокурорскаго надзора, могли только послужить къ тому, что виновные успѣли скрыть и безъ того незначительные слѣды ихъ участія въ дѣлѣ. Черезъ два года (въ 1868 году) въ Петербургѣ появилась въ продажѣ брошюра, предметомъ которой было убійство въ Гусевомъ переулкѣ,

т.-е. то дѣло, которое памятно всѣмъ петербургскимъ старожиламъ, и которое во время оно, когда жители не успѣли еще привыкнуть къ страшнымъ и жестокимъ преступленіямъ, произвело сильную сенсацію. Авторъ брошюры сумѣлъ раздобыть свѣдѣнія изъ слѣдственныхъ актовъ и подѣлился добытымъ съ читателями.

Прокуратура возбудила вопросъ объ изданіи закона, который бы призналъ оглашеніе въ печати, до воспослѣдованія судебного приговора, обстоятельствъ, производимыхъ по уголовнымъ дѣламъ предварительныхъ слѣдствій, дознаній и розысковъ — дѣйствіемъ преступнымъ.

Министерство Юстиціи признало приведенные прокуратурой доводы основательными и привело вопросъ къ благополучному концу въ законодательномъ порядкѣ¹⁾.

Печать этимъ новшествомъ была крайне недовольна и „Московскія Вѣдомости“ (въ № 46, 1870 года), возстали противъ этого ограниченія свободы печати, и безъ того не особенно широкой, спрашивая, что представляетъ изъ себя этотъ новый законъ: шагъ назадъ или шагъ впередъ въ духѣ началъ, положенныхъ въ основу нашей судебной реформы? Послѣ пространнаго разсужденія, въ которомъ указывалось, что печать, оглашая такого рода данныя, можетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ принести вредъ, но, въ большинствѣ случаевъ, пользу, газета объявила, что это, несомнѣнно, шагъ назадъ къ канцелярской тайнѣ. Такъ какъ Судебные Уставы отмѣняли канцелярскую тайну для подсудимаго, то слѣдственные дѣйствія, по логикѣ вещей, не могутъ де быть тайною и для постороннихъ лицъ.

Свидѣтели, даюціе показаніе, писала газета Каткова, окольные люди, эксперты, понятые—все это необходимые дѣятели предварительнаго слѣдствія, и законъ нигдѣ не беретъ съ нихъ слова молчать о томъ, что имъ извѣстно. Такимъ образомъ, происходившее на предварительномъ слѣдствіи проникаетъ въ публику, по силѣ самого закона, и становится однимъ изъ элементовъ публичнаго мнѣнія въ томъ или другомъ дѣлѣ.

Министерство Юстиціи, съ своей стороны, отнюдь не признавало полезнымъ, если пресса во время производства предва-

¹⁾ Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1867 г. № 3454.

рительнаго или судебного слѣдствія образовывала ообщественное мнѣніе, а то и муссировала его, полагая, что т. н. общественное мнѣніе есть явленіе весьма своеобразное и не можетъ быть надежнымъ союзникомъ правосудія.

Оно уже въ третій годъ дѣйствія Судебныхъ Уставовъ въ Москвѣ признало необходимымъ предостеречь предсѣдателя окружнаго суда противъ склонности слишкомъ много считаться съ тѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, которое слагалось по поводу различныхъ судебныхъ дѣлъ въ первопрестольной столицѣ, подъ вліяніемъ газетныхъ статей ¹⁾).

Предоставляя печати ту же гарантію безпристрастнаго сужденія, которая, благодаря судебной реформѣ, должна была стать достояніемъ всѣхъ гражданъ Россіи, законодатель не могъ не подойти къ вопросу, какихъ дѣятелей печати слѣдуетъ признать преимущественно отвѣтственными за то, что выходитъ изъ печатнаго станка и распространяется въ странѣ. Поскольку въ области неповременной печати этотъ вопросъ рѣшался легко, ибо здѣсь могла идти рѣчь только о томъ, кого въ первую очередь считать отвѣтственнымъ автора или издателя книги и брошюры, настолько трудно поддавался рѣшенію этотъ вопросъ, коль скоро дѣло касалось повременной печати. Вѣдь вся судебная реформа преслѣдовала въ сущности одну цѣль (поскольку рѣчь шла о реформѣ уголовного процесса), предупредить возможность обвиненія невиннаго и обезпечить возможность справедливаго наказанія виновнаго соразмѣрно его винѣ. Судебная реформа, которая бы не приняла всѣхъ мѣръ къ тому, чтобы карательная власть настигла дѣйствительно виновнаго была бы реформой безъ содержанія. И вотъ именно, съ этой точки зрѣнія, повременная печать представляла собой кругъ отношеній, который затруднилъ рѣшеніе этой задачи сообразно съ требованіями дѣйствительно праваго суда. Правильная конструкція отвѣтственности по преступленіямъ печати, строго говоря только одна: каждый отвѣчаетъ за то, что имъ сочинено и пущено въ печать. Однако эта единственно правильная конструкція оказалась невозможной и какъ западно-европейскому законодательству,

¹⁾ Интересная переписка по этому вопросу хранится въ Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1869 г. № 3261, озаглавленное „О улущеніяхъ должностныхъ лицъ судебныхъ вѣдомствъ и о особо важныхъ происшествіяхъ, замѣченныхъ Министерствомъ Юстиціи изъ повременныхъ изданій“.

такъ и власти, поведшей Россію по пути реформъ, пришлось помириться съ искусственной конструкціей, несправедливость которой должна была чувствоваться тѣмъ осязательнѣе, чѣмъ больше печать развивалась въ томъ направленіи, которое намѣчено было съ момента, когда капиталъ и промысловые расчеты избрали этого рода литературную дѣятельность областью своихъ операцій.

Нѣмецкій историкъ Гейнрихъ Трейчке въ своемъ курсѣ „Политики“ ¹⁾, признавая необходимость свободы печати въ современномъ государствѣ, указываетъ на внутреннее противорѣчіе, которое сопровождаетъ дѣятельность печати; онъ говоритъ: „страшный обычай анонимности — нравственная порча, послѣдствія которой трудно изобразить съ должной силой. Какое заблужденіе было думать, что свободная печать станетъ высшей школой гражданскаго сужденія. Напротивъ, она превратилась въ школу нравственной трусости... Обезпечить себя противъ отвѣтственности за оскорбленія при помощи анонимности — вездѣ считается подлой трусостью. Что недостойно отдѣльнаго индивида, то не можетъ быть благодѣяніемъ для общественной жизни. Это положеніе находитъ примѣненіе въ отношеніи печати тѣмъ болѣе, что напечатанное слово пріобрѣтаетъ большее распространеніе и большую силу и что тѣмъ самымъ нравственная отвѣтственность вырастаетъ. Поневолѣ вспоминаешь о домѣ умалишенныхъ, если приходится видѣть, какъ люди, которые скрываютъ свое имя, признаютъ себя призванными предавать гласности все то, что скрывается и боится свѣта. Трудно выразить, въ какой мѣрѣ такой порядокъ вещей содѣйствуетъ порчѣ общественнаго мнѣнія“.

Съ этой анонимностью пришлось имѣть дѣло и судебной власти въ виду того, что правила 1865 года установили общее начало объ отвѣтственности за преступленія печати передъ судомъ.

Правила 6 апрѣля 1865 года, независимо отъ издателя, установили новое званіе „отвѣтственнаго редактора“.

Соотвѣтственно съ этимъ правиломъ, въ Уложеніе о Наказаніи была введена статья (1044), согласно коей отвѣтственность за содержаніе, помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ статей, возлагается, во всякомъ случаѣ, какъ на главнаго ви-

¹⁾ 2 изданіе, т. I, стр. 174 и слѣд.

новника, на редактора изданія. Судъ долженъ былъ считаться съ этимъ правиломъ, тѣмъ болѣе, что Сенатъ, неоднократно, своими руководящими разъясненіями подтверждалъ его и настаивалъ на признаніи редактора отвѣтственнымъ и въ томъ случаѣ, если его указаніе, что онъ не читалъ статьи, содержащей въ себѣ признаки преступленія, оказывалось правдоподобнымъ. Законодатель, возлагая на судъ обязанность считаться съ редакторомъ, какъ главнымъ и преимущественно отвѣтственнымъ лицомъ, исходилъ изъ идеальнаго представленія о редакторѣ, какъ о дѣйствительномъ, свободномъ отъ всякаго посторонняго вліянія, руководителѣ даннаго органа прессы и не принялъ во вниманіе, что означенный руководитель могъ быть лицомъ, вполнѣ зависимымъ отъ лицъ, стоящихъ за его спиной, отъ издателя, вдохновителей и главныхъ сотрудниковъ и т. д. Наше законодательство не приняло института принудительной дачи показаній подъ присягою объ авторѣ преступной статьи и тѣмъ самымъ дало прессѣ, которая должна была играть роль помощницы и суда и администраціи въ дѣлѣ разоблаченія различныхъ золъ общественной жизни Россіи, возможность скрывать виновныхъ въ преступленіи печати за ширмой анонимности и за спиной редактора, а судъ поставило въ необходимость осуждать редактора за чужую вину, въ нарушеніе кореннаго начала уголовного права. Если бы виновные въ преступленіи печати (повременной) продолжали въ теченіе и слѣдующихъ десятилѣтій нести отвѣтственность передъ судомъ, то уже 30—40 лѣтъ тому назадъ появились бы и тѣ „дѣятели“ печати, которые на Западѣ Европы столь часто превращаютъ отвѣтственность передъ судомъ въ жалкую комедію, т. е. фиктивные редакторы, продающіе свое имя для подписи подъ газетой или журналомъ, а свою личность для отсиживанія срока ареста въ мѣстахъ заключенія.

Но судебное преслѣдованіе за преступленія печати стало вскорѣ рѣдкимъ явленіемъ, затѣмъ прекратилось и весь трудъ борьбы съ преступленіями печати перешелъ на плечи администраціи, которая не преминула использовать всѣ предоставленныя ей полномочія въ этой области, начиная съ предостереженій и кончая запрещеніемъ какъ книгъ, такъ и повременныхъ изданій.

Къ эпохѣ, когда судебное преслѣдованіе виновныхъ въ преступленіяхъ печати не отошло еще въ область преданій, хотя

бы еще свѣжихъ, относится попытка министра внутреннихъ дѣлъ Тимашева, объяснить судебнымъ учрежденіямъ, какъ имъ слѣдуетъ понимать задачу суда при сужденіи привлеченныхъ къ отвѣтственности за преступленія печати. Министръ внутреннихъ дѣлъ обратилъ вниманіе министра юстиціи на необходимость поставить на видъ суду не вполне правильное отношеніе къ преступленіямъ печати. (Переписка между обоими министрами возникла по поводу судебного преслѣдованія сборника „Лучъ“, изданнаго взамѣнъ прекращеннаго по Высочайшему повелѣнію журнала „Русское Слово“).

По мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, цѣль законодательства 6 апрѣля 1865 года никогда не была бы достигнута, если бы судъ въ дѣлахъ печати ограничивался однимъ формальнымъ примѣненіемъ буквы закона только къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ мѣстамъ книги, не обращая вниманія на ея общее направленіе и на тѣ побочныя обстоятельства, которыя могутъ показывать цѣль сочинителей и издателей и степень обдуманности ихъ дѣйствій. Отдѣльныя мѣста какой либо книги, хотя и составлявшія нарушеніе закона, но не имѣющія связи съ общимъ его направленіемъ и часто являющіяся только случайнымъ послѣдствіемъ неосмотрительности и увлеченія авторовъ, не могутъ имѣть въ глазахъ суда того же значенія, какъ систематическое и упорное проведеніе безнравственнаго или противоправительственнаго направленія, осужденнаго самою Верховною властью и тѣмъ не менѣе стремящагося проводить себя въ публику черезъ всѣ поставляемыя сему преграды. Это желаніе министра внутреннихъ дѣлъ превратить судъ въ органъ цензуры, судящій не факты, а направленіе книги, конечно не могло быть удовлетворено министромъ юстиціи, который очевидно и не признавалъ за собою права „ставить суду на видъ“ что либо. Но отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ министру юстиціи (оно относится къ 1868 году) доказываетъ какъ туго прививалась мысль, положенная въ основу Судебныхъ Уставовъ въ сферахъ администраціи, а съ другой стороны и не могло не служить доказательствомъ, что формальное по необходимости отношеніе суда къ преступленіямъ печати не могло устранить объективнаго вреда, который можетъ быть послѣдствіемъ преступленія печати.

Печать знакомила общество съ дѣятельностью судебныхъ учреждений. Каждая крупная газета старалась отвести на своихъ столбцахъ особое мѣсто для судебной хроники, завести судебныхъ репортеровъ, которые, слѣдя за всѣмъ интереснымъ, что происходило въ залахъ суда, передавали бы болѣе или менѣе подробно свои впечатлѣнія, рисовали бы ходъ процесса, давали бы характеристику и обвинителя, и защитника, и обвиняемаго, и свидѣтелей и, наконецъ, публики. Газетныя сообщенія о громкихъ процессахъ читались нерѣдко на расхватъ и нельзя не признать, что процессуальныя картины, нарисованныя судебными репортерами, нерѣдко живо и даже художественно, принесли долю пользы. Русское общество, сравнительно немногочисленные представители котораго попадали въ залы суда, знакомились съ дѣятельностью суда и перестало смотрѣть на судъ, какъ на нѣчто непонятное или неизвѣстное.

Но эта передача происходившаго на судѣ имѣла и нежелательныя послѣдствія. Въ судебныхъ засѣданіяхъ развертывались картины не только потрясающія и поучительныя. Сенсаціонные процессы, которые давали обильный матеріалъ перу репортеровъ, давали и поводъ къ подробному обсужденію такихъ явленій, которыя, привлекая серьезное вниманіе судьи и врача, могли отражаться отнюдь не благопріятно на чувствахъ и мысли читающей публики. Возбужденіе интереса къ явленіямъ преступности, изслѣдуемымъ до самыхъ подробностей передъ судомъ, въ особенности благодаря талантливымъ и нерѣдко страстнымъ рѣчамъ защитниковъ, которые, бывало, забывали, что они не призваны къ обѣленію обвиняемыхъ во что бы то ни стало, влекло за собой послѣдствія далеко нежелательныя. Преступленіе становилось дѣломъ понятнымъ, отвращеніе къ нему ослаблялось, состраданіе къ личности преступника, любовное отношеніе къ его ненормальной психикѣ, приводило въ концѣ концовъ къ снисходительной оцѣнкѣ самого преступнаго дѣянія. Пресса, знакомя общество съ дѣятельностью суда, популяризовала его, но она, несомнѣнно, противъ воли, популяризовала иногда и преступленіе. Къ сожалѣнію состраданіе къ преступнику доводило и до возвеличенія его личности, а въ иныхъ случаяхъ и до восхваленія.

Какъ во многихъ отношеніяхъ, такъ и здѣсь, повременная печать, содѣйствуя гласности суда, приносила пользу и, одно-

временно, приносила вредъ. Крупные органы повременной печати, ежемѣсячные журналы, въ особенности въ теченіе 60-хъ годовъ, держались въ рамкахъ дѣловитости и въ большинствѣ случаевъ не отводили своихъ страницъ для службы сенсаціи, на которую чѣмъ дальше, тѣмъ больше стала падка публика. И въ нихъ крупные процессы подвергались разбору, но разбору обдуманному, хотя, конечно, далеко не всегда безпристрастному. Но ежедневная пресса относилась нерѣдко къ суду легкомысленно и святое дѣло правосудія слишкомъ часто служило поводомъ для игры газетнаго остроумія и репортерскихъ хлесткихъ фразъ. Легко понять, что когда зашла рѣчь о введеніи гласности въ судахъ и логическомъ послѣдствіи ея, объ оглашеніи того, что происходило на судѣ, то правительство съ нѣкоторой нерѣшительностью разрѣшало расширеніе программъ органовъ повременной прессы въ отношеніи допущенія въ нихъ отдѣла „судебная хроника“.

Еще до введенія Судебныхъ Уставовъ обсуждался вопросъ о допустимости и желательности такого отдѣла.

Правительство неохотно разрѣшало печати касаться того, что происходило на судѣ. Въ началѣ 60-хъ годовъ (еще до судебной реформы) повременная печать рѣшилась коснуться запретной ранѣе области. Что отзывы о судебныхъ порядкахъ стараго режима были неблагоприятны—это понятно и, какъ позднѣе, такъ и въ то время, печать не могла отказаться отъ обобщеній; сообщая объ отдѣльныхъ случаяхъ злоупотребленій, она рисовала всѣ судебныя учрежденія исключительно густыми черными красками.

Въ 1862 году велась переписка между министромъ внутреннихъ дѣлъ и Министерствомъ Юстиціи по поводу одной статьи въ газетѣ „Сѣверная Пчела“, дѣтищѣ Греча и Булгарина. Передовая статья № 96 означенной газеты содержала въ себѣ разборъ отчета Министерства Юстиціи за 1860 годъ. Приведемъ интересную выписку изъ отношенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

„Авторъ, пишетъ министръ внутреннихъ дѣлъ, большею частью бездоказательно и голословно, и притомъ въ самыхъ неприличныхъ и желчныхъ выраженіяхъ, обвиняетъ нашу юстицію въ крайнихъ злоупотребленіяхъ, а приводимые изъ отчета факты подвергаетъ отчасти несправедливой критикѣ, оскорбительной

для судебныхъ мѣстъ и нарушающей уваженіе къ нашимъ законамъ по судебной части. Предпосылая общее сужденіе о томъ, что юстиція, допускающая незаконные поборы, не стоитъ ни гроша, только развращаетъ народъ, растлѣваетъ нравы и т. д., авторъ, очевидно, мѣтитъ на нашу юстицію, потому что дальше приписываетъ ей, именно, тѣ злоупотребленія, которыя заслуживали бы подобнаго порицанія, и признаетъ нашу систему правосудія никуда негодной. Хотя авторъ и утѣшается предстоящимъ скорѣ преобразованиемъ нашего судопроизводства, но это скорѣ усиливаетъ, чѣмъ ослабляетъ ѣдкое поруганіе вообще настоящаго судебного устройства и въ особенности служащихъ въ этой части“.

Министръ внутреннихъ дѣлъ находилъ, что неумѣстно допускать въ печати и особенно въ весьма распространенной газетѣ, статьи, наполненныя бранью и клеветою на наши судебныя учрежденія.

Со стороны вѣдомства, которое вѣдало цензуру, Министерства Народнаго Просвѣщенія, были приняты мѣры для предупрежденія такихъ выходокъ. Если даже газета Греча рѣшалась на такія разсужденія, то чего можно было ожидать отъ журналовъ „Современникъ“ и „Отечественныя Записки“. Ежедневная пресса должна была ограничиться теоретическими разсужденіями о переустройствѣ судебной части. Беллетристика же взялась за описаніе существовавшихъ порядковъ. „Губернскіе Очерки“ Салтыкова-Щедрина дали характеристику старыхъ судебныхъ дѣятелей, которая по красочности, конечно, далеко оставила за собой выпады Греча.

Министерство Юстиціи, съ своей стороны, признавало цензуру статей, посвященныхъ юстиціи, необходимой. Даже собственный журналъ Министерства („Журналъ Министерства Юстиціи“) былъ подчиненъ надзору особаго цензора.

Въ 1862 году профессоръ Императорскаго Александровскаго лица Лохвицкій, столь извѣстный впоследствии ученый и публицистъ, задумалъ приступить къ изданію юридической газеты подъ заглавіемъ „Законъ“. Въ программѣ газеты былъ указанъ отдѣлъ: „Судебная Практика“.

Означенный отдѣлъ долженъ былъ содержать: описаніе процессовъ и тексты судебныхъ приговоровъ судовъ всѣхъ инстанцій по дѣламъ замѣчательнымъ или по важности своей, или по

новости вопроса, или по пониманію и примѣненію закона, или, наконецъ, потому, что они представляютъ любопытную картину нравовъ извѣстной мѣстности или общественной среды, а затѣмъ, критику судебныхъ рѣшеній въ томъ размѣрѣ и съ соблюденіемъ тѣхъ условій, которыя положены закономъ ¹⁾).

Во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія стоялъ съ 1862 году либеральный Головинъ, а Министерствомъ Юстиціи управлялъ Замятнинъ. Ни первый, ни второй не рѣшились допустить такого отдѣла въ газетѣ „Законъ“.

Товарищъ министра юстиціи Стояновскій, подписавшій отношеніе къ министру народнаго просвѣщенія, находилъ, что до осуществленія судебной реформы и опредѣленія въ законодательномъ порядкѣ круга дѣйствій частныхъ юридическихъ изданій по предметамъ новаго судоустройства и судопроизводства представляется невозможнымъ утвердить программу Лохвицкаго. Проф. Лохвицкому было разрѣшено издавать газету, но съ сокращеніемъ программы.

Въ 1862 году цензоры получили особое наставленіе для цензуранія статей, касавшихся судебной части.

Въ этомъ наставленіи было сказано:

„Не дозволять печатаніе порицаній Пр. Сената и другихъ высшихъ правительственныхъ учрежденій, не допускать разборъ такихъ рѣшеній судебныхъ мѣстъ 1 и 2 степени суда, которыя, по силѣ существующаго нынѣ законодательства, могли бы быть перевершены или измѣнены судомъ высшей инстанціи.“

Перепечатаніе рѣшеній судебныхъ мѣстъ дозволяется, когда рѣшеніе уже было напечатано въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“ или въ одномъ изъ официальныхъ журналовъ, хотя бы и не въ официальной части журнала“.

Въ „Основныхъ Положеніяхъ“ преобразованія судебной части въ п. 62 также затрагивается вопросъ о правѣ печатать

¹⁾ Въ 1862 году въ Петербургѣ издавались три органа печати, которые по характерному для того времени выраженію цензурнаго вѣдомства „относились къ вѣдомству Министерства Юстиціи“. То были:

„Журналь Министерства Юстиціи“ (редакторъ: Чебышевъ-Дмитріевъ), „Юридическій Вѣстникъ“, издававшійся Калачовымъ и „Юридическій Журналь“, издававшійся Салмановымъ.

и обсуждать рѣшенія судебныхъ мѣстъ. Здѣсь было сказано слѣдующее:

„Каждое окончательное рѣшеніе, состоявшееся публично, можетъ быть напечатано, какъ самимъ судомъ, такъ и частными лицами, и обсуждаемо сими послѣдними въ юридическихъ журналахъ, съ сохраненіемъ должнаго къ суду и его членамъ уваженія. Преслѣдованіе нарушеній сего правила возлагается на обязанность прокуроровъ судебныхъ мѣстъ, чѣмъ, впрочемъ, не отнимается у частныхъ лицъ право приносить куда слѣдуетъ жалобы на сдѣланное имъ оскорбленіе“.

Слѣдовательно, первоначально сами творцы Судебныхъ Уставовъ полагали возможнымъ допустить обсужденіе процессовъ лишь въ юридическихъ журналахъ, а не въ общихъ органахъ повременной прессы.

20 ноября 1866 года были изданы Высочайше утвержденныя правила для печатанія рѣшеній судебныхъ установленій. Эти правила дали печати нѣсколько большій просторъ сравнительно съ указанными выше цензурными правилами 1862 года. О всемъ происшедшемъ въ публичныхъ засѣданіяхъ судебныхъ установленій, а равно рѣшенія, состоявшіяся въ этихъ засѣданіяхъ, дозволено печатать во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ. Что же касается разбора и обсужденія судебныхъ рѣшеній, то таковыя допускались лишь въ спеціальныхъ юридическихъ журналахъ и въ тѣхъ повременныхъ изданіяхъ, въ которыхъ будетъ особый отдѣлъ юридической хроники. Такъ какъ программы повременныхъ изданій утверждались правительствомъ, то отъ усмотрѣнія власти зависѣло допустить или не допустить въ повременномъ изданіи отдѣлъ „юридической хроники“, и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, которое при рѣшеніи вопроса о допущеніи въ данномъ изданіи такого отдѣла, предварительно всегда запрашивало мнѣніе Министерства Юстиціи, далеко не всѣмъ изданіямъ разрѣшало ввести отдѣлъ такого рода. Когда въ 1867 году нѣкій учитель Артоболевскій, а затѣмъ московское юридическое общество ходатайствовали, первый о дозволеніи основать стенографическую газету „Гласный Судъ“, а второе газету подъ названіемъ: „Юридическая Газета“ (подъ редакціей профессора Лешкова), то Министерства Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ были согласны въ томъ, что московское юридическое общество можетъ получить право не только на основаніе

газеты, но и право отвести особый отдѣлъ разбору судебныхъ рѣшеній. Г. Артоболовскому же было отказано въ удовлетвореніи ходатайства, такъ какъ онъ не представилъ ручательства въ томъ, что онъ отнесется къ дѣлу съ должной серьезностью.

На томъ же основаніи уже въ 1866 году было отказано въ разрѣшеніи открыть отдѣлъ „Судебная Хроника“ редактору извѣстной газеты „Голосъ“, Краевскому. Въ одномъ докладѣ департамента Министерства Юстиціи по вопросу о размѣрахъ предоставляемой повременной печати свободы подвергать сужденію судебные приговоры, департаментъ высказалъ слѣдующее мнѣніе, которое едва ли можетъ быть признано вполне неосновательнымъ и въ наши дни. Въ означенномъ докладѣ ¹⁾ мы читаемъ:

„ . . Если, съ одной стороны, по отношенію къ отчетамъ судебныхъ засѣданій принято начало гласности безъ всякаго ограниченія (вышеупомянутыми правилами 1866 года), то, съ другой стороны, законодатель желалъ обезпечить серьезное и добросовѣстное обсужденіе судебныхъ рѣшеній и воспрепятствовать тому, чтобы отдѣлъ, въ которомъ должны помѣщаться эти разборы, не сдѣлался фельетономъ юридическихъ скандаловъ. Дѣйствительно, насколько полезно, какъ для правосудія, такъ и для юридическаго образованія народа, чтобы все происходившее въ судебныхъ засѣданіяхъ могло сдѣлаться извѣстнымъ публикѣ не только путемъ личнаго присутствія въ судѣ, но и путемъ печати, настолько было бы вредно дозволить всѣмъ и каждому, безъ надлежащаго знанія дѣла, обсуждать судебныя рѣшенія. Такое дозволеніе имѣло бы послѣдствіемъ лишь то, что судья, находясь подъ опасеніемъ публичнаго осужденія, дѣйствовалъ бы въ угоду той или другой журнальной партіи съ ущербомъ для правосудія, а публика, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній для надлежащей оцѣнки предложенной ей критики, введена была бы въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго смысла судебного рѣшенія и приведенныхъ въ немъ законовъ, вслѣдствіе чего подорвалось бы довѣріе къ новымъ судебнымъ установленіямъ, въ самомъ началѣ существованія ихъ. Уваженіе къ закону лежитъ въ основѣ общественнаго порядка, а такъ какъ судебныя рѣшенія суть спеціальныя законы, то обсужденіе ихъ

¹⁾ Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1866 г. № 5870.

можетъ быть допущено лишь съ серьезною научною цѣлью въ предѣлахъ, обезпечивающихъ сохраненіе долгаго къ нимъ уваженія“.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ вполнѣ раздѣляло точку зрѣнія Министерства Юстиціи и потому не ставило препятствій спеціальнымъ юридическимъ органамъ печати при обсужденіи судебныхъ рѣшеній, но далеко не всегда допускало введеніе отдѣла „Судебная хроника“ въ программу ежедневныхъ газетъ. Серьезныя газеты безпрепятственно получали разрѣшеніе на введеніе означеннаго отдѣла. Такъ, въ 1868 году дано было разрѣшеніе на расширеніе программы въ данномъ отношеніи газетамъ „Русскія Вѣдомости“ и „Москва“. Характеръ обѣихъ газетъ гарантировалъ, что судебная хроника не будетъ использована для привлеченія читателей крикливыми описаніями и тенденціознымъ обсужденіемъ судебныхъ процессовъ.

Если вспомнить о томъ, какъ часто въ газетахъ судебныя дѣла были использованы бойкими репортерами или фельетонистами для набора хлесткихъ фразъ и обрисовки жирной кистью различныхъ уголовныхъ дѣлъ, то придется признать, что разсужденія въ докладѣ департамента Министерства Юстиціи были вполнѣ правильны.

Въ 1868 году въ Министерствѣ Юстиціи вновь обсуждался вопросъ о томъ, какъ обезпечить правильную и точную публикацію судебныхъ рѣшеній и оглашенія всего того, что происходило въ судѣ во время публичнаго засѣданія. Министерство колебалось: основать ли особый офиціальныи судебный органъ для оглашенія рѣшеній и отчетовъ о судебныхъ засѣданіяхъ, или предоставить право печатанія рѣшеній и отчетовъ полуофиціальнымъ или даже частнымъ повременнымъ изданіямъ.

Министръ юстиціи, графъ Паленъ, находилъ полезнымъ собрать подробныя свѣдѣнія о порядкѣ, существующемъ по сему предмету въ иностранныхъ государствахъ, и „объ отношеніи газетъ и журналовъ сего рода къ администраціи, суду, прокурорамъ и адвокатамъ“.

Для изученія сего вопроса, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ западно-европейскія государства былъ командированъ одинъ изъ чиновниковъ Министерства Юстиціи Карцевъ.

О результатѣ изслѣдованій Карцева свѣдѣній въ дѣлахъ не имѣется.

Уже въ 1866 г. нѣсколько начальниковъ губерній, въ которыхъ были открыты новыя судебныя установленія, ходатайствовали передъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ о дозволеніи печатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ извѣстія о дѣятельности этихъ установленій. Послѣ сношенія съ министромъ юстиціи, который, конечно, не встрѣтилъ препятствій къ уваженію сего ходатайства, разрѣшено (17 декабря 1866 г.) открыть въ губернскихъ вѣдомостяхъ особый юридическій отдѣлъ „для сообщенія въ немъ стенографическихъ отчетовъ о ходѣ судебныхъ засѣданій“.

V. Реформы въ области администраціи, стоявшія въ связи съ судебной реформой.

Распространеніе образованія, какъ высшаго, такъ и средняго и низшаго, и освобожденіе печати отъ тѣхъ стѣсненій, которыя поставили ее въ положеніе нѣмого страдальца, были реформы, которыя должны были сопровождать судебную реформу и должны были дать русскому народу возможность подняться въ культурномъ отношеніи до уровня, равнаго тому, на которомъ должны были стоять судебныя учрежденія, какъ вѣстники права и правды. Но этихъ реформъ было недостаточно для очищенія почвы для новаго зданія; необходимо было устранить такія явленія, коихъ вопіющая несообразность бросалась всякому въ глаза, и устраненіе коихъ не встрѣчало непосильныхъ для власти препятствій. Станнымъ казалось бы, если бы преобразованному суду пришлось примѣнять всѣ жестокія наказанія, которыя Россія унаслѣдовала отъ временъ, бывшихъ изобрѣтательными при назначеніи мучительныхъ каръ, и странно было бы также, если бы суду пришлось дѣйствовать въ государствѣ, которое терпѣло, по неправильнымъ притомъ фискальнымъ расчетамъ, систему спаиванія народа скверными спиртными напитками, въ угоду откупщикамъ, державшимъ на откупѣ не только сбытъ спиртныхъ напитковъ, но и немалое количество должностныхъ

лицъ мѣстной администраціи, превратившихся въ щедро оплачиваемыхъ слугъ богачей-откупщиковъ. Гуманность въ наказаніяхъ и очищеніе атмосферы, въ которой жила администрація, — безъ этихъ реформъ глаголь правды въ судахъ былъ бы гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Далѣе всѣмъ знавшимъ дѣло было ясно, что какъ русское гражданское, такъ и русское уголовное матеріальное право были не только далеки отъ совершенства (въ этомъ отношеніи они дѣлили участь не малаго количества правовыхъ системъ Запада), но они были полны такихъ недочетовъ, которые должны были стѣснять судъ, налагать на него тяжелую обузу исканія права въ лабиринтѣ множества статей, неясныхъ, нерѣдко содержащихъ въ себѣ не юридическія нормы, а нравственныя поученія. Но пересмотръ матеріальнаго права не могъ быть совершенъ до введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ учреждений.

Откладывать же судебную реформу до реформы матеріальнаго права — значило бы сохранить старое судебное устройство и производство еще на полустолѣтіе. Но отдѣльныя части матеріальнаго права могли быть измѣнены и до систематическаго пересмотра нашихъ, такъ называемыхъ, кодексовъ.

17 апрѣля 1863 года былъ изданъ указъ, отмѣнявшій жестокія тѣлесныя наказанія, какъ то: наказаніе плетью, кошками, шпицрутенами, и наложеніе клеймъ. Верховная власть этимъ актомъ, наконецъ, осуществила желаніе Императрицы Елисаветы объ отмѣнѣ смертной казни, какъ наказанія, примѣняемаго не только въ исключительныхъ случаяхъ.

Извѣстно, что смертная казнь формально не была отмѣнена Елисаветой Петровной. Она продолжала существовать не только для самыхъ тяжкихъ преступленій, но, фактически, примѣнялась и тамъ, гдѣ по закону ей быть даже не полагалось, ибо кнутъ убивалъ не мало людей, а прогнаніе сквозь строй въ войскахъ было не чѣмъ инымъ, какъ квалифицированной смертной казнью. Къ тюремной реформѣ и пересмотру лѣстницы наказаній въ Уложеніи о Нак. приступлено было послѣ проведенія судебной реформы, хотя уже въ концѣ 50-хъ годовъ въ Министерствѣ Юстиціи обдумывали возможность реформъ и въ этой части законодательства.

Въ 1862 году была отмѣнена откупная система и порвана связь между мѣстной администраціей и откупщиками, которая

дѣлала всякую борьбу съ алкоголизмомъ невозможной. О примѣненіи хотя бы скромныхъ мѣръ борьбы съ язвою алкоголизма нельзя было не думать, такъ какъ столь распространенное въ Россіи „веселіе пити“ ставило не мало рекрутъ въ армію преступности.

Скромный сравнительно успѣхъ мѣръ по распространенію просвѣщенія, къ сожалѣнію, былъ причиной тому, что пьянство продолжало опустошать и деревню, и города. Процентъ преступленій, совершенныхъ въ пьяномъ видѣ, не понижался, а, напротивъ, имѣлъ тенденцію къ повышенію.

Какъ величайшая изъ реформъ Императора Александра II, освобожденіе крестьянъ, должна была повлечь за собой перестройку многихъ обветшалыхъ частей русскаго государственнаго зданія для того, чтобы изъ словъ, начертанныхъ на бумагѣ, превратиться въ дѣло, такъ и судебная реформа заключала въ себѣ требованія, которыя не могли найти себѣ мѣста на страницахъ Судебныхъ Уставовъ, но бывшихъ однако неизбѣжнымъ выводомъ изъ основныхъ началъ, на которыхъ она была построена.

Общеизвѣстно остроумное слово, сказанное однимъ французскимъ государственнымъ дѣятелемъ: „дайте намъ хорошую политику, и мы вамъ дадимъ хорошіе финансы“. Этотъ афоризмъ могъ быть примѣненъ *mutatis mutandis* при преобразованіи судоустройства и судопроизводства. Вполнѣ основательно всѣ личныя силы, призванныя къ дѣятельности въ области суда, могли сказать: дайте Россіи хорошую администрацію и вы получите не только болѣе совершенную форму суда, но и дадите суду возможность быть не изолированнымъ и поэтому недостаточно сильнымъ факторомъ въ строеніи земли на началахъ права и правды.

Однимъ изъ коренныхъ принциповъ судебной реформы было—отдѣленіе суда отъ администраціи. Однако, отдѣленіе суда отъ администраціи не могло значить, что между судомъ и администраціей будутъ порваны всѣ связи, которыя соединяють всѣ функціи государственной власти въ одно цѣлое, объединенное одной общей идеей служенія высшей цѣли государства: народному благу и развитію всѣхъ силъ народа, и матеріальныхъ и духовно-нравственныхъ до возможнаго совершенства. Раздѣленіе властей не означало ихъ обособленія въ чуждыя другъ другу

сферы или въ станы враждующихъ другъ съ другомъ органовъ единой Верховной власти.

Основные Государственные Законы, въ редакціи, установленной при составленіи Свода Законовъ, содержали цѣлую графу (8) „О законахъ“, которая была писана не для суда одного, но столько же и для управленія.

Въ этихъ основныхъ нормахъ всѣмъ органамъ власти напоминалось, что Имперія Россійская управляется на твердомъ основаніи положительныхъ законовъ, учреждений и уставовъ, отъ Самодержавной власти исходящихъ (ст. 47), что никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона (ст. 61), что законъ, въ надлежащемъ порядкѣ обнародованный, долженъ быть свято и ненарушимо исполняемъ всѣми и каждымъ (ст. 63), что законы должны быть исполняемы безпристрастно, несмотря на лица и не внимая ничьимъ требованіямъ и предложеніямъ. На столѣ cadaго присутственнаго мѣста стояло зеркало законовъ съ знаменитымъ указомъ Петра Великаго 17 апрѣля 1722 года, содержащимъ указаніе на главный принципъ государственной жизни, отъ котораго нельзя было отказаться, разъ не отказывались отъ надежды создать въ предѣлахъ Россіи правовое государство:

„Понеже ничто такъ въ управленіи государствомъ нужно есть, какъ храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить или играть ими въ карты, подбирая масть къ масти, что нигдѣ не творится, какъ у насъ и нынѣ творится и зѣло тшчатся всякія мины чинить подъ фортецію правды“.

Если Императоръ Александръ II въ манифестѣ 1856 года съ высоты престола объявилъ свою державную волю, чтобы правда и милость царствовали въ судахъ, то онъ ограничился указаніемъ на судъ не потому, что онъ полагалъ, чтобы администраціи могла быть чужда правда и что о милости въ ней рѣчи быть не можетъ, а потому, что неустройство суда требовало неотложныхъ мѣръ исправленія и можно было въ двухъ словахъ опредѣлить задачу суда. Иначе обстояло дѣло съ администраціей, которая имѣла задачей не возстановленіе нарушеннаго права, а предупрежденіе его нарушенія и содѣйствіе мирному теченію общественной жизни, оказаніе помощи тамъ, гдѣ частныхъ силъ не хватало, непрерывную заботу о томъ, чтобы

не только законныя права подданныхъ были ограждаемы, но чтобы ихъ справедливые интересы находили должное удовлетвореніе.

Судъ могъ прилагать къ оцѣнкѣ человѣческихъ дѣяній объективное мѣрило положительнаго закона; администрація должна была одновременно руководствоваться и правомъ и соображеніями цѣлесообразности и вся задача ея усовершенствованія сводилась къ тому, чтобы предупредить и ослабленіе права слишкомъ усерднымъ служеніемъ цѣлесообразности и отказъ отъ разумнаго примѣненія полномочій ссылкой на формулу закона, которая не можетъ предусмотрѣть всей пестроты явленій общественной жизни. Дореформенный судъ былъ втиснутъ въ рамки строжайшаго формализма. Со временъ Екатерины II дѣйствовало правило, включенное въ Основные Законы, согласно которымъ законы должны были быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ всякаго измѣненія или распространенія. Законъ возбранялъ обманчивое непостоянство самопроизвольныхъ толкованій. Эти ограничительныя нормы служили почвой, на которой выросли и крюкотворство и волокита. Суду нужно было дать просторъ. Онъ и былъ данъ предоставленіемъ права судить по разуму закона. Администрація, напротивъ, привыкла смотрѣть на законъ, какъ на средство, которое можно было пустить въ ходъ когда угодно или въ качествѣ прикрасы усмотрѣнія, или тогда, когда почему либо усмотрѣніе не приводило къ цѣли. У нея было слишкомъ много простора, настолько много, что для правъ гражданъ не осталось мѣста. Сохранить этотъ просторъ, дававшій на первый взглядъ столь много силы управленію, а на самомъ дѣлѣ превращавшій его въ хрупкое оружіе, коль скоро Верховная власть требовала отъ него исполненія серьезныхъ задачъ, значило отказаться отъ мысли осуществить то, ради чего предпринята была вся судебная реформа; дать Россіи охрану права, суду гарантію, что его приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе, а гражданамъ увѣренность, что ихъ скромныя права будутъ охранены не на бумагѣ судебныхъ протоколовъ и словахъ приговоровъ, а и въ дѣйствительности. Судебные Уставы, дѣлая суды независимыми отъ администраціи, ставили судъ въ равный рангъ съ администраціей. Это равенство положенія должно было сблизить судъ съ администраціей.

Въ Основныхъ Положеніяхъ преобразованія судебной части (Часть вторая, Уголовное Судопроизводство. Общія правила) было помѣщено слѣдующее положеніе.

„Никто не можетъ быть наказанъ за преступленія или проступки, подлежащіе вѣдомству судебныхъ мѣстъ, не бывъ приговоренъ къ наказанію приговоромъ надлежащаго суда, вошедшимъ въ законную силу“.

„Примѣчаніе. Административная власть принимаетъ въ установленномъ закономъ порядкѣ мѣры для предупрежденія и прекращенія преступленій и проступковъ.“

Предупрежденіе и пресѣченіе преступленій и въ дореформенный режимъ было обязанностью администраціи, или, вѣрнѣе, одной отрасли общей полиціи, по выраженію М. М. Сперанскаго.

Творецъ Свода Законовъ въ своемъ „Руководствѣ къ познанію законовъ“ (СПБ. 1845 г., стр. 157) говорилъ, что весь кругъ общей полиціи заключается въ пяти дѣйствіяхъ: въ предупрежденіи нарушеній, въ пресѣченіи ихъ, въ обличеніи, въ исполненіи судебныхъ приговоровъ и въ содѣйствіи отдѣльнымъ полиціямъ (такowymi отдѣльными полиціями онъ признавалъ полицію таможенную, горную, лѣсную и т. п.).

Общая полиція, по объясненію Сперанскаго, имѣетъ кругъ вѣдомства, заключающійся въ пяти дѣйствіяхъ: въ предупрежденіи нарушеній, въ пресѣченіи ихъ, въ обличеніи, въ исполненіи судебныхъ приговоровъ и въ содѣйствіи отдѣльнымъ полиціямъ, и согласно съ родомъ дѣйствій въ Россіи имѣется полиція пундительная, судебная (которая вѣдаетъ дѣла о насильныхъ и самовольныхъ завладѣніяхъ имущества, дѣла объ обидахъ и ущербахъ, дѣла по исполненію обязательствъ, словесно заключенныхъ), полиція слѣдственная и полиція исполнительная (исполненіе судебныхъ приговоровъ и содѣйствіе полиціямъ отдѣльнымъ).

Въ одномъ замѣчаніи, не вошедшемъ въ текстъ руководства, Сперанскій отмѣтилъ: „Всѣ установленія предписываютъ, одна полиція дѣйствительно исполняетъ. Слѣдовательно, полиція есть установленіе, посредствомъ коего всѣ другія установленія входятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ населеніемъ; она одна имѣетъ исключительно власть исполненія.“

Безъ этой исполнительной власти и судъ не могъ обойтись, а полиція, организованная на началахъ Екатерининскаго зако-

нодательства, не удовлетворяла никого, независимо отъ низкаго нравственнаго своего уровня.

Преобразованный судъ не могъ имѣть своей помощницей полицію, сохранившую еще отчасти сословный отгѣнокъ, чрезмѣрно сильную, коль скоро она рѣшалась обрушиться на гражданина, не принадлежавшаго къ высшимъ кругамъ общества, недостижимымъ даже въ случаѣ совершаемаго въ ихъ средѣ несомнѣннаго преступленія, и слабую, если ей приходилось безпристрастно и нелицеприятно приводить въ исполненіе судебныя приговоры или общее требованіе закона. Дореформенная полиція, притомъ, исполняла не только административныя, но и судебныя задачи. Не только предварительное слѣдствіе было ей ввѣрено; она судила мелкіе проступки, рѣшала мелкія тяжбыныя дѣла. Полицейскіе сѣзжіе дома въ городахъ, служебныя помѣщенія, въ коихъ засѣдали управы благочинія и земскіе суды, г.г. исправники, городничіе, становые пристава и т. д. были мѣстами, въ коихъ производился судъ настолько патріархальный, что и судящіе и подсудимые забывали о существованіи законовъ и знали только отеческое усмотрѣніе и дѣтскую покорность. Правда, въ 1837 г. было издано положеніе о земской полиціи, но эта реформа органичилась въ сущности введеніемъ новаго органа патріархальной полиціи, станового пристава, который относительно простоты своихъ пріемовъ совсѣмъ не отличался отъ исправниковъ или городничихъ. Общественный элементъ, представленный въ засѣдателяхъ, конечно, не вносилъ дисгармоніи въ дѣйствіе охранителей порядка, ибо участіе ихъ въ дѣлахъ полицейскаго суда сводилось къ приложенію своей покорной руки къ протоколамъ, а то даже къ метенію комнатъ и сидѣнію въ сѣняхъ. Они служили менѣе за совѣсть, нежели за страхъ. О томъ, какъ органы полиціи, начиная отъ высшихъ, и кончая мелкими служащими—будочниками, сотскими, десятскими—кормились отъ дѣлъ, ходили по всей Россіи рассказы, въ которыхъ проглядывало рѣдко раздраженіе, а чаще всего добродушное примиреніе съ неизбежнымъ зломъ, настолько обычнымъ, что „охраняемый“ обыватель отказался отъ надежды на возможность узрѣть иные порядки.

Уже въ концѣ 50-хъ годовъ правительство рѣшило преобразовать полицію. При Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ была

образована комиссія подь предсѣдательствомъ Н. А. Милютина для начертанія проекта преобразования полиціи. Благодаря учрежденію должности судебныхъ слѣдователей полиція была устранена отъ производства уголовныхъ слѣдствій и за ней оставили только обязанность производства дознаній. Въ Высочайшемъ указѣ 25 декабря 1862 г., въ коемъ указывалось на безусловную необходимость преобразования полиціи, вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркнуто, что „сіе важное дѣло можетъ воспріять окончательное свое совершеніе“, когда изданы будутъ составленные по Высочайшему повелѣнію и имѣющіе непосредственную связь съ нимъ уставы судоустройства и судопроизводства.

Въ этотъ день изданы Временныя правила объ устройствѣ полиціи ¹⁾, въ силу которыхъ совершилось объединеніе уѣздной полиціи съ городской (за исключеніемъ болѣе крупныхъ городскихъ центровъ, въ коихъ образовано особое городское полицейское управленіе). Такъ какъ содержаніе полицейскихъ чиновъ было увеличено, то правительство надѣялось, что взяточничество если не исчезнетъ окончательно, то сократится по крайней мѣрѣ. Однако, плохое состояніе финансовъ, при одновременномъ возрастаніи расходовъ, не позволило ни увеличить количество полицейскихъ органовъ въ той мѣрѣ, какъ того требовали громадныя размѣры территоріи, ни обставить полицейскую службу такими условіями, которыя дѣлали ее мало мальски привлекательной для лицъ съ болѣе высокимъ образованіемъ. Умственный уровень служащихъ въ полиціи едва ли повысился, а о значительномъ повышеніи нравственнаго уровня рѣчи не было. Полиція, помощница суда, далеко не удовлетворяла требованіямъ, которыя и государственная власть и общество должны были къ ней предъявлять.

Освобождая полицію отъ обязанностей по производству предварительнаго слѣдствія,— правительство признало необходимымъ замѣнить полицейскій судъ—мировыми судами, которые въ странѣ съ обширной территоріей, и рѣдкимъ населеніемъ должны были удовлетворять потребности въ органѣ близкомъ къ населенію и быстро, безъ излишнихъ формальностей рѣшать мелкія дѣла, возникающія въ будничной жизни (намѣченныя къ образованію новыя судебныя учрежденія не могли быть

¹⁾ 2-е П. С. З., № 39.087.

столь многочисленными, какъ было желательно, ибо для многочисленныхъ окружныхъ судовъ не хватало ни личныхъ силъ, ни матеріальныхъ средствъ).

Въ апрѣль 1859 года Совѣтъ Министровъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора, выслушалъ журналъ комиссіи учрежденной по Высочайшему повелѣнію для разсмотрѣнія отчета министра внутреннихъ дѣлъ за 1857 г.; комиссія указала на рядъ недостатковъ судопроизводства по дѣламъ маловажныхъ преступлений и проступковъ, которые вѣдались преимущественно полиціей. Государь Императоръ повелѣлъ передать означенный журналъ во II Отдѣленіе Собст. Е. И. В. Канцеляріи для принятія въ соображеніе его при начертаніи проекта новаго устава судопроизводства уголовнаго. Проектъ, какъ извѣстно, выработывался подъ руководствомъ Блудова.

Указанная выше комиссія полагала въ видахъ устраненія медленности производства дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ, которая приводитъ къ тому, что арестанты подолгу содержатся въ мѣстахъ заключенія и въ нихъ теряютъ остатокъ нравственности и обременяютъ казну бесполезнымъ содержаніемъ, расширить компетенцію судовъ полицейскихъ, рѣшающихъ дѣла въ сокращенномъ порядкѣ.

Главноуправляющій же II Отдѣленіемъ всталъ на противоположную точку зрѣнія и доложилъ Государю Императору, что Имъ уже были утверждены основныя начала для устройства уѣздной полиціи и что однимъ изъ этихъ основныхъ началъ было отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной и ограниченіе дѣятельности полиціи исключительно полицейскими обязанностями. Слѣдовательно, расширеніе судебной компетенціи полиціи было бы отступленіемъ отъ этого начала. Блудовъ предложилъ учредить въ каждомъ уѣздѣ „малый судъ“, болѣе близкій къ мѣсту, въ коемъ совершено маловажное преступленіе и введеніе въ этомъ маломъ судѣ сокращеннаго судопроизводства. Къ обязанностямъ сихъ судовъ, по его мнѣнію, можно было отнести и рѣшеніе маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ. Эти малые суды должны были называться мировыми судами.

Императоръ Александръ II призналъ мысли Блудова заслуживающими особеннаго вниманія.

Мировые суды по проекту Блудова должны были быть улучшенными полицейскими судами и должны были находиться въ

подчиненіи высшихъ общихъ судебныхъ мѣстъ. Извѣстно, что мировыя судебныя учрежденія, созданныя Судебными Уставами 1864 г., построены на началахъ, не сходныхъ съ проектомъ Блудова ¹⁾).

Какъ судебная реформа, такъ и почти одновременное учрежденіе земскаго самоуправленія (и слѣдовавшая за ней реформа общественнаго самоуправленія въ городахъ) освободили полицію отъ ряда обязанностей, на ней лежащихъ. Правда, и послѣ этихъ реформъ полиція несла множество обязанностей и съ полнымъ основаніемъ все снова подымался вопросъ объ освобожденіи ея отъ сложныхъ и поистинѣ нерѣдко непосильныхъ трудовъ, которые не оказываясь особенно полезными для общества, обременяли полицію массою мелкихъ дѣлъ, препятствуя ей сосредоточиться на тѣхъ обязанностяхъ, которыя соотвѣтствуютъ ея организаціи.

Судебная реформа, на которую немало органовъ полиціи смотрѣло косо, вводя начало равенства всѣхъ передъ судомъ, должна была упрочить и положеніе полиціи, которое, несмотря на кажущееся всемогущество полицейскихъ органовъ, было очень шаткимъ. Полиція пользовалась еще меньшимъ уваженіемъ, нежели дореформенные суды.

Она, правда, внушала страхъ, но страхъ условный, въ зависимости отъ того, насколько органъ полиціи стоялъ выше того, надъ кѣмъ онъ обнаруживалъ свою власть ²⁾). „Мужика, говоритъ авторъ этой статьи, страшила власть станового, котораго помѣщикъ не пускалъ къ себѣ дальше передней. Онъ кланялся въ ноги исправнику, который въ свою очередь меньше боялся выговоровъ губернскаго правленія, нежели чиновнаго барина, съ котораго ему приходилось производить взыскаціе. Отъ этого само собою установилось такое отношеніе администрируемыхъ къ администраторамъ, что представители полицейской власти служили источникомъ всякой бѣды для однихъ лицъ и посмѣшищемъ для другихъ“.

Судебныя учрежденія новаго строя взяли и полицію подъ свою защиту. „И долго бы еще пришлось всѣмъ должностнымъ лицамъ, продолжаетъ тотъ же авторъ, подвергаться всей не-

¹⁾ Сен Арх., дѣло Мин. Юст. 1860 г. № 4892.

²⁾ Ср. статью „Судъ и Полиція“ въ апрѣльской книжкѣ Вѣстника Европы 1868 г.

выгодъ завѣщанной старымъ порядкомъ вещей, если бы на помощь къ нимъ не явилось судебное преобразование“. „Его значеніе, въ этомъ отношеніи, заключается прежде всего въ томъ, что со дня открытія новаго суда административная власть отдѣлена отъ судебной, и этимъ не только той и другой дана необходимая свобода въ законныхъ дѣйствіяхъ, но еще и уничтожено вмѣшательство административной власти въ дѣла судебныя, такъ часто подвергавшія ее справедливымъ нареканіямъ и отвѣтственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ административной власти дана возможность прибѣгать къ содѣйствію скорого суда всякій разъ, когда представители ея подвергаются оскорбленіямъ или нападеніямъ со стороны частныхъ лицъ и при томъ пользуются всѣми выгодами суда публичнаго, гласнаго, при которомъ дѣйствія должностныхъ лицъ и частныхъ лицъ одинаково подвергаются оцѣнкѣ со стороны общества. Виновный несетъ нерѣдко не только заслуженное имъ законное возмездіе, но еще и подвергается карѣ общественнаго мнѣнія“.

Если суду приходилось имѣть дѣло съ оскорбленіемъ органовъ полиціи при отправленіи служебныхъ обязанностей, то виновные, независимо отъ чина и званія, подвергались наказанію и судъ выносилъ оправдательный приговоръ лишь въ томъ случаѣ, если было доказано, что дѣйствіе полиціи было незаконное или что органъ полиціи самъ позволилъ себѣ оскорбить частное лицо ¹⁾. Такое отношеніе суда къ дѣламъ этого рода содѣйствовало оздоровленію атмосферы, въ которой дѣйствовала полиція.

Но правильное взаимоотношеніе суда и полиціи, требовало еще одной мѣры, которая не была принята. Полиція въ правовомъ государствѣ или государствѣ, стремившемся стать правовымъ, должна руководствоваться закономъ. Но каковы были законы, которые опредѣляли задачи и порядокъ дѣйствія полиціи, кругъ ея полномочій и права по отношенію къ обывателямъ? Между законами, трактовавшими о полиціи и Судебными Уставами лежала цѣлая пропасть. Судебные Уставы были памятникомъ законодательства XIX столѣтія, отличались ясностью редакціи и стройностью своей системы. Мелкіе недочеты не

¹⁾ Ср. замѣчаніе министра юстиціи на журналѣ Особаго Совѣщанія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря П. А. Валуева. Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 7187.

вредили ихъ несомнѣнному высокому достоинству. Судъ могъ, съ увѣренностью найти необходимое руководящее указаніе, обращаясь къ этой системѣ нормъ. Полиція же имѣла дѣло съ узаконеніями, которыя были созданы въ XVIII столѣтіи. Достаточно напомнить Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, въ основѣ котораго лежалъ уставъ благочинія Императрицы Екатерины II, т. е. законъ, въ которомъ, сообразно съ нравоучительными склонностями Великой Императрицы, этическія нормы перемѣшаны были съ далеко неточными юридическими нормами и въ которомъ благонамѣренный пафосъ затемнялъ юридическую опредѣленность. Эти полицейскіе законы могли съ грѣхомъ пополамъ удовлетворить людей патріархальныхъ временъ, когда города были малолюдны, когда населеніе и г.г. градоправители понятія не имѣли о томъ, чего требуетъ упорядоченіе жизни въ городахъ со скученнымъ населеніемъ, и когда въ селахъ господствовала даровая полицейская сила помѣщика. Полиція читала во II томѣ Св. Законовъ такія нравоученія: „Полиція выслушиваетъ всѣхъ безъ изъятія: убогихъ, богатыхъ, сильныхъ, безсильныхъ, знатныхъ и незнатныхъ“ (ст. 3960) или „Полиція приводитъ всякаго къ предписанному законами исполненію, несмотря ни на какое лицо“ (ст. 3959, изд. 1857 г.) или находила въ XIV томѣ такіе законы, которые смотря по толкованію каждаго отдѣльнаго чина, могли послужить основаніемъ и къ мирному созерцанію всего того, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ въ упованіи, что все образуется само собой, или для инквизиторскаго вмѣшательства въ интимнѣйшія стороны человѣческой жизни.

Ст. же 29 Устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями постановляла: „за неисполненіе законныхъ требованій или постановленій правительственныхъ и полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учрежденій, когда симъ уставомъ не опредѣлено за то иного наказанія, виновный подвергается и т. д.“. Сенатъ же (рѣшеніе Уголовн. кас. деп. 1867 г.) разъяснилъ, что изъ сей статьи слѣдуетъ: „что ежели судъ имѣетъ право подвергать взысканію виновныхъ въ неисполненіи лишь законныхъ требованій полиціи, то полиція, какъ сторона обвиняющая, обязана по требованію суда представить на его разсмотрѣніе доказательства, подтверждающія законность ея требованія. Эти доказательства судъ имѣетъ право уважить или

признать недостаточными“. Это разъясненіе Сената было логически вполне правильно. Иного онъ и вынести не могъ, но полиція далеко не всегда могла себѣ выяснитъ, что законно, что незаконно, именно вслѣдствіе своеобразнаго характера тѣхъ частей Свода Законовъ, въ которыхъ содержались нормы полиціи безопасности и благоустройства.

Это смѣшеніе въ нашемъ законодательствѣ нравственныхъ совѣтовъ и юридическихъ нормъ, административныхъ распоряженій, которыя должны по необходимости имѣть характеръ временныхъ нормъ, и постоянныхъ законовъ, смѣшеніе, которое ставило въ затруднительное положеніе всѣ органы администраціи, начиная отъ министровъ и губернаторовъ и кончая исправниками, становыми или полиціймейстерами и ихъ подчиненными, насколько послѣдніе вообще удосуживались заглядывать въ Сводъ Законовъ,— было роковымъ недостаткомъ. Правительство сознавало это, и одновременно съ приступомъ къ реформамъ, одинъ изъ птенцовъ Сперанскаго, баронъ М. А. Корфъ, главноуправляющій II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, составилъ проектъ пересмотра Свода съ цѣлью исключенія изъ него всѣхъ постановленій, не составляющихъ законовъ въ собственномъ смыслѣ. Но это столь важное именно въ виду судебной реформы дѣло не двинулось и осталось невыполненнымъ. За изданіемъ Судебныхъ Уставовъ должно было по необходимости слѣдовать изданіе полицейскаго устава, составленнаго соотвѣтственно духу и редакціи законовъ, по коимъ дѣйствовалъ судъ. Полицейскій уставъ не былъ составленъ и изданъ и понятно, что двѣ власти, изъ коихъ одна имѣла въ своихъ рукахъ кодексъ XIX столѣтія, а другая не то законъ, не то полицейскій катехизисъ XVIII в. должны были столкнуться другъ съ другомъ. Онѣ и столкнулись. Въ особенности огорчало полицію предоставленное суду право давать полиціи предостереженія въ случаѣ замѣченныхъ при производствѣ дѣлъ въ судѣ незаконности ея дѣйствій. Препирательства между судебной и административной властью начались уже немедленно послѣ введенія въ силу Судебныхъ Уставовъ. Объ этихъ столкновеніяхъ, которыя и привели къ тому, что въ административныхъ слояхъ начали сперва съ сомнѣніемъ въ правильности, а затѣмъ и несомнѣнно враждебно относиться къ дѣятельности суда, будетъ сказано въ другомъ отдѣлѣ труда. Поэтому мы и

воздержимся отъ описанія этихъ столкновений и объясненія ихъ послѣдствій.

Но мы считаемъ необходимымъ остановиться на одномъ документѣ, относящемся къ первымъ годамъ послѣ введенія новыхъ судебныхъ установлений, на интересной докладной запискѣ одного изъ самыхъ выдающихся дѣятелей полиціи тѣхъ временъ, ген.-адъютанта Трепова, с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера съ 1866 по 1878 г.г., лица, несомнѣнно содѣйствовавшаго тому, что столица хотя бы въ нѣкоторой степени пообчистилась и приняла болѣе порядочный видъ.

19 октября 1868 г. ген.-адъютантъ Треповъ вошелъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ запиской, въ коей онъ описалъ то странное по его мнѣнію положеніе, въ которое полиція была поставлена къ суду послѣ судебной реформы¹⁾.

Записка Трепова составлена въ судебномъ отдѣленіи канцеляріи оберъ-полиціймейстера и отличается отъ обыкновенныхъ рапортовъ органовъ полиціи тѣмъ, что авторъ старается встать на принципиальную точку зрѣнія и развертываетъ весьма интересную картину тогдашнихъ недоумѣній въ средѣ полиціи послѣ того, какъ она очутилась лицомъ къ лицу съ новымъ судомъ.

Генераль-адъютантъ Треповъ писалъ:

„Введеніе въ дѣйствіе судебной реформы въ С.-Петербургѣ послѣдовало на первыхъ порахъ вступленія моего въ должность с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера. Такимъ образомъ мнѣ представилась полная возможность не только постоянно шагъ за шагомъ слѣдить за развитіемъ взаимныхъ отношеній юстиціи и полиціи, но и, по званію моему, принимать дѣятельное участіе въ установленіи этихъ отношеній. Основною руководительною мыслью моею при этомъ было то, что какъ ни новы были начала настоящаго порядка судопроизводства и потому, какъ бы труднымъ ни представлялось согласованіе съ ними существовавшей до того времени административной практики, несомнѣнны казались возможность и даже необходимость этого согласованія. Ставъ на такую точку зрѣнія, я постоянно наставлялъ дѣятельность столичной полиціи въ этомъ смыслѣ. Конечно не обошлось на дѣлѣ безъ недоумѣній, болѣе или ме-

¹⁾ Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1868 г. № 1991. Оно озаглавлено: „По поводу предъявленныхъ разными административными властями затрудненій въ примѣненіи Судебныхъ Уставовъ“.

нѣ важныхъ затрудненій, возникали къ сожалѣнію и столкновенія. Тѣмъ не менѣ эти обстоятельства не могли привести меня къ убѣжденію въ невозможности примиренія основныхъ началъ новаго судопроизводства съ требованіями администраціи. Поэтому въ совѣщаніи нѣкоторыхъ г. г. министровъ, происходившемъ въ прошедшемъ году по поводу заявленныхъ разными административными властями затрудненій въ примѣненіи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года, мною высказано было убѣжденіе, что общій смыслъ статей Уставовъ, опредѣляющихъ отношенія полиціи къ судебному вѣдомству, существо дѣятельности полиціи и самое значеніе сей послѣдней въ ряду прочихъ установленій достаточно указываютъ на ея права и обязанности, вслѣдствіе чего встрѣчающіяся затрудненія должны сами собою устраниться при правильномъ толкованіи и примѣненіи постановленій Уставовъ. Для сего, по мнѣнію моему, недостаточно однихъ инструкцій и циркуляровъ административнаго начальства, въ коихъ подчиненные исполнители могли бы находить правильное истолкованіе постановленій Уставовъ, ибо во многихъ случаяхъ неправильное пониманіе ихъ поддерживается въ чинахъ полиціи нѣкоторыми лицами судебного вѣдомства, усвоившими себѣ такой же взглядъ и проводящими его на практикѣ. Потому я полагаю необходимымъ принять такую мѣру къ устраненію подобныхъ затрудненій, которая имѣла бы послѣдствіемъ правильное пониманіе и примѣненіе постановленій Уставовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія юстиціи и полиціи не только со стороны чиновъ сей послѣдней, но и со стороны лицъ судебного вѣдомства и чиновъ прокурорскаго надзора, такъ чтобы дѣйствіе сихъ законовъ было бы однообразно и постоянно, а не находилось бы въ зависимости отъ личнаго воззрѣнія исполнителей. Въ частности помянутыя затрудненія касаются преимущественно дѣла преслѣдованія и раскрытія преступленій, и въ этомъ отношеніи мною выражено, что какъ бы ни были разграничены въ законѣ розыскъ отъ предварительнаго слѣдствія, на дѣлѣ они по необходимости, по силѣ самыхъ вещей, до того тѣсно связаны, что часто совершенно сливаются, вслѣдствіе чего можно положительно сказать, что безъ согласной дѣятельности слѣдователей и полиціи, при взаимномъ недоувѣрїи и антагонизмѣ, обнаруженіе преступленія рѣшительно невысказано.

Генераль-адъютантъ Треповъ указывалъ затѣмъ на то, что право, предоставленное судебному слѣдователю (ст. 433 Уст. Уг. Суд.) требовать личной явки свидѣтелей въ свою камеру для допроса примѣнялось слѣдователями и по отношенію къ главѣ полиціи, заваленному дѣлами и принужденному благодаря этимъ вызовамъ отрываться отъ служебныхъ дѣлъ въ ущербъ полицейской службѣ. Чѣмъ дѣятельнѣе начальникъ полиціи, тѣмъ больше можетъ находиться дѣлъ, имъ возбужденныхъ у мировыхъ судей и судебныхъ слѣдователей, слѣдовательно тѣмъ чаще ему приходится фигурировать въ качествѣ свидѣтеля. Треповъ требовалъ отмѣны этого постановленія или введенія въ законъ оговорки въ томъ смыслѣ, что оберъ-полиціймейстеръ долженъ быть освобожденъ отъ такой обязанности (вскорѣ ст. 433 и была измѣнена въ смыслѣ предоставленія лицамъ опредѣленнаго служебнаго положенія нѣкоторой льготы). Затѣмъ генераль перешелъ къ изложенію доводовъ, которые должны были доказать, что ст. 29 Уст. о нак., нал. мир. суд., необходимо требуетъ разъясненія, охраняющаго полицію противъ слишкомъ формальной оцѣнки законмѣрности дѣйствій со стороны мирового судьи. Онъ указывалъ на то, что въ законодательствѣ отсутствуетъ точное опредѣленіе понятія „законность распоряженій администрацій“. Положеніе полиціи, по мнѣнію Трепова, стало особенно тяжелымъ послѣ того, какъ Сенатъ разъяснилъ, что полиція обязана доказать законность своихъ требованій, а судья имѣетъ право уважить доказательство или признать его недостаточнымъ. По мнѣнію оберъ-полиціймейстера суду въ этомъ случаѣ представляются два исхода: или онъ можетъ признать достаточнымъ лишь то доказательство, которое состоитъ въ указаніи прямой статьи закона, устанавливающей извѣстную обязанность, или судъ, рѣшая вопросъ о виновности лица, привлеченнаго къ отвѣтственности по требованію полиціи, можетъ руководствоваться своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ и признать виновность, когда требованіе полиціи хотя и не основано на буквальномъ смыслѣ закона, но представляется законнымъ по своему внутреннему содержанію, т.-е. соотвѣтствуетъ существу правъ полиціи, выводимыхъ изъ совокупнаго смысла полицейскихъ законовъ, цѣли и назначенія полиціи, какъ органа власти правительственной. И первый и второй путь рѣшенія вопроса сопряженъ для полиціи съ боль-

шими затрудненіями и въ концѣ концовъ затруднительное положеніе ея отражается и на интересахъ всего населенія, такъ какъ полиція лишается возможности принять мѣры, необходимыя для безопасности и благоустройства жизни лишь потому, что наше законодательство по вопросамъ полицейскимъ не развилось до уровня, требуемаго сложностью жизни, въ особенности въ большихъ городахъ. Недостатокъ нашего законодательства въ этомъ отношеніи сталъ еще болѣе ощутительнымъ со времени разграниченія власти судебной и административной. Въ особенности неумѣстно было бы предоставить суду рѣшать вопросъ о законности требованія полиціи по своему внутреннему убѣжденію, такъ какъ въ такомъ случаѣ усмотрѣнію различныхъ судей былъ бы открытъ слишкомъ большой просторъ. Такой способъ рѣшенія вопроса о законности или незаконности требованій полиціи не соотвѣтствовалъ бы значенію администраціи, ибо онъ привелъ бы къ тому, что судъ подчинилъ бы себѣ администрацію, нарушено было бы начало отдѣленія суда отъ управления.

Единственный исходъ изъ этого затрудненія, по мнѣнію Трепова, заключался въ предоставленіи полицейскимъ распоряженіямъ и постановленіямъ, исходящимъ отъ главы полиціи законо-обязательной для всѣхъ силы, такъ, чтобы исполненіе ихъ было обязательнымъ для всѣхъ, а неисполненіе ихъ почиталось бы проступкомъ, предусмотрѣннымъ въ ст. 29 Уст. о наказ. до той поры, пока такое распоряженіе не будетъ отмѣнено или издавшимъ постановленіе административнымъ начальствомъ или Сенатомъ. Осуществленіе этого предположенія, по мнѣнію Трепова, не могло бы повлечь за собою стѣсненія правъ частныхъ лицъ, ибо каждому представляется возможность обратиться въ Сенатъ съ просьбою объ отмѣнѣ неправильнаго по мнѣнію его полицейскаго требованія.

Наконецъ, Треповъ предлагалъ предоставить полиціи право, въ случаѣ упорства частнаго лица, къ коему обращено требованіе полиціи, привести его въ исполненіе за счетъ виновнаго. Требованія предъявляются въ интересахъ общественности, а лицо, не желающее имъ подчиниться, обыкновенно находитъ для себя болѣе выгоднымъ подчиниться денежному взысканію, въ 15 рублей, къ коему оно присуждается судьей, нежели исполнить то, что отъ него требуется.

Записка генераль-адъютанта Трепова была препровождена къ министру юстиціи графу К. И. Палену.

Отвѣтъ министра юстиціи тѣмъ интересенъ, что въ немъ чуть ли не впервые предложено учрежденіе органа административной юстиціи въ прямомъ значеніи слова, т.-е. органа коллегіальнаго для каждой губерніи, который бы разрѣшалъ жалобы частныхъ лицъ на нарушеніе ихъ правъ обязательными постановленіями и распоряженіями административной власти.

Министръ юстиціи высказалъ сперва нѣсколько общихъ соображеній по вопросу о томъ: какъ съ одной стороны обезпечить полиціи возможность осуществленія ея задачи дѣятельнымъ образомъ охранять безопасность и благоустройство, а затѣмъ, съ другой стороны, оградить и частныхъ лицъ противъ требованій полиціи явно незаконныхъ. Министръ признавалъ, что напередъ нельзя опредѣлить законность полицейскихъ постановленій по внутреннему ихъ содержанію и что законность постановленій полиціи должна быть поставлена въ зависимость отъ наличности извѣстныхъ внѣшнихъ признаковъ.

Судъ можетъ ихъ признать законными лишь тогда, когда они исходятъ отъ власти, уполномоченной на изданіе общеобязательныхъ постановленій, когда они изданы въ предѣлахъ вѣдомства данной власти, опредѣленныхъ закономъ и если они объявлены въ порядкѣ, которымъ обусловливается вообще вступленіе постановленія въ обязательную силу.

Министръ юстиціи предлагалъ предоставить право издавать общеобязательныя постановленія въ губерніи—губернатору, въ уѣздѣ—исправнику, въ столицахъ—оберъ-полиціймейстерамъ, съ возложеніемъ на нихъ обязанности представлять свои распоряженія своему непосредственному начальству въ іерархическомъ порядкѣ. Отъ начальства зависѣла бы отмѣна или измѣненіе тѣхъ изъ нихъ, которыя оказались бы несоотвѣтствующими дѣйствующимъ законоположеніямъ или вообще неправильными.

Затѣмъ слѣдовало опредѣлить срокъ, съ котораго постановленія должны почитаться вошедшими въ законную силу, предоставить частнымъ лицамъ, права которыхъ могутъ быть нарушены этими постановленіями и распоряженіями, приносить на нихъ жалобы тѣмъ властямъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ отмѣна и, наконецъ, учредить при губернаторѣ совѣтъ изъ начальниковъ губернскихъ управленій, къ предметамъ вѣдомства кото-

раго отнести рассмотрение представлений начальниковъ уѣздовъ о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ, предварительное обсужденіе постановленій, издаваемыхъ властью самихъ губернаторовъ, рассмотрение жалобъ частныхъ лицъ на распоряженія начальниковъ уѣздовъ и, наконецъ, разрѣшеніе вопросовъ о преданіи суду за преступленія должности лицъ административнаго вѣдомства, подчиненныхъ губернаторамъ.

Что же касается отношенія суда къ администраціи, то, по мнѣнію министра юстиціи, слѣдовало бы опредѣлить въ точности гдѣ предѣлы судебной власти относительно опредѣленія законности постановленій и распоряженій правительственныхъ и полицейскихъ властей при примѣненіи ст. 29 Уст. о нак. и указать, что они ограничиваются лишь правомъ удостовѣриться въ томъ: исходятъ ли они отъ лицъ на то уполномоченныхъ, не отмѣнены ли они подлежащимъ начальствомъ и опубликованы ли они въ должномъ порядкѣ во всеобщее свѣдѣніе. Высшею инстанціей по рѣшенію этихъ вопросовъ долженъ былъ быть I департаментъ Пр. Сената.

Министръ высказалъ желаніе о составленіи подробнаго законопроекта по затронутымъ предметамъ и заявилъ, что подробно онъ выскажетъ свое мнѣніе при обсужденіи дѣла въ законодательномъ порядкѣ ¹⁾.

Н. М. Коркуновъ ²⁾ говоритъ по поводу соображеній гр. Палена: „Безъ сомнѣнія, предположеніе о предоставленіи администраціи права издавать указы въ подобныхъ условіяхъ можетъ быть объяснено лишь совершенною новизною и невыясненностью вопроса. Такъ, совершенно несообразнымъ представляется предположеніе о присвоеніи указамъ административныхъ властей „обязательной силы закона“. Вѣроятно и самъ гр. Палень не думалъ дѣйствительно сказать того, что вытекаетъ, какъ необходимый выводъ, изъ такого опредѣленія. Вѣдь, если постановленіемъ административныхъ властей „присвоится обязательная сила закона“, значитъ, ими могутъ быть отмѣняемы и законы. Однако, все-таки дѣло не сводилось тутъ только къ неудачному выраженію. Министерство Юстиціи, очевидно, хотѣло дѣйствительно придать этимъ постановленіемъ въ отношеніи къ суду такую формальную силу,

¹⁾ Записка генераль-адъютанта Трепова напечатана въ „Матеріалахъ, собранныхъ комиссіей о губарнскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ“. Отдѣлъ админ. Ч. I. 1870. Отд. 10.

²⁾ „Указъ и Законъ“. Спб. 1894 г., стр. 338 и слѣд.

какую имѣютъ законы, не подлежащіе критикѣ суда по содержанию. Точно такъ же и относительно административныхъ постановленій предѣлы судебной власти ограничиваются лишь правомъ удостовѣриться надлежащимъ ли порядкомъ они изданы и только. Судебный контроль содержания указовъ тѣмъ самымъ совершенно устранялся. Судъ былъ бы обязанъ карать нарушителей всѣхъ, даже явно незаконныхъ указовъ, разъ они созданы надлежащимъ образомъ. По остроумному замѣчанію Градовскаго, при такихъ условіяхъ взаимное соотношеніе полиціи и суда выражалось въ формулѣ: „Полиція указала, судъ приговорилъ“.

Послѣдующее законодательство вооружило администрацію, какъ центральную, такъ и мѣстную весьма широкою распорядительною властью. Она получила право издавать распоряженія не только въ исполненіе, но и въ развитіе закона. Контроль же суда не расширился, а остался въ тѣхъ скромныхъ рамкахъ, которыя были установлены въ 1864 г.

Ст. 29 Уст. о нак. осталась по существу неизмѣненной, несмотря на то, что и въ слѣдующее время полицейскія власти выражали свое недовольство тѣмъ ограниченіемъ, которое она ставила усмотрѣнію административной власти.

Что же касается другой нормы Судебныхъ Уставовъ, на примѣненіе коей жаловалась администрація, а именно ст. 53 Уст. Уг. Суд., то она, какъ извѣстно, была замѣнена въ силу Высочайше утвержденного мнѣнія Госуд. Совѣта 18 декабря 1879 г. правиломъ, что въ случаѣ неисполненія полиціей обязанностей, возложенныхъ на нее по производству дѣлъ у мирового судьи, послѣдній сообщаетъ о томъ прокурору окружнаго суда (или его товарищу), который даетъ дальнѣйшее направленіе дѣлу въ порядкѣ ст. 485 Уст. Уг. Суд.

Екатерининскій строй судебныхъ и административныхъ учрежденій, присужденный къ преобразованію, наравнѣ съ многими недостатками, изъ которыхъ главнымъ и общепризнаннымъ было отсутствіе должной независимости суда отъ администраціи (что было признано всѣми), включалъ въ себѣ одно учрежденіе, которое при надлежащей своей постановкѣ и должной поддержкѣ со стороны власти, могло имѣть хорошее вліяніе на администрацію, но которое должно было при проведеніи судебной реформы или исчезнуть, или быть замѣнено

другимъ. То была прокуратура, олицетворенная въ губернскихъ прокурорахъ и подчиненныхъ имъ стряпчихъ. Екатерининская прокуратура, созданная учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. и замѣнившая отчасти прокуратуру Петра Великаго, должна была быть по мысли законодательства окомъ закона, органомъ надзора, слѣдящимъ за закономѣрностью дѣйствій не только судебныхъ, но и административныхъ учреждений.

Согласно „Учрежденію о губерніяхъ“ губернской прокуроръ и подчиненные ему стряпчіе смотрятъ и наблюденіе имѣютъ о сохраненіи вездѣ всякаго порядка, закономъ опредѣленнаго, и въ производствѣ и въ отправленіи самыхъ дѣлъ. Они сохраняютъ цѣлость власти, установленій и интереса Императорскаго Величества, наблюдаютъ, чтобы запрещенныхъ сборовъ съ народа никто не собиралъ, и долгъ имѣютъ истреблять повсюду „зловредныя взгляды“. Буде, сказано далѣе, „губернской прокуроръ гдѣ усмотритъ злоупотребленія, противныя законамъ, учрежденіямъ или указамъ, то долженствуетъ о томъ (прилично по тому случаю) напечатать и увѣдомить намѣстническое правленіе и генераль-прокурора, дабы злоупотребленія исправлены были“.

По Своду Законовъ губернскіе прокуроры и подчиненные имъ стряпчіе сохранили эту функцію, и кромѣ того обязаны были охранять интересы казны, заботиться о т. н. безгласныхъ уголовныхъ дѣлахъ и объ интересахъ беспомощныхъ лицъ (несовершеннолѣтнихъ, глухонѣмыхъ, содержащихся подъ стражей). Они присутствовали въ засѣданіяхъ судебныхъ и административныхъ учреждений, давали заключенія по дѣламъ, просматривали журналы и постановленія присутственныхъ мѣстъ; пропускали ихъ, если не находили ничего незаконнаго, и имѣли право приостанавливать исполненіе постановленія, если находили его незаконнымъ.

Правда, на дѣлѣ роль губернскихъ прокуроровъ и тѣмъ болѣе стряпчихъ была не блистательна и далеко не соотвѣтствовала ожиданіямъ законодателя. Просмотръ журналовъ и постановленій сводился въ большинствѣ случаевъ къ пустой формѣ. Губернская прокуратура не занимала достаточно независимаго положенія, въ особенности послѣ того, какъ главные начальники вѣдомства эмансипировались отъ власти генераль-прокурора. Въ должности прокуроровъ рѣдко встрѣчались хорошо подготовленные юристы и фактическая зависимость ихъ отъ

главныхъ мѣстныхъ начальниковъ, губернаторовъ, сказывалась на каждомъ шагу. Закономѣрности имъ водворить не удалось и зловредныхъ нравовъ они не устранили. Но что губернская прокуратура могла имѣть и полезное вліяніе доказываетъ дѣятельность такихъ губернскихъ прокуроровъ, какъ Фришъ въ Астрахани, Ровинскій въ Москвѣ, Н. П. Семеновъ въ Вильнѣ. При лучшей обстановкѣ этой должности, она дала бы и лучшіе результаты. Нужно было только дать прокурорамъ должную независимость, повысить ихъ въ рангѣ и назначать прокурорами по возможности юристовъ. Установленіе для нихъ того образовательнаго ценза, того служебнаго стажа, который былъ Судебными Уставами установленъ для судей и членовъ судебной прокуратуры поставилъ бы ихъ на должную высоту. Однако, съ введеніемъ Судебныхъ Уставовъ губернская прокуратура должна была исчезнуть.

Судебные Уставы (ст. 135 Учр. Суд. Уст.) ограничили занятія прокуратуры дѣлами судебного вѣдомства и лишь впоследствии, при организациі т. н. смѣшанныхъ присутствій, получившихъ отчасти характеръ органовъ юстиціи административной, прокуратура была вновь привлечена къ участию въ дѣлахъ правительственнаго и общественнаго мѣстнаго управленія.

Однако, такое устраненіе прокуратуры отъ обязанностей, лежавшихъ на ней до судебной реформы, совершилось не безъ колебаній со стороны органа законодательной власти Государственнаго Совѣта. Когда Соединенные Департаменты Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ разсматривали въ 1864 г. проектъ учрежденія судебныхъ мѣстъ, они не отрицали пользы и даже необходимости установленія прокурорскаго надзора за дѣлопроизводствомъ административныхъ мѣстъ и положили мнѣніемъ: предоставить министру юстиціи войти въ сношеніе съ подлежащими вѣдомствами и главноуправляющими отдѣльными частями о томъ, на какомъ основаніи слѣдуетъ устроить надзоръ за тѣми не-судебными дѣлами, которыя ранѣе были подчинены прокурорскому и стряпческому надзору, а общія по сему предмету соображенія представить на уваженіе законодательной власти въ установленномъ порядкѣ.

Министръ юстиціи Замятнинъ не сочувствовалъ этой мысли, опасаясь, что осуществленіе ея приведетъ къ обремененію прокуроровъ посторонними занятіями въ ущербъ прямымъ ихъ

обязанностямъ. Въ 1866 году Государственный Совѣтъ, не удовлетворяясь заключеніемъ министра юстиціи, вновь возвратился къ вопросу и поручилъ министру войти въ сношеніе съ другими министрами въ видахъ выясненія: не полезно ли будетъ прокурорскій надзоръ замѣнить въ отношеніи къ подчиненнымъ имъ мѣстамъ, какимъ-либо другимъ ¹⁾).

Въ 1866 г. с.-петербургскій губернский прокуроръ вошелъ къ министру юстиціи съ рапортомъ, въ коемъ онъ подробно выяснилъ, къ какимъ неудобствамъ и даже вреднымъ послѣдствіямъ приводитъ упраздненіе прокурорскаго надзора за администраціей.

Должно быть этотъ интересный рапортъ подѣйствовалъ на министра. Онъ вошелъ въ сношеніе съ другими министрами по вопросу: не полезно ли замѣнить упраздненную прокуратуру дореформеннаго времени другимъ органомъ надзора, но встрѣтилъ возраженіе со стороны, преимущественно, министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева.

Приведемъ интересный рапортъ с.-петербургскаго губернскаго прокурора и мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Губернскій прокуроръ писалъ, что по указаніямъ, существовавшимъ до обнародованія Высочайше утвержденныхъ 7-го марта 1866 года правилъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ законахъ о правахъ и обязанностяхъ лицъ прокурорскаго надзора, лица эти, просматривая постановленія всѣхъ почти губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, при обнаруживавшихся по дѣламъ признакамъ проступковъ и преступленій, не только могли начать преслѣдованіе ихъ, но, затѣмъ, вновь просматривая журналы и опредѣленія присутственныхъ мѣстъ, имѣли полную возможность настаивать, чтобы не было дѣлаемо никакого послабленія виновнымъ.

Правилами 7 марта 1866 года, освободившими лицъ прокурорскаго надзора отъ многихъ несущественныхъ обязанностей, вышеозначенная дѣятельность прокуроровъ и стряпчихъ сохранена за ними безъ измѣненій. На этомъ основаніи статьями 9, 10, 11 и 13 означенныхъ правилъ было установлено:

а) что на просмотръ губернскихъ прокуроровъ или уѣздныхъ стряпчихъ, по принадлежности, должны быть сообщаемы всѣ

¹⁾ Ср. ст. И. Г. Щегловитова. „Прокуратура въ строѣ будущихъ губернскихъ учреждений“. Право. 1903 г. № 36. Ср. также А. Э. Кони. „На жизненномъ пути“. Т. I, стр. 101.

постановленія губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ о преданіи суду, о назначеніи слѣдствія и о наложеніи административныхъ взысканій; б) что губернскимъ прокурорамъ и уѣзднымъ стряпчимъ предоставляется предлагать подлежащимъ присутственнымъ мѣстамъ или должностнымъ лицамъ о назначеніи слѣдствія, преданіи суду или наложеніи административныхъ взысканій въ тѣхъ случаяхъ, когда по дошедшимъ до лицъ прокурорскаго надзора свѣдѣніямъ, это окажется нужнымъ; в) что губернскіе прокуроры и уѣздные стряпчіе имѣютъ право требовать во всякое время внезапнаго освидѣтельствованія, въ ихъ присутствій, казначейства вѣдомства Министерства Финансовъ, и равно и тѣхъ установленій, въ которыхъ хранятся общественныя суммы и имущество, съ обязанностью объ оказавшемся при такомъ освидѣтельствованіи доносить своему непосредственному начальству, и г) что губернскіе прокуроры и уѣздные стряпчіе сохраняютъ право входить во всѣ присутственныя мѣста и требовать къ своему разсмотрѣнію производящіяся въ нихъ дѣла.

Положеніе лицъ прокурорскаго надзора вновь учреждаемыхъ судебныхъ установленій будетъ совершенно инымъ.

На основаніи 19 ст. правилъ 7-го марта 1866 г., съ упраздненіемъ должностей губернскихъ, уѣздныхъ и другихъ наименованій прокуроровъ и стряпчихъ, надзоръ со стороны должностныхъ лицъ вѣдомства Министерства Юстиціи за губернскими, уѣздными и городскими установленіями прекратится. Вслѣдствіе сего, хотя по 4 ст. Уст. Уг. Суд. обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ возложено на лицъ прокурорскаго надзора, а по 311 ст. имъ предоставлено возбуждать дѣла по входящимъ до нихъ свѣдѣніямъ и по непосредственно ими усмотрѣннымъ преступленіямъ или проступкамъ, но какъ, за силою вышеприведенной 19 ст. правилъ 7-го марта, лица прокурорскаго надзора будутъ лишены права требовать къ своему разсмотрѣнію дѣла, производящіяся въ административныхъ учрежденіяхъ, то при исполненіи такой обязанности они встрѣтятъ крайнее затрудненіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предположеніе проступка или преступленія вытекаетъ изъ дѣлъ, производящихся въ означенныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Еще болѣе затрудненій и почти полную невозможность они встрѣтятъ по преслѣдованію преступленій должности чиновъ административныхъ вѣдомствъ.

За исключеніемъ тѣхъ дѣлъ, которыя на основаніи 1090 и 1091 ст.ст. Уст. Уг. Суд. 1864 г. будутъ переданы самимъ начальствомъ обвиняемыхъ къ производству судебныхъ слѣдователей, всѣ прочія останутся вполнѣ изъятыми отъ контроля со стороны лицъ прокурорскаго надзора, что можетъ нерѣдко повести къ оставленію въ безгласности весьма важныхъ нарушеній и именно тѣхъ, гдѣ, при отсутствіи гражданскихъ истцовъ, страдаютъ лишь государственное достояніе или другой общественный интересъ.

Возможность установленія указываемаго положенія дѣлъ, утверждалъ прокуроръ, основывается не на одномъ простомъ предположеніи, но на фактахъ, почерпнутыхъ изъ его собственной дѣятельности.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ (1866 г.) по судебнымъ мѣстамъ одного города Петербурга обнаружались слѣдующіе четыре случая, свидѣтельствующіе, сколь необходимо сохранить вліяніе лицъ прокурорскаго надзора за дѣйствіями административныхъ присутственныхъ мѣстъ, по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ.

Случаи эти состояли въ слѣдующемъ.

1) Торговый смотритель Григорьевъ дозволилъ себѣ закрытіе въ прошломъ 1865 г. выставки овощей, конфискацію товара и продажу его, съ обращеніемъ вырученныхъ денегъ въ пользу с.-петербургской городской казны. Несмотря на то, что это дѣло, по ст. 197 положенія 9-го февраля 1865 г. о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ, вовсе не подлежало вѣдѣнію с.-петербургской распорядительной думы и Григорьевъ явно превысилъ власть, предоставленную ему закономъ, дума признала дѣйствія его правильными и обратила вырученныя имъ чрезъ продажу неправильно конфискованнаго товара деньги въ городскую казну. По этому дѣлу даны предложенія прокуроромъ, но на нихъ не получено никакого увѣдомленія отъ с.-петербургской распорядительной думы.

2) По дѣлу о растратѣ денегъ въ с.-петербургской губернской чертежной землемѣрами Гаврилой и Иваномъ Зайцевыми. Изъ слѣдственнаго дѣла оказалось, что губернское правленіе не производило ежегодныхъ ревизій означенныхъ суммъ и потому члены присутствія губернскаго правленія могутъ подлежать возмѣщенію казеннаго убытка при недостаткѣ имущества

у виновныхъ уже умершихъ, но какъ разслѣдованіе этого дѣла производилось черезъ губернское правленіе, то обстоятельство это обойдено. По этому дѣлу также дано предложеніе С.-Петербургской уголовной палатѣ.

3) По дѣлу о растратѣ казначеемъ губернскаго правленія Брюновымъ 41,374 руб. 62 к. изъ суммъ губернскаго правленія; дознаніе и затѣмъ разсмотрѣніе слѣдствія производили только тѣ самые члены губернскаго правленія, которые состояли въ ономъ на службѣ въ то время, когда совершилась растрата. Прочіе же члены отъ подписки журналовъ по этому дѣлу уклонились. Только вслѣдствіе даннаго прокуроромъ предложенія губернское правленіе въ составъ тѣхъ же самыхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу членовъ представило на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ объ опредѣленіи отвѣтственности ихъ и направленіи дѣла къ законному порядку.

4) По производящемуся въ уголовной палатѣ дѣлу о покушеніи на кражу изъ магазина часовыхъ дѣлъ мастера Шпергазе; еще при производствѣ слѣдствія обнаружались противозаконные поступки чиновъ полиціи, заключавшіеся въ составленіи неправильнаго акта осмотра, въ наущеніи свидѣтелей къ ложнымъ показаніямъ и, наконецъ, въ самомъ попустительствѣ кражи, вмѣсто предупрежденія оной. Хотя слѣдователемъ, совмѣстно со стряпчимъ полицейскихъ дѣлъ, тогда еще было доведено объ этомъ до свѣдѣнія бывшаго оберъ-полиціймейстера, но этотъ послѣдній не только не счелъ нужнымъ привлечь чиновъ полиціи къ отвѣтственности, но поступокъ слѣдователя, доведшаго о такихъ упущеніяхъ до его свѣдѣнія, передалъ на усмотрѣніе уголовной палаты и только нынѣ, при разсмотрѣніи означеннаго дѣла по существу, палата заключила дать этому обвиненію дальнѣйшій ходъ.

Имѣя при этомъ въ виду: а) что порядокъ надзора за административными присутственными мѣстами по упраздненіи должностей губернскихъ прокуроровъ и уѣздныхъ стряпчихъ еще окончательно не установленъ; б) что лицамъ прокурорскаго надзора должны быть предоставлены законные способы къ исполненію обязанностей, возложенныхъ на нихъ по 4 и 311 ст. Уст. Уг. Суд. 1864 г., и в) что преслѣдованіе всѣхъ вообще преступныхъ дѣяній составляетъ главнѣйшую обязанность лицъ прокурорскаго надзора и потому обнаруженіе ихъ и по дѣламъ,

производящимся въ административныхъ присутственныхъ мѣстахъ, должно прямо входить въ кругъ ихъ дѣйствій, указанный въ 135 ст. Учр. Суд. Уст. 1864 г., прокуроръ довелъ о всѣхъ этихъ случаяхъ до свѣдѣнія министра юстиціи на тотъ конецъ, не будетъ ли признано полезнымъ: по упраздненіи должностей прокурорскаго надзора при судебныхъ мѣстахъ стараго порядка, сохранить за лицами прокурорскаго надзора при новыхъ судебныхъ установленіяхъ права, предоставленныя нынѣ губернскимъ прокурорамъ и уѣзднымъ стряпчимъ ст. 4, 10, 11 и 13 правилъ 7-го марта 1866 г. о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ законахъ о правахъ и обязанностяхъ лицъ прокурорскаго надзора. Чтобы не идти въ разрѣзъ съ 1077, 1083, 1086, 1090, 1092 ст. Уст. Уг. Суд. 1864 г., эти статьи можно бы было выразить приблизительно въ слѣдующей редакціи:

1. Лица прокурорскаго надзора имѣютъ право входа во всѣ присутственныя мѣста и требовать къ своему разсмотрѣнію производящіяся въ нихъ дѣла.

2. Лица прокурорскаго надзора имѣютъ право требовать во всякое время внезапнаго освидѣтельствванія, въ ихъ присутствіи, казначействъ вѣдомства Министерства Финансовъ, и право освидѣтельствванія всѣхъ тѣхъ установленій, въ которыхъ хранятся общественныя суммы и имущество.

3. Сообщенія прокуроровъ начальству должностныхъ лицъ о признакахъ преступленій и проступковъ по должности, не могутъ быть оставлены этимъ послѣднимъ безъ надлежащаго обсужденія.

4. Всѣ постановленія административныхъ присутственныхъ мѣстъ о наложеніи дисциплинарныхъ взысканій, назначеній слѣдствій и о преданіи суду сообщаются подлежащимъ лицамъ прокурорскаго надзора.

5. Когда лица прокурорскаго надзора усмотрятъ, что означенными постановленіями предположено прекратить административнымъ порядкомъ обвиненія въ случаяхъ, опредѣленныхъ въ 1089 ст. Уст. Уг. Суд. 1864 г., а также когда по дѣламъ этого рода предварительное слѣдствіе возлагается на административныхъ чиновниковъ, то они предлагаютъ подлежащимъ присутственнымъ мѣстамъ о направленіи означенныхъ дѣлъ къ законному порядку. Когда же административное начальство съ

предположеніемъ ихъ не согласится, то возникшее по сему предмету разномысліе разрѣшается въ порядкѣ, опредѣленномъ 1092, 1093 и 1094 ст. ст. Уст. Уг. Суд.

Рапортъ былъ препровожденъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ цѣлью узнать его мнѣніе по существу возбужденнаго вопроса. Отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ (18-го сентября 1866 г.) доказываетъ, что П. А. Валувевъ отнюдь не желалъ усилить власти прокуратуры.

Онъ писалъ:

„По случаю возбужденнаго въ Высочайше утвержденномъ 7-го марта 1866 года мнѣніи Государственнаго Совѣта вопроса о томъ, не полезно ли будетъ предназначенный къ уничтоженію прокурорскій надзоръ въ губерніяхъ замѣнить другимъ, Ваше Высокопревосходительство, изволите спрашивать заключенія моего по этому предмету, относительно мѣстъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Сообразивъ означенный вопросъ съ существующими узаконеніями о губернской администраціи, равно съ имѣющимися у меня въ виду предположеніями по этому предмету я нахожу:

а) что предположенный къ упраздненію, вслѣдствіе судебной реформы, прокурорскій надзоръ въ губерніяхъ, будучи не столько надзоромъ, сколько вмѣшательствомъ органовъ судебной власти въ дѣла администраціи,—не достигалъ своей цѣли, какъ это подтвердилось многолѣтнимъ у насъ опытомъ.

б) что по сему и при существованіи установленнаго закономъ надзора губернаторовъ за подвѣдомственными имъ административными учрежденіями, едва ли можетъ быть рѣчь собственно о замѣнѣ помянутаго упраздненнаго надзора другимъ. Такая замѣна была бы и неудобна и бесполезна. Неудобна потому, что учрежденіе въ губерніяхъ особыхъ органовъ надзора, подобныхъ прокурорамъ (кромѣ излишнихъ издержекъ казны на ихъ содержаніе), было бы лишь повтореніемъ той старой системы двойственнаго надзора, несостоятельность которой вполнѣ уже оказалась на практикѣ. Бесполезна потому, что дѣйствительный надзоръ за правильнымъ ходомъ административныхъ дѣлъ въ губерніяхъ уже есть въ лицѣ начальниковъ губерніи. Слѣдовательно нынѣ, по моему мнѣнію, вопросъ долженъ состоять не въ томъ, чтобы замѣнить прокурорскій надзоръ другимъ, а въ томъ, чтобы улучшить

существующій уже надзоръ губернаторовъ. Смотра съ этой точки зрѣнія на настоящее дѣло считаю долгомъ выразить: что вопросъ объ улучшеніи надзора начальниковъ губерній, обсуждался въ послѣднее время, какъ Вамъ извѣстно, въ Комитетѣ Министровъ, и въ Высочайше утвержденномъ 22 іюня сего года журналѣ Комитета начертаны уже основныя правила о порядкѣ и образѣ дѣйствій этого надзора, въ развитіе существующихъ по этому предмету узаконеній.

По всѣмъ симъ соображеніямъ, а равно, принимая во вниманіе, что въ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ нынѣ производится коренной пересмотръ учрежденія губернаторовъ и губернскихъ правленій, я полагалъ бы: власть надзора начальниковъ губерній опредѣлить окончательно при преобразованіи означенныхъ учреждений, а до того времени надзоръ сей оставить въ предѣлахъ, указанныхъ въ вышеприведенномъ положеніи Комитета Министровъ“.

Положеніе Комитета Министровъ, на которое ссылается министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ имѣетъ слѣдующую исторію: несмотря на то, что первыя десять лѣтъ царствованія Императора Александра II были ознаменованы рядомъ обширныхъ и благодѣтельныхъ реформъ, которыя въ краткій сравнительно промежутокъ времени преобразили жизнь Россіи почти до неузнаваемости, въ обществѣ замѣчалось враждебное отношеніе къ правительству.

„При общемъ возбужденіи и при господствующемъ духѣ критики, сказано въ «Историческомъ Обзорѣ дѣятельности Комитета Министровъ, составленномъ С. М. Середонинымъ» ¹⁾, трудно было ожидать, чтобы всѣ были довольны совершившимися реформами: великая и славная эпоха, какъ показываетъ историческій опытъ, должна была породить массу недовольныхъ; въ то время, какъ одни находили, что реформы идутъ слишкомъ далеко и скоро, и видѣли въ нихъ нарушеніе своихъ интересовъ, матеріальныхъ и духовныхъ, другимъ, напротивъ того, казалось, что реформа подвигается впередъ слишкомъ медленно или, что ее слѣдовало бы вести въ иномъ направленіи“.

Если, съ одной стороны, во имя нарушенныхъ сословныхъ интересовъ высшаго сословія высказывалось требованіе вознагра-

¹⁾ Томъ третій, ч. I, стр. 123 и 124.

дить его за утрату помѣщичьей власти надъ крестьянами расширеніемъ его политическихъ правъ до участія въ осуществленіи правъ Верховной власти включительно, то съ другой предъявлялось требованіе демократизировать Россію съ беспощадной послѣдовательностью и преобразовать ее согласно съ идеями социаль-демократіи. И сторонники политической реформы въ духѣ олигархіи, и сторонники социальной революціи, казались одинаково опасными элементами. Тѣ же слои общества, которые стояли въ сторонѣ отъ этихъ крайнихъ партій, привыкшіе къ пассивности, не умѣли дать отпоръ крайностямъ или безучастно смотрѣли на проявленія этихъ тенденцій, или ограничивались покачиваніемъ головы и упреками, что де правительство не умѣетъ взяться за дѣло успокоенія недовольныхъ какъ слѣдуетъ.

„Все это, продолжаетъ Середонинъ въ указанномъ трудѣ (стр. 125), создавало необыкновенно трудную обстановку, не совѣмъ понятную для людей послѣдующихъ поколѣній: великая эпоха представляется имъ какимъ то славнымъ продолжительнымъ праздничнымъ днемъ въ русской жизни, и только скорбный ликъ Царя-Освободителя, кровію своею пожертвовавшего за великое дѣло, заставляетъ пристальнѣе искать темныхъ точекъ на яркой картинѣ“.

Правительство полагало, что необходимо усилить компетенцію главныхъ представителей власти въ губерніяхъ. Въ 1866 году, т. е. въ годъ введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, въ округахъ С.-Петербургской и Московской судебныхъ палатъ, три сановника, (министръ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и шефъ жандармовъ) подали Императору Александру II записку, въ которой они доказывали необходимость усиленія власти губернаторовъ.

По ихъ мнѣнію, губернаторы послѣ отдѣленія, благодаря учрежденію земства, земско-хозяйственной части, и судебной власти, вслѣдствіе реформы судебныхъ установленій, потерпѣли умаленіе власти въ такой степени, что должность губернатора и въ общественномъ мнѣніи и въ сознаніи правительства являлась отсталою, отодвинутою столь далеко, что поднятіе ея до уровня другихъ новыхъ учрежденій, поставленныхъ подобно суду и земству самостоятельно, оказалось неотложною необходимостью.

Такимъ образомъ, былъ поставленъ вновь на очередь вопросъ о томъ, какую роль долженъ играть губернаторъ, и въ какомъ

отношеніи онъ долженъ стоять къ суду и обществу, которое уже по мысли и желанію Императрицы Екатерины II должно было принять участіе въ рѣшеніи мѣстныхъ дѣлъ. Вопросъ этотъ возникалъ уже въ началѣ XIX столѣтія, когда Императоръ Александръ I и его совѣтники въ негласномъ комитетѣ, а затѣмъ Сперанскій, въ эпоху подготовки коренныхъ реформъ 1808—1810 г.г., разсуждали о томъ, какъ обезпечить на мѣстахъ охрану закона и должную заботу объ интересахъ населенія. Этотъ же вопросъ былъ вновь возбужденъ Императоромъ Николаемъ I, когда онъ учредилъ комитетъ 6 декабря 1826 года для обсужденія тѣхъ вопросовъ преобразованія, которыхъ касались различныя записки, найденныя въ кабинетѣ Императора Александра I.

И тогда уже жаловались на то, что будто престижъ губернаторской власти потерпѣлъ ущербъ. Но различныя мѣропріятія Верховной власти не привели къ тому, чтобы и власть была довольна губернаторами, и населеніе съ довѣріемъ смотрѣло на этихъ „хозяевъ“ губерній. Рядъ сенаторскихъ ревизій открылъ множество злоупотребленій или бездѣйствіе губернаторовъ и немало людей полагало, что губернаторы были потому не на высотѣ своего призванія, что они имѣли слишкомъ много власти и что имъ было ввѣрено слишкомъ много дѣлъ, а не потому, что ихъ компетенція была слишкомъ узка и правомочія слишкомъ слабы. Можно было думать, что отдѣленіе суда отъ администраціи и врученіе заботы о хозяйственныхъ дѣлахъ мѣстнымъ установленіямъ, въ которыхъ дѣйствовали бы лица, близко знавшія мѣстность и заинтересованныя въ ея благополучіи, должно было быть привѣтствовано всѣми, ибо сложеніе съ губернаторовъ непосильнаго бремени давало имъ возможность осуществленія надлежащаго административнаго надзора за мѣстными правительственными учрежденіями, оберегая вмѣстѣ съ тѣмъ интересы государства въ тѣхъ случаяхъ, когда общественныя установленія вздумаютъ ими пренебрегать. Полиція во всякомъ случаѣ оставалась въ непосредственномъ подчиненіи у губернатора и сосредоточеніе всѣхъ усилій на должной постановкѣ полицейскаго дѣла могло настолько занять губернатора, что ему бы не пришлось жаловаться на бездѣлье или сожалѣть, что онъ устраненъ отъ участія въ судѣ и отъ обязанности входить въ мелочи мѣстной хозяйственной жизни. Губернаторская власть

послѣ реформъ судебной и земской могла стать сильнѣе прежняго, не въ смыслѣ широты произвола и сатрапскаго усмотрѣнія, а въ смыслѣ сосредоточенной, закономѣрной дѣятельности во имя общественной безопасности. То глухое недовольство, которое такъ тревожило правительство, объяснялось въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что русскимъ подданнымъ не была обеспечена неприкосновенность личности и охрана ихъ законныхъ правъ.

Между тѣмъ—рѣчь зашла объ усиленіи власти губернатора и о предоставленіи ему права надзора, какъ административнаго, такъ и того надзора, который производился далеко неудовлетворительно губернскими прокурорами и подчиненными имъ стряпчими. Нѣкоторымъ представителямъ центральной власти казалось, что именно преимущества судебной реформы, давшія Россіи независимый судъ, привели къ умаленію престижа губернатора. Въ судѣ видѣли какую то враждебную силу, не желавшую считаться съ видами правительства, слишкомъ объективно и хладнокровно относившуюся къ различнымъ проявленіямъ новаго времени, своими приговорами, не считавшимися съ чиномъ, служебнымъ положеніемъ и родовитостью, колебавшую уваженіе къ предержавшимъ властямъ. Судъ, независимый отъ начальства и его внушенія, требовалъ какъ бы противовѣса въ лицѣ органа власти, болѣе отзывчиваго къ тому, чего требовала не буква закона, а интересы внутренней политики.

Послѣ рассмотрѣнія записки въ особой комиссіи дѣло поступило въ Комитетъ Министровъ.

Комитетъ разсуждалъ, что губернаторъ, представитель высшей правительственной власти въ губерніи, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяинъ губерніи, исполнитель законовъ, который не въ правѣ, ни дѣлать новыхъ постановленій, ни отступать отъ старыхъ. На особенную обязанность его возложено попеченіе о верховныхъ правахъ Самодержавія, о пользѣ государства, о точномъ исполненіи законовъ, Высочайшихъ повелѣній, указовъ Сената и предписаній начальства.

Этой точкой зрѣнія Комитетъ руководился, когда онъ положилъ усилить губернаторскую власть, въ смыслѣ расширенія его права надзора за административными учрежденіями гражданскаго вѣдомства и должностными лицами въ губерніи. Въ его рукахъ долженъ былъ быть сосредоточенъ мѣстный надзоръ за

всѣми этими учрежденіями, за исключеніемъ судебныхъ установленій и контрольной палаты. Положеніе Комитета Министровъ было Высочайше утверждено и тѣмъ самымъ вопросъ о томъ, кѣмъ замѣнить упраздненную должность губернскаго прокурора— былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что она останется безъ замѣны. Между тѣмъ отмѣна этой должности именно въ виду новыхъ условій мѣстной жизни, результата крестьянской реформы, отдѣленія суда отъ администраціи, земской реформы, ряда реформъ въ области финансовъ и хозяйственной жизни, была необходимѣе, чѣмъ когда либо. Губернаторъ не могъ замѣнить губернскаго прокурора. Какъ явствуетъ изъ опредѣленія губернаторской должности, усвоеннаго Комитетомъ Министровъ, эта должность должна была сохранить преимущественно политическій характеръ. Попеченіе о правахъ Самодержавія, о пользѣ государственной, это задачи политическія, и, что, вполнѣ понятно, губернаторъ, въ особенности въ эпоху политическаго броженія, долженъ былъ сосредоточить свое вниманіе на этихъ политическихъ задачахъ. Соблюденіе же закона различными мелкими властями, мало пріученными къ уваженію къ закону, должно было показаться и дѣйствительно показалось дѣломъ второстепеннымъ. Судъ имѣлъ дѣло съ преступными дѣяніями. Предупредить ихъ онъ не могъ или могъ только косвенно, безпристрастными справедливыми карами, дабы другимъ не повадно было нарушать законъ. Губернскій прокуроръ и былъ, по идеѣ Екатерины II, призванъ пещись о сохраненіи авторитета закона и о предупрежденіи нарушенія законовъ. Губернская прокуратура неудовлетворительно исполнила свою задачу, но столь же неудовлетворительно, какъ исполнили свою задачу многіе изъ губернаторовъ и большинство органовъ полиціи, а никакъ не болѣе. Это было несомнѣнно, и рѣчь могла зайти о томъ, какъ обезпечить должную независимость губернскихъ прокуроровъ, какъ возвысить авторитетъ этого органа надзора. Упраздненіе же его оставило пробѣлъ въ строѣ администраціи, доннынѣ не восполненный.

Ни для губернаторовъ, ни для вице-губернаторовъ законодатель не установилъ того служебнаго стажа, который Судебными Уставами былъ установленъ для судей и чиновъ прокурорскаго надзора. Отъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ, совѣтниковъ губернскаго правленія, не требовалось также

удовлетворенія опредѣленному спеціальному образовательному цензу.

Хорошо, если губернаторскій постъ занималъ научно-образованный юристъ. Но это случалось далеко не столь часто, какъ того нужно было желать. Какъ и ранѣе, такъ и послѣ реформы, постъ губернатора зачастую занималъ военный или лицо гражданское безъ юридическаго образованія, т. е. лица, которыя съ законами и съ юридической логикой и искусствомъ правильнаго толкованія должны были знакомиться тогда, когда, нежданная благополучнаго окончанія этихъ автодидактическихъ занятій, жизнь требовала неотложнаго рѣшенія назрѣвавшихъ и чѣмъ дальше, тѣмъ больше осложнявшихся вопросовъ. Эпоха реформъ была эпохой обильнаго законодательства, которое въ кодификаціонномъ порядкѣ вводилось въ рамки Свода Законовъ, нерѣдко игравшія роль прокрустова ложа, въ которое новыя нормы втискивались не безъ нѣкотораго насилія. Разобраться въ этомъ пестромъ наслоеніи старыхъ и новыхъ нормъ было не легко и для опытнаго юриста. Каково же было военному или не юристу, который привыкъ къ образу мышленія совершенно иного характера. Для юриста законъ—позиція, предъ которой онъ слагаетъ оружіе и отступаетъ; для военнаго—это позиція, которую необходимо брать приступомъ (коль скоро дѣло идетъ не о военныхъ законахъ). Хорошо еще, если I департаментъ Сената давалъ свои руководящія указанія. Но ихъ приходилось понимать, вдуматься въ нихъ и умѣть примѣнить въ должномъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ губернаторы, органы надзора на мѣстахъ, остались безъ помощи со стороны стоящаго возлѣ нихъ должностнаго лица, которое, не будучи обязаннымъ понимать виды политики, заботилось бы только объ одномъ, объ охранѣ закона, содѣйствуя по мѣрѣ силъ тому, чтобы не пришлось и надъ обновленной Россіей произнести тотъ суровый приговоръ, который знаменитый историкъ Ключевскій произнесъ надъ XVIII столѣтіемъ: обильное законодательство при отсутствіи закона.

Безслѣдное упраздненіе старой губернской прокуратуры не привело къ хорошимъ результатамъ, ибо оно противорѣчило условіямъ нашей административной жизни и шло въ разрѣзъ съ внутренними потребностями губернскаго строя, далекаго отъ совершенства.

А. Е. Кони, въ своихъ очеркахъ „За послѣдніе годы“ (стр. 261 · 263), высказываетъ сожалѣніе по поводу необдуманнаго освобожденія администраціи отъ компетентнаго независимаго надзора.

„Въ торопливомъ осуществленіи страстнаго желанія поскорѣе расчистить для новыхъ насажденій мѣсто, поросшее бурьяномъ и полусгнившими деревьями, былъ срубленъ дубъ, стоявшій на стражѣ лѣса. Кто знаетъ, сколько тягостныхъ пререканій, гдѣ голосъ оскорбляемыхъ самолюбій и властолюбій заглушалъ ропоть искажаемой истины, было бы устранено, сколько окольныхъ путей для жалобъ и взаимныхъ обвиненій поросло бы травой забвенія, если бы въ широкія рамки обязанностей губернскаго прокурора была бы въ 1864 г. влита энергія тѣхъ молодыхъ и полныхъ любви къ дѣлу силъ, которыя обречены были упражнять свое стремленіе къ законности и талантливое трудолюбіе исключительно на обвинительномъ поприщѣ.“

Въ 1860-хъ годахъ вопросъ заглохъ и вновь всталъ на очередь лишь въ 1880 годахъ, но постановка его оказалась теперь болѣе узкой. Шла рѣчь лишь объ учрежденіи органа надзора въ одной только отрасли администраціи: финансовой, объ учрежденіи финансовой прокуратуры по образцу Австріи и Италіи.

Судебная реформа побудила законодателя подвергнуть пересмотру и статьи II тома Свода Законовъ, касающіяся круга вѣдомства того учрежденія, которое по словамъ закона есть высшее въ губерніи мѣсто, управляющее оною въ силу законовъ, именемъ Императорскаго Величества и не получающее ни отъ кого указовъ и предписаній, кромѣ Императорскаго Величества и Правительствующаго Сената—т. е. губернскаго правленія.

Это „высшее мѣсто“ въ губерніи, какъ извѣстно, далеко не соотвѣтствовало по своему значенію и вліянію громкимъ словамъ закона. Оно обладало обширными правами административной юрисдикціи и число т. н. судныхъ дѣлъ, которыя имъ разсматривались и отчасти рѣшались, было велико (извѣстно, что слово „судный“ не соотвѣтствуетъ въ нашемъ законодательствѣ слову „судебный“, а имѣетъ условный смыслъ. Дѣла судныя—это дѣла, разсматриваемыя въ коллегіальномъ порядкѣ.)

Судебные Уставы сократили въ значительной степени компетенцію губернскихъ правленій въ дѣлахъ судныхъ, но въ кругъ вѣдомства губернскаго правленія и послѣ судебной ре-

формы входили важные вопросы мѣстной администраціи. Оно вѣдало на основаніи указа 1865 года, измѣнившаго порядокъ дѣлопроизводства въ губернскихъ правленіяхъ и раздѣлившаго всѣ дѣла на три разряда: дѣла судныя, дѣла административныя перваго и втораго разряда, всѣ дѣла по пререканіямъ о компетенціи между административными мѣстами, дѣла по отдачѣ подъ судъ чиновниковъ административныхъ вѣдомствъ, дѣла по выясненію сомнѣній, возникающихъ при примѣненіи законовъ и дѣла по наложенію денежныхъ взысканій за упущенія по службѣ. Всѣ эти дѣла должны были рѣшаться въ коллегіальномъ порядкѣ, т. е. не единоличной властью губернатора.

Казалось бы полезнымъ, даже необходимымъ, ввести въ составъ губернскаго правленія должностное лицо, удовлетворяющее опредѣленному образовательному цензу и прошедшему опредѣленный стажъ, обеспечивающій практическое знакомство съ дѣлами, имѣющими отчасти судебный характеръ. Вѣдь члены губернскаго правленія еще рѣже нежели губернаторы и вице-губернаторы обладали юридической подготовкой. На должности совѣтниковъ губернскихъ правленій обыкновенно назначали пожилыхъ людей, посѣдѣвшихъ за канцелярскимъ столомъ и усвоившихъ рутину письмоводства, но не обладавшихъ умѣніемъ обращаться съ закономъ.

Благодаря плохому составу губернскихъ правленій, это „высшее мѣсто“ продолжало влечить довольно жалкое существованіе и цѣль закона 1865 года, сдѣлать губернское правленіе дѣйствительно вліятельнымъ и верховнымъ административнымъ органомъ губерніи, не была достигнута. Безсиліе губернскаго правленія было настолько замѣтно, что въ 1870 году, когда въ средѣ правительства вновь заговорили о необходимости реформы мѣстнаго короннаго управленія и объ усиленіи губернаторской власти, предположено было передать часть дѣлъ губернскаго правленія въ канцелярію губернатора, а для дѣлъ судныхъ создать особый органъ—губернскій совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора. Однако, составители проекта сознавали, что въ этомъ совѣтѣ, который долженъ былъ вѣдать не только дѣла особой важности или представляющія общій для администраціи интересъ, но также и вопросы о пререканіяхъ между административными мѣстами, обсуждать проекты постановленій губернаторовъ, вопросъ о преданіи суду чиновниковъ, разсматривать

жалобы частныхъ лицъ на лицъ должностныхъ, нельзя обойтись безъ представителя той сферы, которая была поставлена независимо отъ губернатора. Предположено было ввести въ составъ совѣта прокурора окружнаго суда, какъ лицо, обладающее тѣми свѣдѣніями, которыя зачастую отсутствовали у представителей администраціи.

Въ фигурѣ прокурора окружнаго суда возвратился какъ бы дореформенный губернской прокуроръ. Проектъ, какъ извѣстно, остался проектомъ. Но сознаніе необходимости привлечь органы, созданные Судебными Уставами, на которые немало администраторовъ косилось какъ на представителей какой-то вражеской силы, не подчиненной мѣстнымъ власть-имѣющимъ, въ правительственной средѣ все болѣе усиливалось, и когда въ Россіи появились т. н. „смѣшанныя присутствія“, этотъ въ нѣкоторой мѣрѣ удовлетворительный суррогатъ административно-судебныхъ учреждений, законодатель ввелъ въ ихъ составъ представителя прокурорскаго надзора, а то и предсѣдателя окружнаго суда. Конечно, такое привлеченіе должностныхъ лицъ суда и прокуратуры, обремененныхъ массой отвѣтственныхъ и сложныхъ дѣлъ, не могло оказаться дѣломъ въ достаточной степени благотворнымъ. И судъ и прокуратура имѣли свои задачи, исполненіе коихъ требовало напряженія всей трудовой энергіи человѣка. Эти представители суда и прокуратуры поневолѣ должны были смотрѣть на свои новыя обязанности, какъ на лишнюю обузу, которая отвлекала ихъ отъ прямыхъ обязанностей. Участіе просвѣщенныхъ, опытныхъ юристовъ въ дѣлахъ административно-судебныхъ принесло пользу, но эта польза могла быть болѣе осязательной, если бы не отвергнута была мысль о замѣнѣ губернскаго прокурора другимъ, надлежаще поставленнымъ органомъ надзора за законностью въ сферѣ управленія.

Благодаря неудачному исходу попытокъ преобразовать строй мѣстнаго самоуправленія, сохранилось, въ теченіе всего полу столѣтія, истекшаго со времени судебной реформы, бьющее въ глаза разногласіе между основными началами, на коихъ покоился и дѣйствовалъ судъ, съ тѣми, на коихъ была построена администрація.

Когда въ царствованіе Императора Александра III вновь обратились къ мѣрамъ согласованія суда съ администраціей, — Н. Х. Бунге вполне основательно въ слѣдующихъ словахъ опре-

дѣлилъ положеніе вещей, созданное реформами, проведенными наполовину.

„При реформахъ Императора Александра II, крестьянской, судебной и земской, писалъ онъ, не были въ надлежащей степени согласованы старыя учрежденія съ новыми. На дѣлѣ если старыя учрежденія не мѣшали, не были явно несообразны, то ихъ оставляли; если необходимы были новыя, то ихъ или добавляли къ существующимъ или ставили особнякомъ. Губернаторы, вице-губернаторы, губернскія правленія перестали быть, чѣмъ были прежде, но не сдѣлались тѣмъ, чѣмъ по духу новыхъ преобразованій имъ слѣдовало быть; они видѣли только, что съ возникновеніемъ новыхъ судовъ, новыхъ акцизныхъ управленій, что съ стремленіемъ каждаго Министерства къ большей самостоятельности и независимости отъ другихъ Министерствъ въ средѣ подчиненнаго имъ губернскаго управленія, съ предоставленіемъ самоуправленія крестьянамъ, съ появленіемъ земскаго и городского положенія — умалялась ихъ власть. По крайней мѣрѣ имъ представлялось такъ, потому что положеніе ихъ власти не было выяснено... былъ установленъ только *modus vivendi*, что для администраціи совершенно непригодно“¹⁾.

VI. Попытки реформы порядка разбирательства дѣлъ казеннаго управленія.

Судебная реформа побудила главныхъ начальниковъ административныхъ вѣдомствъ, министровъ, возбудить вопросы, которые были предметомъ многостороннихъ сужденій: вопросъ о созданіи особыхъ органовъ, имѣющихъ спеціальную задачу представлять, гдѣ необходимо, отдѣльныя вѣдомства на случай нарушенія ихъ правъ или матеріальныхъ интересовъ и вопросъ о порядкѣ защиты казеннаго интереса передъ судами новаго строя.

До судебной реформы юрисдикція суда распространялась на дѣла казеннаго управленія только въ случаѣ тяжбы съ казной о нѣдвижимыхъ имуществахъ, въ случаѣ спора о правѣ соб-

¹⁾ Цитировано въ Историческомъ обзорѣ дѣятельности Комитета Министровъ. Т. IV.

ственности на казенныя оброчныя статьи и на лѣсныя уголья. Всѣ же споры по договорамъ и обязательствамъ, заключеннымъ съ казною, рѣшались въ порядкѣ административномъ, и частнымъ лицамъ приходилось, для удовлетворенія своихъ притязаній къ казнѣ, обращаться съ жалобами по начальству.

Казна представлялась на судѣ особыми стряпчими казенныхъ дѣлъ.

Этотъ порядокъ обезпечивалъ интересы казны, но интересы частныхъ лицъ при немъ страдали чувствительнѣйшимъ образомъ, такъ какъ судебныя мѣста въ рѣшеніи сихъ дѣлъ были подчинены правительственнымъ мѣстамъ. Это, конечно, далеко не обезпечивало безпристрастнаго ихъ рѣшенія. Притомъ дѣла казеннаго управленія проходили не менѣе, чѣмъ черезъ 11 инстанцій. Уставъ Гражданскаго Судопроизводства подчинилъ дѣла казеннаго управленія общимъ судебнымъ установленіямъ, допуская только нѣкоторыя отступленія отъ установленнаго для другихъ дѣлъ процессуальнаго порядка. Въ законодательныхъ мотивахъ къ Уст. Гр. Суд. (изданія Государственной Канцеляріи) этотъ переходъ къ возможному уравнию правъ частныхъ лицъ съ правами казны въ сферѣ процесса былъ мотивированъ весьма убѣдительно. Въ нихъ было указано на то, что дореформенный порядокъ судебного разбирательства дѣлъ казеннаго управленія, а тѣмъ болѣе рѣшеніе ихъ властью административной, противорѣчило началу отдѣленія власти судебной отъ административной, а равно противорѣчило всѣмъ правильнымъ началамъ гражданскаго процесса и всякаго правильнаго производства. Подчиненіе дѣлъ казеннаго управленія общему состязательному процессу, подъ наблюденіемъ прокуроровъ, оберъ-прокуроровъ и министра юстиціи не только не ослабитъ защиты правъ казны, но, напротивъ, вѣрнѣе оградитъ государственныя имущества отъ неправильныхъ посягательствъ частныхъ лицъ и, значительно ускоряя ходъ такихъ дѣлъ, усилитъ уваженіе къ суду и общее довѣріе къ рѣшеніямъ правительства въ дѣлахъ, касающихся общественныхъ и государственныхъ польвъ. Если казна выступала истцомъ, то дѣла должны были впредь начинаться въ судѣ по иску, предъявленному официальными представителями интересовъ даннаго вѣдомства или присяжными повѣренными.

Но эти представители казны не должны пользоваться какими либо преимуществами въ сравненіи съ представителями частныхъ интересовъ.

Въ 1865 году, еще до введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, министръ Императорскаго Двора графъ Адлербергъ возбуждалъ вопросъ о приспособленіи административныхъ учрежденій къ проистекающимъ изъ Судебныхъ Уставовъ новымъ отношеніямъ администраціи къ судебной власти.

По сношеніи министра Императорскаго Двора съ другими министрами было рѣшено ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ объ учрежденіи особаго междувѣдомственнаго комитета для обсужденія 4 вопросовъ: какіе именно посредствующіе органы нужны административнымъ вѣдомствамъ для правильныхъ и успѣшныхъ сношеній съ судебной властью, въ чемъ должны состоять права и обязанности такихъ органовъ, ихъ отношенія къ начальству и къ суду, какія по этому случаю средства нужны Министерствамъ и прочимъ административнымъ вѣдомствамъ, и какія за симъ нужно сдѣлать измѣненія и дополненія въ дѣйствующихъ учрежденіяхъ Министерствъ и подвѣдомыхъ имъ установленій.

Комитетъ долженъ былъ составить проектъ положенія по сему предмету.

Означенный проектъ долженъ былъ быть затѣмъ рассмотрѣнъ въ особой комиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Буткова для работъ по преобразованію судебной части и, наконецъ, поступить на уваженіе законодательной власти.

Государь Императоръ соизволилъ на представленіе графа Адлерберга. Комитетъ былъ учрежденъ (подъ предсѣдательствомъ сенатора Зубова) и выработалъ проектъ положенія о порядкѣ судебной защиты дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами казны и вообще административныхъ установленій.

Въ проектѣ было предположено учредить въ Министерствахъ и административныхъ установленіяхъ, которыя по кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ приходятъ въ соприкосновеніе съ судомъ по охранѣ имущественныхъ правъ и интересовъ казны, должности юрисконсультовъ и ихъ помощниковъ, коимъ и поручить защиту правъ казны передъ судомъ, а равно и наблюденіе за всѣми дѣлами, которыя возникаютъ вслѣдствіе притязаній къ

казнѣ или, наоборотъ, вслѣдствіе притязаній казны къ частнымъ лицамъ или общественнымъ установленіямъ. Юрисконсульты вообще должны были играть роль юридическихъ консультантовъ при министрахъ или начальникахъ вѣдомствъ. Одинъ изъ представителей вѣдомствъ въ комитетѣ (Половцовъ, представитель Министерства Государственныхъ Имуществъ) приводилъ, между прочимъ, въ защиту мысли объ учрежденіи такихъ юрисконсультовъ соображеніе, что послѣ проведенія судебной реформы разовьется и въ Россіи то, что французы называютъ „юриспруденціей“, и что административнымъ вѣдомствамъ необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи лицъ специально знакомыхъ съ движеніемъ права.

Онъ, въ своемъ особомъ мнѣніи, указывалъ на то, что одно изъ самыхъ важныхъ послѣдствій преобразованія судебной части будетъ заключаться въ крайнемъ увеличеніи значенія и силы судебныхъ рѣшеній, судебной практики. Многія узаконенія, порождаяшія не мало различныхъ недоумѣній и однажды въ истинномъ ихъ смыслѣ истолкованныя, будутъ понимаемы и примѣняемы всѣми судебными мѣстами единообразно. Такимъ образомъ, рядомъ съ положительнымъ общимъ закономъ, возникнетъ и образуется та судебная доктрина, которая играетъ столь важную роль въ судебной организаціи иностранныхъ государствъ и отсутствіе которой было въ Россіи столь ощутительно.

На основаніи ея судебныя мѣста будутъ руководствоваться при рѣшеніи извѣстныхъ дѣлъ не одними существующими по симъ дѣламъ узаконеніями, но и рѣшеніями кассаціоннаго суда по подобнымъ дѣламъ, въ которыхъ законы эти были истолкованы и разъяснены. Но этого еще недостаточно. Нѣтъ сомнѣнія, что, если не на первыхъ порахъ, то съ теченіемъ времени, суды будутъ принимать во вниманіе и свои собственныя, никѣмъ необжалованныя или не утвержденныя высшею инстанціею, рѣшенія.

Послѣ разсмотрѣнія проекта, составленнаго въ Комитетѣ, дѣло перешло на разсмотрѣніе комиссіи Буткова. Такъ какъ соглашенія между представителями различныхъ вѣдомствъ не было достигнуто и такъ какъ въ отзывахъ министровъ на присланный имъ проектъ оказались также разногласія и новыя соображенія, то министры рѣшили обсудить проекты комитета и соображенія комиссіи Буткова въ непосредственномъ совѣщаніи

министровъ. Это обсужденіе происходило въ 1866 году (въ мартѣ). Особенно энергично за предоставленіе казнѣ болѣе широкой возможности защиты своихъ правъ и интересовъ стоялъ министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ. Онъ объяснялъ, что къ сожалѣнію, интересы казны, интересы администраціи, во всей совокупности не были достаточно приняты во вниманіе при начертаніи новаго порядка судопроизводства по дѣламъ казны, которая поставлена въ этомъ отношеніи наравнѣ съ частными лицами. Вслѣдствіе этого прокурорскому надзору не дано той силы, власти и значенія въ судебныхъ рѣшеніяхъ по дѣламъ, сопряженнымъ съ интересами, ввѣренными попеченію администраціи, которыя необходимы для огражденія правъ казны и вообще административныхъ вѣдомствъ и содѣйствіе, съ готовностью оказываемое министромъ юстиціи требованіямъ административныхъ вѣдомствъ, парализуется безсиліемъ подчиненныхъ ему органовъ.

Сколько извѣстно, продолжалъ П. А. Валуевъ, ни одно изъ важнѣйшихъ европейскихъ законодательствъ не ставитъ администрацію въ такое беззащитное положеніе и ни одно изъ важнѣйшихъ европейскихъ законодательствъ не подвергаетъ общіе интересы администраціи такому риску громаднхъ ущербовъ, на который обрекаетъ его система судебной защиты, введенная Судебными Уставами 1864 года. Всѣ эти обстоятельства сами собою вызываютъ, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, необходимость какъ новыхъ административныхъ учрежденій или органовъ судебно-административной защиты, такъ и нѣкоторыхъ повидимому репрессивныхъ, но тѣмъ не менѣе рациональныхъ мѣръ, обезпечивающихъ общіе государственные интересы. Конечно такія учрежденія и мѣры потребуютъ новыхъ значительныхъ для казны расходовъ, которыхъ, по всей вѣроятности, можно было бы избѣжать, если бы нынѣшняя система Судебныхъ Уставовъ не представляла важныхъ пробѣловъ относительно гарантіи интересовъ казны и администраціи на судѣ. По симъ соображеніямъ, министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ безусловно необходимымъ принять для защиты казенныхъ интересовъ особыя мѣры ¹⁾.

¹⁾ Всѣ цитаты взяты изъ объемистаго дѣла Мин. Юст., озаглавленнаго: „О примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ административнымъ вѣдомствамъ“. Сен. Арх. 1866 г. № 7614.

Легко замѣтить, что П. А. Валуевъ въ своихъ разсужденіяхъ вышелъ изъ рамокъ тѣхъ вопросовъ, которые были поставлены какъ комитету, такъ и комиссіи Буткова. Въ разсужденіи министра ясно слышится нотка раздраженія по поводу той независимости отъ администраціи, которая была дарована судебнымъ установленіямъ. Очевидно, Валуевъ опасался, что уравненіе казны въ ея правахъ по защитѣ имущественныхъ интересовъ съ частными лицами, отразится и на такихъ дѣлахъ, которыя не могутъ быть названы дѣлами казеннаго управленія въ строгомъ смыслѣ. Эти опасенія были конечно лишни, ибо суду не была дана возможность вмѣшиваться въ дѣятельность администраціи, какъ органа власти. Но слова Валуева характерны. Они доказываютъ, что въ моментъ, когда Судебные Уставы только еще вводились въ дѣйствіе, глава вѣдомства, которому приходилось имѣть всѣхъ чаще дѣло съ судами (вся полиція кромѣ всемогущаго въ то время III Отдѣленія была въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ), уже подозрѣвалъ въ новомъ судѣ какую то стѣсняющую администрацію силу.

Въ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ сенатора Зубова былъ подвергнутъ обсужденію и вопросъ, касавшійся отношенія суда и администраціи къ преслѣдованію должностныхъ лицъ за преступленія по должности.

Въ Основныхъ Положеніяхъ о преобразованіи судебной части (ч. II, ст. 132) было сказано, что преданіе суду должностного лица за преступленіе и проступки по должности допускается не прежде, какъ вслѣдствіе постановленія о томъ подлежащаго начальства.

Это правило, которое признавалось необходимымъ въ видахъ поддержанія самостоятельности административной власти, нашло себѣ выраженіе и въ ст.ст. 1087, 1091 и 1095 Уст. Уг. Суд. (первое изданіе). Одна часть членовъ комитета, въ томъ числѣ и извѣстный криминалистъ Чебышевъ-Дмитріевъ, находила, что означенный порядокъ не даетъ обвиняемому достаточныхъ гарантій безпристрастнаго рѣшенія, въ особенности если предварительное слѣдствіе будетъ поручено не судебному слѣдователю а лицу, принадлежащему къ числу подчиненныхъ того начальства, которое возбудило дѣло. Эти члены предлагали предоста-вить веденіе предварительнаго слѣдствія непременно судебному слѣдователю, или, если слѣдствіе будетъ поручено не судебному

должностному лицу, предоставить чиновнику, коему грозить предстать передъ судомъ, право жалобы суду, въ случаѣ если онъ усмотритъ въ дѣйствіяхъ слѣдователя какія-либо неправильности или пристрастіе.

Но противъ этой попытки поставить администрацію подъ надзоръ суда возстало большинство членовъ, къ коему принадлежалъ и профессоръ Лохвицкій. Большинство настаивало на томъ, что должно сохранить порядокъ, установленный Судебными Уставами, а именно, что по всякому дѣлу о преступленіи по должности инициатива не только должна принадлежать административному начальству, но, что оно должно имѣть безусловное право требовать всякихъ объясненій отъ заподозрѣннаго, назначать о дѣйствіяхъ его предварительное слѣдствіе, разсматривать оное и засимъ рѣшать вопросъ исключительно въ административномъ порядкѣ или предавать чиновника суду. Жалобы на предварительное слѣдствіе должны быть подаваемы только начальству. Предполагать противное, разсуждали члены комитета, принадлежавшіе къ большинству, т. е. допустить участіе въ такихъ дѣлахъ судебной власти, до рѣшенія начальства о степени виновности обвиняемаго, значило бы отступить отъ смысла Судебныхъ Уставовъ и Основныхъ Положеній, на коихъ они построены, и ставить рѣшеніе начальства въ зависимость отъ опредѣленія суда о правильности произведеннаго по приказанію начальства слѣдствія.

Если меньшинство полагало, что предложенная имъ мѣра доставитъ подчиненному должную гарантію въ безпристрастномъ разрѣшеніи его жалобы, то это мнѣніе неправильно. Эти соображенія ведутъ скорѣе къ обратному заключенію. Трудно понять, разсуждало большинство, отчего начальство, опредѣлившее чиновника и за симъ вполнѣ знающее его служебную дѣятельность и благонадежность, можетъ быть къ нему пристрастнѣе и строже, нежели судъ. Опытъ службы въ административныхъ установленіяхъ доказываетъ, что тамъ, гдѣ начальство видитъ хотя бы медленность подчиненнаго, неизбѣжную по сложности занятій и потому заслуживающую оправданія, судъ съ неумолимою холодною примѣняетъ законъ, смотря на все съ точки зрѣнія административнаго будто бы произвола, въ который легко можетъ впасть и самая судебная власть. Если, какъ думаютъ члены, принадлежавшіе къ мень-

шинству, противъ обвиняемаго могутъ быть приняты слишкомъ строгія мѣры относительно его личности, то отмѣна такихъ мѣръ, уже по свойству административнаго производства, скорѣе можетъ послѣдовать отъ высшаго начальства, чѣмъ отъ суда.

Такимъ образомъ, попытка поколебать т. н. административную гарантію при возбужденіи преслѣдованія противъ должностнаго лица потерпѣла крушеніе.

Уже тогда, когда новыя судебныя установленія, не вступивъ еще въ дѣйствіе, возбуждали розовыя надежды, въ „эпоху романтическую новаго судебного строя“, по выраженію Джаншіева, администрація, если къ тому оказывался удобный случай, старалась доказать, что дѣятельность административная отнюдь не область чистаго произвола и усмотрѣнія въ противоположность области судебной дѣятельности, въ коей якобы для произвола нѣтъ мѣста. Въ газетѣ „Сѣверная Почта“, органѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, нѣсколько разъ подчеркивалось, что и сужденія судей не лишены произвола, что и они подвергаются человѣческимъ слабостямъ, и что незачѣмъ постоянно, въ видахъ прославленія суда, рисовать администрацію въ самыхъ черныхъ краскахъ. Этотъ аргументъ, а равно другой, близкій къ нему, что администрація принимаетъ во вниманіе и требованіе справедливости не-формальной, между тѣмъ, какъ судъ склоненъ все обсуждать только съ точки зрѣнія холоднаго разсудка, приводилось уже въ 60-хъ годахъ неоднократно, коль скоро органы администраціи полагали, что хотятъ сузить ихъ компетенцію и, пожалуй, подчинить управленіе суду и его контролю, вопреки принципу раздѣленія властей, который защитники независимости администраціи охотно желали бы видѣть проведеннымъ въ строгой послѣдовательности, въ крайнемъ случаѣ съ нѣкоторой уступкой въ пользу администраціи, но отнюдь не въ пользу суда.

Государственный Совѣтъ, мнѣніемъ, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія 2 января 1868 г., утвердилъ проектъ объ устройствѣ при нѣкоторыхъ министерствахъ юрисконсультской части и препроводилъ проекты положенія о порядкѣ судебной защиты дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами казны, на предварительное заключеніе Министерства Юстиціи, съ тѣмъ, чтобы, по сношенію со II Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, симъ Министерствомъ представлены были соображенія по этому

предмету, а также заключение о томъ, какія именно статьи существующихъ узаконеній должны быть замѣнены и дополнены правилами новаго положенія.

Въ 1870 г. Министерство Юстиціи внесло въ Государственный Совѣтъ записку по возбужденному вопросу, которая въ свою очередь была разслана на заключение всѣхъ министровъ.

Въ слѣдующіе затѣмъ годы (1871 и 1872 г.) Высочайше повелѣно было Военному Министерству внести въ Государственный Совѣтъ проектъ положенія о защитѣ на судѣ дѣлъ казны, по полученіи отъ всѣхъ вѣдомствъ соображеній и по обсужденіи дѣлъ въ засѣданіи всѣхъ министровъ.

Такимъ образомъ, возбужденный вскорѣ по изданіи Судебныхъ Уставовъ вопросъ породилъ лишь многолѣтнюю переписку и въ концѣ 80-хъ годовъ дѣло поступило вновь на разсмотрѣніе особой комиссіи, въ которой разсматривался и проектъ сенатора Н. А. Тура объ учрежденіи въ Россіи финансовой прокуратуры.

VII. Судебная реформа и отношеніе ея къ реформѣ земской.

Въ 1914 году Россія празднуетъ не только пятидесятилѣтіе изданія Судебныхъ Уставовъ, но и пятидесятилѣтіе введенія земскихъ учреждений. Съ земской же реформой стоитъ въ неразрывной связи реформа городского общественнаго самоуправленія, послѣдовавшая шесть лѣтъ спустя. Какъ новый судъ, такъ и новая организациа общественнаго самоуправления должны были разбудить дремавшія общественныя силы Россіи.

Земская реформа 1864 г. была такимъ же смѣлымъ шагомъ, какъ реформа судебная. Обѣ онѣ проникнуты духомъ довѣрія къ обществу.

Главнoуправляющій II Отдѣленіемъ Собственной Его И. Вел. Канцеляріи баронъ М. А. Корфъ правильно замѣтилъ въ отзывѣ по поводу проекта положенія о земскихъ учрежденіяхъ: „Рѣзко отличаясь отъ тѣхъ робкихъ преобразовательныхъ попытокъ и полумѣръ, которыми такъ богата исторія всѣхъ законодательствъ, настоящій проектъ имѣетъ въ виду сразу утвердить наше мѣстное самоуправленіе на широкихъ началахъ и окончательно

расторгнуть связь со старыми, отжившими свой вѣкъ, преданіями и привычками нашей бюрократической администраціи“.

И объ реформы, которыя такъ смѣло повели Россію впередъ по пути развитія, потерпѣли ту же участь: противники усмотрѣли въ нихъ попытку ограниченія Верховной власти, не желая признать, что самое дѣйствительное и важное оружіе власти при управленіи громаднымъ государствомъ — законъ — находить лучшаго охранителя въ лицѣ независимаго суда, а самостоятельный трудъ выборныхъ отъ общества въ мѣстномъ управленіи ни въ какомъ случаѣ не служить къ умаленію престижа Верховной власти, скорѣе страдающаго въ томъ случаѣ, если коронные органы управленія оказываются несостоятельными въ дѣлѣ заботливаго отношенія къ разнообразнымъ нуждамъ мѣстности.

Едва ли возможно не замѣчать связи между судебной реформой и реформой, выразившейся въ законѣ 1 января 1864 года, несмотря на то, что начала, на коихъ покоится первое изъ указанныхъ преобразованій, не сходны съ тѣми, на коихъ построено второе.

Судъ во всѣхъ инстанціяхъ творится по Указу Его Величества. Въ каждомъ приговорѣ и опредѣленіи суда къ гражданину и всему обществу говоритъ государственная власть, осуществляя одну изъ первѣйшихъ своихъ обязанностей: охрану государственнаго правопорядка.

Земская реформа, напротивъ, построена на т. н. общественной теоріи самоуправленія, хотя въ первоначальномъ проектѣ положенія о земскихъ учрежденіяхъ указывалось на необходимость смотрѣть на земское самоуправленіе, какъ на особый органъ одной и той же государственной власти, получающій отъ нея свои права и полномочія.

„Земскія учрежденія, сказано было въ 1859 году при начертаніи перваго проекта положенія ¹⁾, имѣя свое мѣсто въ государственномъ организмѣ, не могутъ существовать внѣ его, а наравнѣ съ прочими учрежденіями подчиняются тѣмъ же условіямъ и тому общественному управленію, которыя устанавливаются центральной государственной властью“.

¹⁾ Объяснительная записка къ проекту положенія о земскихъ учрежденіяхъ и временнымъ правиламъ для сихъ учреждений, стр. 26.

Эта точка зрѣнія была затѣмъ оставлена и, какъ извѣстно, одержала верхъ т. н. общественная теорія, которая сущность самоуправленія видитъ въ предоставленіи мѣстному обществу права вѣдать свои общественные интересы и тѣмъ самымъ противопоставляетъ мѣстность государству, общественные интересы государственнымъ.

Однако эта точка зрѣнія не была выдержана послѣдовательно.

Извѣстно, что на общественное самоуправленіе была возложена обязанность доставлять матеріальныя средства на содержаніе различныхъ органовъ государственнаго управленія. Судебная же реформа привлекла общественное самоуправленіе къ участію въ доставленіи личныхъ силъ для пополненія судейскаго персонала въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстная доля судебной власти ввѣрялась органамъ суда, вышедшимъ изъ среды общества, а не назначеннымъ правительствомъ. Выборы мировыхъ судей должны были производиться въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, въ ихъ очередныхъ засѣданіяхъ (а въ опредѣленныхъ въ законѣ случаяхъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ). Въ столичныхъ же городахъ и въ городѣ Одессѣ обязанность земскихъ собраній по выбору мировыхъ судей была возложена на городскія думы. Списокъ избранныхъ мировыхъ судей долженъ былъ представляться на утвержденіе I департамента Пр. Сената и если кто либо избранъ въ мировые судьи въ противность закону, то губернаторъ долженъ былъ о томъ представлять Сенату. Слѣдовательно, на личный составъ мирового суда долженъ былъ, по необходимости, вліять личный составъ земскихъ собраній и городскихъ думъ и въ зависимости отъ того, какъ было организовано представительство въ учрежденіяхъ общественнаго самоуправленія, долженъ былъ опредѣлиться и контингентъ лицъ, попадавшихъ на мѣста мировыхъ судей, ибо образовательный, имущественный и нравственный цензы, установленные для мировыхъ судей въ Судебныхъ Уставахъ, опредѣлили лишь формальныя рамки, въ предѣлахъ коихъ выборъ судей былъ свободенъ.

Органы общественнаго самоуправленія были призваны также къ участію и при организаціи суда присяжныхъ, ибо общій списокъ лицъ, владѣющихъ въ уѣздѣ землею или другимъ указаннымъ въ законѣ имуществомъ, составлялся по каждому уѣзду отдѣльно, особыми комиссіями, состоящими изъ лицъ, назна-

чаемыхъ для сей цѣли ежегодно земскимъ уѣзднымъ собраніемъ, а въ столицахъ городскими думами.

Городовое положеніе 1870 г. создало мѣстный органъ административной юстиціи—губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе для разсмотрѣнія жалобъ на дѣйствія городского общественнаго самоуправленія, для разбора пререканій между этимъ управленіемъ и другими органами мѣстной администраціи и для рѣшенія вопросовъ о преданіи суду должностныхъ лицъ городского общественнаго управленія, причемъ въ составъ присутствія былъ введенъ прокуроръ окружнаго суда и предсѣдатель мирового съѣзда, т. е. лица, которыя, если они принадлежали къ числу стойкихъ представителей началъ законности, могли сыграть въ присутствіи вліятельную роль по своему независимому, въ сравненіи съ другими членами, служебному положенію. Во время слушанія въ Государственномъ Совѣтѣ проекта городского положенія, когда обсуждались статьи о томъ, кому предоставить право разсмотрѣнія, а въ соотвѣтствующихъ случаяхъ и рѣшенія спорныхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ вѣдомства—губернатору, губернскому правленію или непосредственно I департаменту Сената, высказывалось опредѣленно мнѣніе, что послѣ судебной реформы 1864 года органы административной юстиціи (насколько конечно этотъ терминъ примѣнимъ къ учрежденіямъ, подобнымъ присутствію по городскимъ дѣламъ) должны быть поставлены если не въ непосредственную связь съ судебными установленіями, то, по крайнемъ мѣрѣ, должны получить въ извѣстной мѣрѣ характеръ независимаго, какъ бы судебного органа, организація котораго гармонировала бы въ нѣкоторой степени съ организаціей общихъ судебныхъ установленій.

Идеи, коими руководились составители Судебныхъ Уставовъ, повліяли несомнѣнно какъ на учрежденіе, обсуждавшее предварительно проектъ городского положенія 1870 г. (II Отдѣленіе Собств. Его Вел. Канцеляріи), такъ и на Государственный Совѣтъ, когда онъ разсматривалъ проектъ этого положенія.

Государственный Совѣтъ указывалъ на недостатокъ въ Россіи мѣстнаго учрежденія, которое могло бы правильно, безпристрастно и безъ замедленія разрѣшать возникающіе по дѣламъ управленія споры, пререканія и всякаго рода вопросы

судебно-административнаго свойства и что этотъ пробѣлъ даетъ себя особенно сильно чувствовать съ введеніемъ самоуправленія, самостоятельныхъ всесловныхъ выборныхъ учреждений, какими должны быть земскія и предположенные уже къ учрежденію органы городского управленія, ибо, чѣмъ болѣе разрастается дѣятельность этихъ учреждений, тѣмъ болѣе должны размножаться и возбуждаемые ихъ дѣятельностью споры, жалобы и пререканія.

Государственный Совѣтъ указывалъ на то, что само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, которое возражало противъ учрежденія губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, признало необходимость учрежденія губернскаго совѣта, какъ общаго органа административной юстиціи въ мѣстности.

Государственный Совѣтъ не указалъ на то, что въ особенности въ виду того, что общественное самоуправленіе было построено на т. н. общественной теоріи самоуправленія, которая противопоставляетъ общество государству, а общественные интересы государственнымъ, необходимо было учредить достаточно независимый органъ административной юстиціи, дабы онъ могъ предупредить слишкомъ большое вліяніе на общественныя дѣла коронной администраціи, которая, если предоставитъ ей рѣшеніе спорныхъ вопросовъ, должна была стать судьей въ собственныхъ дѣлахъ.

I департаментъ Сената въ своихъ рѣшеніяхъ по дѣламъ, до него доходившимъ, старался, хотя далеко не всегда послѣдовательно, примѣнять основныя начала Судебныхъ Уставовъ и при рѣшеніи спорныхъ дѣлъ, возникающихъ въ области общественнаго самоуправления ¹⁾).

¹⁾ См. Тиграновъ. „Къ вопросу административной юстиціи въ Россіи“. Журн. Гражд. и Угол. Права. 1891 г.

Ср. также бар. Корфъ. „Административная Юстиція въ Россіи“. Томъ II, глава 11, стр. 58—99.

VIII. Связь судебной реформы съ реформою военныхъ и духовныхъ судовъ.

До судебной реформы, какъ уже указано выше, существовало нѣсколько десятковъ различныхъ порядковъ судебного разбирательства. Реформа 1864 года покончила съ большинствомъ этихъ особыхъ судилищъ. Остались особые органы суда для крестьянъ, особые коммерческіе суды (мы оставляемъ въ сторонѣ суды для инородцевъ) и совершенно особо стояли суды военные и духовные.

Судебная реформа не коснулась крестьянскаго суда. Въ то время признавали невозможнымъ, или, по крайней мѣрѣ, вреднымъ, создавать для крестьянъ какой либо судъ, не вышедшій изъ ихъ среды и твердо вѣрили въ благодатную силу сословной обособленности крестьянства.

Коммерческіе суды существовали до реформы и послѣ реформы только въ немногихъ городахъ. Во всѣхъ же городахъ, въ коихъ не было коммерческаго суда, дѣла подвѣдомственныя симъ судамъ вошли въ кругъ вѣдомства окружныхъ судовъ. Судебное межевое разбирательство было признано неудовлетворительнымъ и по введеніи новыхъ судебныхъ установленій, немедленно былъ возбужденъ вопросъ о реформѣ его, въ видахъ распространенія на межевыя дѣла порядковъ, введенныхъ реформой 1864 года.

Въ 1866 году изданы временныя правила производства межевыхъ дѣлъ въ мѣстахъ, гдѣ введены въ дѣйствіе Судебные Уставы и согласно этимъ правиламъ всѣ дѣла подвѣдомственныя судебнo-межевому разбирательству были введены въ кругъ вѣдомства окружныхъ судовъ.

Вслѣдъ затѣмъ сталъ на очередь вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ новыя процессуальныя начала могутъ быть распространены на суды военные и духовные.

Что вѣдомства военно-сухопутное и морское откликнулись на реформу суда и безъ колебаній восприняли при реорганизациіи военнаго и морскаго судовъ начала, на которыхъ были построены Судебные Уставы, обусловлено несомнѣнно тѣмъ, что во главѣ ихъ въ эпоху реформъ стояли лица, сочувствовавшія и содѣй-

ствовавшія преобразовательному движенію. Извѣстно, какое близкое участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ принималъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, извѣстно также, что онъ стоялъ за отмѣну жестокихъ тѣлесныхъ наказаній. Подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ морское вѣдомство стало однимъ изъ тѣхъ органовъ управленія, которые съ полнымъ сознаніемъ недочетовъ дореформеннаго режима, не противились новымъ идеямъ, а старались примѣнить ихъ для того, чтобы влить новую жизнь въ обветшалое зданіе администраціи.

Уже въ періодъ 1855—1860 г.г. Великій Князь Константинъ Николаевичъ принялъ рядъ мѣръ къ устраненію нѣкоторыхъ недостатковъ военно-морского суда и въ 1857 г. поручилъ особому комитету при аудиторіатскомъ департаментѣ составить проектъ морского суднаго устава на началахъ самостоятельности судей, состязательности, устности и гласности. Проектъ устава былъ напечатанъ въ 1860 г., слѣдовательно за два года до утвержденія извѣстныхъ „Основныхъ положеній“ преобразованія судебной части въ Россіи.

Литературный органъ Морского Министерства: „Морской Сборникъ“ уже въ 50-хъ годахъ отводилъ мѣсто разбору вопросовъ о рациональной постановкѣ судебного дѣла и отнюдь не ограничивался вѣдомственными вопросами, а отзывался на все, что занимало мыслящее общество.

Военный же министръ Д. А. (впослѣдствіи графъ) Милютинъ, единственный изъ министровъ, который въ теченіе всего царствованія Царя-Освободителя удержался на своемъ посту, не уклоняясь отъ признанныхъ правильными и цѣлесообразными взглядовъ на факторы развитія Россіи въ направленіи правового государства, твердо отстаивалъ всякое преобразование, которое вело къ цѣли и понятно привѣтствовало судебную реформу.

Русское общество познакомилось въ первый разъ съ гласнымъ судопроизводствомъ въ примѣненіи этого начала не къ суду гражданскому, а военному, и притомъ военно-полевому, въ Новгородѣ и Москвѣ въ 1865 году.

Три года спустя послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ проведена военно-судебная реформа (въ 1867 году). Всѣ коренныя начала Судебныхъ Уставовъ: состязательный процессъ съ равноправіемъ сторонъ, гласность, устность, приспособленныя въ

извѣстной степени къ своеобразнымъ условіямъ военной среды, легли и въ основу этой реформы, двѣ инстанціи для рѣшенія дѣла по существу (полковые суды и военно-окружные суды) и кассационная инстанція въ лицѣ Главнаго военнаго суда съ состоящимъ при немъ главнымъ военнымъ прокуроромъ, — вездѣ замѣтно стремленіе дать военному классу тѣ же гарантіи непристрастія и законмѣрности, которыя были дарованы гражданамъ, не имѣвшимъ чести носить мундиръ русской арміи. Дабы обезпечить военно-судебнымъ органамъ персоналъ судей и прокуроровъ, обладающихъ должнымъ научнымъ образованіемъ, Д. А. Милютинъ создалъ Военно-Юридическую Академію, которая стала скоро однимъ изъ первоклассныхъ разсадниковъ юридическаго образованія въ Россіи.

Также въ 1867 году, взявъ наупраздненнаго Морского Генераль-Аудиторіата открытъ Главный военно-морской судъ и затѣмъ учреждены военно-морскіе суды въ нѣкоторыхъ портовыхъ городахъ. Излишнимъ, кажется, говорить, что въ вѣдомствѣ, во главѣ котораго стоялъ генераль-адмиралъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, для судебныхъ учреждений послужили образцомъ судебныя установленія, созданныя Судебными Уставами, насколько, конечно, особыя условія морского дѣла не требовали отступленій.

Что же касается судовъ духовныхъ, которые имѣли значеніе не для одного духовенства, ибо въ кругъ ихъ вѣдомства входили дѣла, которыя затрагивали общегражданскіе интересы, то попытки, если не распространить на нихъ коренныя начала судебной реформы, то, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной мѣрѣ сблизить ихъ организацію и процессуальные порядки съ тѣмъ, что было создано судебной реформой, не привели къ желаннымъ результатамъ. Вопросъ о преобразованіи духовнаго или церковнаго суда, былъ возбужденъ уже въ 1865 г. Духовный судъ имѣетъ, какъ извѣстно, своимъ органомъ въ высшей инстанціи Св. Синодъ, а въ первой — подчиненныя епархіальнымъ архіереямъ духовныя консисторіи. Устройство этихъ судебныхъ установленій было опредѣлено консисторскимъ уставомъ 1841 г., а кругъ вѣдомства по дѣламъ гражданскимъ опредѣлился еще въ царствованіе Петра Великаго, когда все то, что не касалось вопроса о незаконности брака или его расторженія, отошло къ судамъ свѣтскимъ.

При обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ проекта Судебныхъ Уставовъ было указано на необходимость принять мѣры къ тому, чтобы согласовать порядокъ разбирательства дѣлъ въ духовныхъ судахъ, хотя бы въ извѣстной мѣрѣ, съ процессуальнымъ порядкомъ въ преобразуемыхъ свѣтскихъ судахъ. Уставъ Гражданскаго Судопроизводства, равно какъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, содержали въ себѣ ссылки на особый духовный судъ и его кругъ вѣдомства (Уст. Гражд. Суд. Раздѣль III Глава I. Уст. Уг. Суд. Книга Третья, Раздѣль I, ст. ст. 1001—1016).

Святѣйшій Синодъ, по обнародованіи Высочайше утвержденныхъ 20 ноября 1864 г. Судебныхъ Уставовъ, принялъ въ соображеніе, что въ сихъ законоположеніяхъ находятся постановленія, прямо или косвенно относящіяся къ Вѣдомству Православнаго Исповѣданія и что, вслѣдствіе нѣкоторыхъ изъ этихъ постановленій, со времени приведенія въ дѣйствіе новыхъ Судебныхъ Уставовъ, должны измѣниться, отчасти, не только существовавшія отношенія между судебными и правительственными установленіями, свѣтскими и духовными, но и данный порядокъ и образъ дѣйствій въ сихъ послѣднихъ по нѣкотораго рода дѣламъ. Въ виду этого Святѣйшій Синодъ призналъ необходимымъ, во избѣжаніе могущихъ возникнуть въ духовныхъ установленіяхъ недоразумѣній на практикѣ, составить особыя правила, которыя содержали бы въ себѣ разъясненія, какъ вошедшихъ въ новыя законоположенія постановленій, въ чемъ либо касающихся Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, такъ и образа дѣйствій со стороны духовныхъ установленій въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ предоставляются сими законоположеніями по нѣкоторымъ предметамъ управленія и суда какія либо права или возлагаются на нихъ по этимъ предметамъ какія либо обязанности.

Синодальный оберъ-прокуроръ, генераль-адъютантъ Ахматовъ, поручилъ юрисконсульту Синода Полнеру составить особую записку, въ которой должны были быть изложены соображенія, на основаніи коихъ надлежало бы составить таковыя правила и, кромѣ того, соображенія о томъ, какія измѣненія должны быть внесены въ узаконенія по вѣдомству Православнаго Исповѣданія, опредѣляющія подсудность дѣлъ, порядокъ ихъ производства и предѣлы власти духовныхъ установленій, которыя вызываются изданіемъ Судебныхъ Уставовъ.

Полнеръ составилъ обстоятельную записку по этому предмету. Онъ указывалъ въ ней на то, что Судебные Уставы 20 ноября 1864 года предоставляютъ свѣтскимъ судебнымъ установленіямъ новыя или улучшенныя средства къ достиженію истины на судѣ, слѣдовательно и къ поддержанію правосудія и уваженію къ закону. Такимъ образомъ, Верховная власть сознала невозможность дальнѣйшаго удержанія стараго порядка производства дѣлъ въ судахъ. Въ главныхъ же основаніяхъ этотъ же порядокъ, который признанъ неудовлетворительнымъ въ свѣтскихъ судахъ, существуетъ и въ духовныхъ судебныхъ установленіяхъ.

Слѣдовательно, не можетъ подлежать сомнѣнію, что многія узаконенія, опредѣляющія формы, обряды и приемы, употребляемые при судовореніяхъ въ духовныхъ установленіяхъ, требуютъ пересмотра, дабы и сіи суды получили болѣе дѣйствительныя средства для выясненія истины.

Но юрисконсультъ Синода указалъ и на то, что если признается необходимымъ ввести въ духовныхъ судахъ новые порядки, то таковыя не должны быть въ противорѣчій съ коренными основаніями установленнаго въ церкви порядка и священными преданіями. Новыя мѣры должны быть согласованы и по духу и по сущности съ древними вселенскими постановленіями церкви. Поэтому ко всѣмъ вновь вводимымъ мѣрамъ нужно относиться осторожно.

По мнѣнію Полнера необходимо было приступить къ принятію троякаго рода мѣръ. Во-первыхъ, необходимо разяснить вошедшія въ Судебные Уставы постановленія, имѣвшія отношеніе къ вѣдомству Православнаго Исповѣданія. Во-вторыхъ, необходимо составить проектъ правилъ для руководства духовнымъ установленіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на нихъ возлагаются новыми постановленіями какія-либо обязанности или предоставляются права по нѣкоторымъ предметамъ управленія и суда. Въ третьихъ, необходимо составить проектъ новыхъ постановленій по нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ судопроизводства въ духовныхъ установленіяхъ, подлежащихъ введенію въ дѣйствіе немедленно, не ожидая общаго преобразоанія судебной части въ духовномъ вѣдомствѣ.

Записка Полнера по распоряженію преемника оберъ-прокурора Ахматова, графа Д. А. Толстого была въ 1867 году представлена на благоусмотрѣніе Синода, который постановилъ

предоставить оберъ-прокурору испросить Высочайшее соизволеніе на учрежденіе временнаго комитета изъ представителей вѣдомствъ (Синода, Министерства Юстиціи, Внутреннихъ Дѣлъ и II Отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи) для обсужденія возбужденныхъ вопросовъ. Таковой комитетъ былъ учрежденъ въ 1867 г. Работы его продолжались нѣсколько лѣтъ, но не были увѣнчаны успѣхомъ, хотя онъ успѣлъ выработать основныя начала реформы, по которой брачныя дѣла должны были быть изъяты изъ вѣдомства духовныхъ судовъ и предоставлены судамъ свѣтскимъ ¹⁾).

¹⁾ Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1867 г. № 3464.

Вліяніе судебной реформы 1864 г. на государственный и общественный бытъ Россіи.

I. Вліяніе реформы на усиленіе начала закономѣрности. II. Вліяніе основныхъ началъ реформы на общественную нравственность. III. Судебная реформа и начало равноправія. IV. Сравнительное вліяніе на общественный бытъ новаго процесса гражданскаго и процесса уголовнаго. V. Вліяніе реформы на развитіе матеріальнаго права. VI. Вліяніе реформы на развитіе юридической науки. VII. Вліяніе судейскаго персонала на общественную жизнь. VIII. Судебная реформа и русская литература.

Въ балладѣ гр. Алексѣя Толстого: „Потокъ-Богатырь“ русскій народъ въ образѣ богатыря, пережившаго идеализированную эпоху народной вольности во времена Князя Владиміра Краснаго-Солнышка, а затѣмъ вѣка огрубенія нравовъ, результата господства на Руси татаръ,—просыпается на берегахъ Невы и становится свидѣтелемъ господства совершенно для него непонятныхъ взглядовъ на судъ, нравственность, религію и т. д. Онъ вновь засыпаетъ въ надеждѣ проснуться въ болѣе здоровое время и въ лучшей обстановкѣ.

Талантливый поэтъ въ этой балладѣ выразилъ свое эстетическое отвращеніе къ нахлынувшимъ въ Россію новымъ моднымъ идеямъ, схваченнымъ налету и безъ всякой провѣрки обществомъ, плохо и поверхностно образованнымъ, охотно принявшимъ самый пошлый и вульгарный матеріализмъ и политическій радикализмъ, вскружившій головы многихъ современниковъ великихъ реформъ Императора Александра II во вредъ укорененію новыхъ началъ, которыя требовали трезваго отношенія къ окружающимъ явленіямъ. Поэтъ зналъ, что этому столь антипатичному ему настроенію поддалось то поколѣніе, которому въ ближайшемъ будущемъ пришлось поддержать знамя идеализма и вѣры въ нравственныя начала жизни, воодушевив-

шля Преобразователя. Поэту прощается односторонность. Онъ выставилъ наружу только отрицательныя стороны новаго, наступившаго для Россіи, времени. Но кто-же, даже изъ строгихъ критиковъ великихъ реформъ, станеть отрицать, что ими было внесено не только много новаго, по крайней мѣрѣ для русскихъ середины XIX столѣтія, но много добраго, переставшаго вскорѣ особенно цѣниться только потому, что оно оказалось настолько простымъ и общепонятнымъ, что бывшее его отсутствіе скоро было забыто, а внесеніе его признавалось дѣломъ настолько естественнымъ, что не стоило даже благодарности. Если оставить въ сторонѣ увлеченія, столь понятныя въ народѣ, которому пришлось быстро перестраивать свой бытъ и внезапно отвыкать отъ нравовъ и обычаевъ, укрѣпившихся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, то никто не рѣшится оспаривать, что повѣяло въ громадномъ государствѣ болѣе свѣжимъ воздухомъ, что новый складъ жизни, отчасти возстановившій давно забытыя отношенія власти къ народу и отдѣльныхъ классовъ другъ къ другу, долженъ былъ двинуть Россію на путь развитія столь же быстро, какъ двинули ее въ началѣ XVIII столѣтія реформы Петра Великаго. Старообрядцы были правы, когда они во всеподданнѣйшемъ адресѣ, поднесенномъ Императору Александру II, сказали, что въ новизнахъ Царя-Освободителя „слышится родная старина“.

I. Вліяніе реформы на усиленіе начала законо- мѣрности.

Ни одна изъ реформъ Великаго Царствованія не стояла такъ близко къ заглохшимъ было началамъ національнаго быта, какъ преобразование суда на принципахъ гласности, устности, непосредственности процесса. Ни одна изъ реформъ не проявила своего дѣйствія столь рѣшительно на укладѣ общественной жизни ¹⁾.

¹⁾ А. Leroy-Beaulieu, въ извѣстномъ трудѣ „L'Empire des Tsars et les Russes (4 изд. 1898 г., т. II, стр. 283) говорить: „De toutes les réformes de l'Empereur Alexandre II, la réforme judiciaire est, en ce sens, la plus considérable, celle qui devait avoir le plus d'influence sur les moeurs et la vie sociale, sur le pays et sur le pouvoir. A peine le cède-t-elle en importance à l'affranchissement des serfs, car elle interesse également toutes les

Крестьянская реформа повлекла за собой глубокое потрясение социально-экономического строя Россіи. Послѣдствія ея должны были сказаться во всей полнотѣ послѣ того, какъ помѣщики свыкнутся, кто неудачно, кто удачно, съ новыми порядками хозяйства при помощи свободнаго труда, съ договорными отношеніями къ свободнымъ земледѣльцамъ, замѣнившими старыя патриархальныя связи. Не только первые годы, но даже десятилѣтія должны были стать временемъ экономическаго кризиса для крупнаго и средняго землевладѣнія.

Крестьяне должны были научиться пользованію свободою и освоиться съ своимъ самоуправленіемъ, освобожденнымъ отъ отеческаго произвола и опеки помѣщика. Пока эти новыя силы войдутъ въ колею нормальной жизни, должно было пройти не мало времени.

Освобожденіе крестьянъ осуществилось, правда, безъ тѣхъ конфликтовъ и беспорядковъ, коихъ боялись многіе, но не прошло и нѣскольکو лѣтъ, какъ темные элементы приступили къ использованию легковѣрія крестьянъ. Кулаки и мірофды съ одной стороны, различные непрощенные реформаторы-мечтатели съ другой, избрали крестьянское сословіе сферой своихъ дѣловыхъ операцій или своей пропаганды. Миновало менѣе десятилѣтія, а уже послышались голоса, которые указывали на то, что и крестьянское самоуправленіе дѣйствуетъ не всегда благотворно, а что экономическое положеніе народа во многихъ мѣстахъ не улучшилось, а ухудшилось.

Судебная же реформа сразу привилась. Немного времени прошло и старый судъ сталъ смутнымъ преданіемъ, несмотря на то, что Судебные Уставы были введены не столь быстро, какъ того желали главные дѣятели реформы, ибо и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще временно сохранялись старыя судебныя установленія, были введены новыя процессуальныя правила и появился скоро и новый судебскій персоналъ.

classes de la nation, qu'elle devait affranchir du joug de l'arbitraire, de la violence et la corruption. Sans elle, toutes les autres réformes, à commencer par l'emancipation eussent pu devenir illusoires, demeurer pour le peuple un inutile et vain decor. Dans un empire livré depuis des siècles à la vénalité, à l'intrigue, à la prépotence du rang ou de l'argent, la réforme de la justice pouvait seule faire des autres une vérité. Aussi, les nouveaux tribunaux méritent ils, non moins que les zemstvos, d'être regardés comme l'un des fondements d'une Russie nouvelle".

Когда порвалась тяжелая цѣпь крѣпостного права, связывавшая и помѣщика и крестьянина, „порвалась и раскачалась“, то она, по словам Некрасова, ударила однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику, и обѣ стороны почувствовали этотъ ударъ. Но когда разорвалась цѣпь, сковывавшая дореформеннаго судью тисками формальнаго производства, мертвящей канцелярщиной и приковывавшая его къ справкамъ и усмотрѣнію секретаря, то ея обломки только забряцали на полу судейской комнаты, и этотъ звукъ, напоминавшій тяжкое прошлое, лишь призывалъ къ честной дѣятельности. Судейскій персоналъ: не только новые, молодые судьи и прокуроры, а равно и защитники, но и судьи, посѣдѣвшіе въ старыхъ установленіяхъ, стали бодро на службу новому дѣлу, читая въ словахъ Указа 20 ноября 1864 года мощный призывъ порвать съ прошлымъ, быть слугами не буквы мертвой, а живого духа. „Vivos voco“. „Дню минувшему забвеніе, дню грядущему привѣтъ“.

При открытіи С.-Петербургскаго судебного округа 17 апрѣля 1866 г. министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ произнесъ рѣчь, въ которой онъ, указавъ на дарованіе судебнымъ установленіямъ самостоятельности, сказалъ, что Государь, а за нимъ вся Россія ждуть отъ дѣятелей судебного міра не только водворенія суда скорого, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ, но и утвержденія въ Россіи того уваженія къ закону, безъ котораго немислимо общественное благосостояніе.

Въ циркулярѣ же министра юстиціи отъ 19 іюня 1866 г. вновь обращено было вниманіе судебныхъ установленій на то, что непосредственное и исключительное назначеніе судебной власти состоитъ въ охраненіи святости и ненарушимости существующихъ законовъ, въ огражденіи личныхъ и имущественныхъ правъ, какъ cadaго подданнаго въ отдѣльности, такъ и въ составѣ обществъ, сословіи и установленій.

Уваженіе къ закону! Не впервые не только главы вѣдомствъ, но и сама Верховная власть обращалась къ должностнымъ лицамъ и населенію съ увѣщаніемъ не пренебрегать этимъ кореннымъ условіемъ благоустройства.

Однако призывъ къ закономѣрности далеко не всегда находилъ должный откликъ. Какъ власть имущеіе, такъ и подданные, какъ образованные, такъ и малообразованные смотрѣли на законъ слишкомъ часто, какъ на надоѣдливое препятствіе, ко-

торое мѣшало или проявленію начальственной предприимчивости, или использованію своихъ личныхъ силъ и имущественныхъ средствъ для вольной и счастливой жизни.

Провозглашеніе великихъ нравственныхъ началъ правды и милости не могло привести къ внѣдренію въ народѣ уваженія къ закону, ибо нерѣдки случаи, когда требованіе закона кажется противорѣчащимъ субъективному пониманію правды и милости. Закону симпатичному, выгодному, пріятному данному лицу - всякій охотно повиновался, и не было и нѣтъ человѣка, который бы не подчинился съ полной готовностью закону, который приносилъ бы ему выгоду, или даровалъ какое либо полезное для частной жизни право, или возлагалъ на ближняго какую либо обязанность. Суду же предстояло научить русское общество уваженію къ закону и въ томъ случаѣ, когда онъ казался неблагопріятнымъ, когда его постановленія были тягостны или даже признавались неразумными. Судъ долженъ былъ каждымъ своимъ дѣйствіемъ побуждать населеніе въ массѣ и каждого обывателя въ отдѣльности подчинить свои субъективныя воззрѣнія на то, что право и что не право, объективной мѣркѣ закона.

И новый судъ несомнѣнно содѣйствовалъ въ извѣстной мѣрѣ укрѣпленію начала законмѣрности въ Россіи, но нельзя сказать, чтобы его вліяніе въ этомъ отношеніи было на столько глубоко и широко, какъ того можно было желать, и какъ того желали дѣятели реформы.

Успѣхъ въ этой области общественнаго развитія былъ довольно скромнымъ. Донынѣ еще, по истеченіи 50 лѣтъ со дня изданія Судебныхъ Уставовъ, нельзя сказать, что законъ занимаетъ въ общественной жизни то положеніе, которое ему принадлежитъ по праву въ культурномъ государствѣ. Высочайшій Указъ 12 декабря 1904 г. засвидѣтельствовалъ это во всеуслышаніе.

Судебная реформа 1864 года не оказала въ данномъ случаѣ достаточно сильнаго вліянія по двумъ причинамъ.

Русскій народъ вообще во всѣхъ слояхъ не относится съ искреннимъ уваженіемъ къ формальнымъ требованіямъ и къ внѣшнимъ велѣніямъ. Какъ его незлобивость, которая столь легко прощаетъ и забываетъ, приводитъ зачастую къ черезчуръ мягкому отношенію къ преступленіямъ и проступкамъ,

такъ мягкость его характера побуждаетъ смотрѣть слегка на законъ. Для законѣнности необходимо обладать извѣстною черствостью и холодною разсудочностью.

По словамъ одного извѣстнаго русскаго публициста— Розанова ¹⁾, „правдивая жизнь какъ быть, какъ строй, какъ цѣлостность человѣческихъ отношеній есть вѣчная, главная мука русской души“. „Вотъ почему, прибавляетъ онъ, навсегда останутся напрасны у насъ надежды на законъ, указъ, реформу, которые завтра произведутъ лучшее, чѣмъ то, что мы имѣемъ сегодня“.

Эти вѣчныя исканія недостижимаго идеала, исканіе лучшей, полной правды побуждаютъ русскаго человѣка слишкомъ часто скептически, даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, относиться къ тѣмъ писаннымъ нормамъ, которыя создаются человѣкомъ, хотя бы и весьма могущественнымъ.

При такой оцѣнкѣ человѣческихъ законовъ, какъ чего-то несовершеннаго, половинчатаго, не воплощающаго и сотой доли правды— уваженіе къ закону легко дѣлается исключительно внѣшнимъ подчиненіемъ, какъ нормѣ временной или прихоти начальства, которое ограничивается мелочами и не видитъ главнаго: необходимости искать дѣйствительной правды.

Нельзя также не признать, что исторія тѣхъ полутора столѣтій, которыя прошли съ момента превращенія Россіи въ европейскую державу до судебной реформы, не содѣйствовала укорененію въ народѣ убѣжденія, что начальство знаетъ, чего оно хочетъ и что его велѣнія не суть однодневныя вспышки властной энергии, которая завтра же изсякнетъ, что его запреты и разрѣшенія имѣютъ своимъ источникомъ твердое воззрѣніе на то, что можетъ быть позволено и что должно быть возбранено. На глазахъ одного и того же поколѣнія политика внутренняго управленія и законодательства круто мѣнялась и въ теченіе краткаго промежутка времени одно и то же дѣяніе признавалось то похвальнымъ и дозволеннымъ, то запретнымъ и преступнымъ.

Эти колебанія законодателя при оцѣнкѣ однихъ и тѣхъ же факторовъ и силъ общественной жизни отпечатлѣлись и въ законодательствѣ. Несистематичность и противорѣчивость рус-

¹⁾ Ср. от. „Смыслъ недавняго прошлаго“. Русскій Вѣстникъ, 1894 г., кн. 12, стр. 872.

скихъ законовъ, переплетенныхъ въ томахъ Свода Законовъ, была второй причиной, почему вліяніе суда въ направленіи укорененія закономѣрности не было столь замѣтно, какъ того можно было ожидать.

Для того, чтобы уважать законъ, нужно если не знать всѣхъ законовъ (это никому не дается и извѣстное всѣмъ правило, что невѣдѣніемъ закона никто отговариваться не можетъ, являясь требованіемъ необходимымъ, въ то же время, строго говоря, невыполнимо), то, по крайней мѣрѣ, знать, что законъ, и что не законъ, что вообще понимать подъ словомъ законъ. Однако ни твердаго разграниченія закона отъ административнаго распоряженія, ни строго систематическаго законодательства Россія не получила. Кто искалъ закона, натыкался сплошь и рядомъ на административныя распоряженія, по существу временныя или съ другими нормами несогласныя. Кто старался выяснитъ, какими нормами регулируется та или другая область общественной жизни, тотъ терялся въ тысячахъ нормъ въ 16 томахъ.

Если неуклонное и единообразное исполненіе закона является цѣлью всякой разумной судебной дѣятельности, то, при отсутствіи ясности и полноты, справедливости и исполнимости законовъ, - предоставленное суду широкое право толкованія (а такое право было предоставлено судебнымъ установленіямъ ст. 9 Уст. Гр. Суд. и ст. 12 Уст. Уг. Суд.) и опубликованіе рѣшеній высшаго кассаціоннаго суда, должнствующихъ служить руководствомъ при единообразномъ примѣненіи законовъ, не могло служить достаточнымъ коррективомъ.

Не было возможности предотвратить противорѣчіе въ рѣшеніяхъ Сенатомъ спорныхъ вопросовъ. Толкованіе закона, исходящее отъ судебныхъ мѣстъ, а не отъ законодательной власти, непременно приводитъ къ казуистикѣ, и если повторяются случаи противорѣчій при толкованіи и примѣненіи закона, то такое явленіе не можетъ служить къ укорененію авторитета закона въ глазахъ народа, ибо обыватель привыкаетъ смотрѣть на законъ не какъ на твердую, непреложную норму, а какъ на мягкую массу, которая въ рукахъ искуснаго дѣятеля принимаетъ самыя произвольныя и неожиданныя формы.

Въ средѣ судейской уваженіе къ закону стало, конечно, несравненно болѣе прочнымъ, чѣмъ въ дореформенное время,

но нельзя сказать, чтобы судебная реформа привела къ тому, чтобы и въ обществѣ и въ народной массѣ авторитетъ закона былъ упроченъ на достаточно твердою основаніи.

До реформы 1864 года судъ для народа былъ чѣмъ то чуждымъ, непонятнымъ, даже страшнымъ. Что-то творилось въ судебныхъ установленіяхъ. Это было извѣстно всѣмъ. Входили и выходили судьи, сидѣль и писалъ секретарь. Выходили оттуда и объемистыя, на тяжеломъ языкѣ писанныя бумаги, въ которыхъ заинтересованные читали трудно понятныя разсужденія съ ссылкой на массу законовъ, рѣдко кому извѣстныхъ, хотя знаніе закона уже съ XVII столѣтія почиталось обязанностью подданнаго. Иски и жалобы, показанія, различнаго рода запросы и отвѣты входили въ двери суда и лежали тамъ подолгу. Вѣроятно ихъ читали, можетъ быть даже изучали и если послѣ долгаго выжиданія что-либо рѣшалось, то заурядный обыватель не могъ себѣ дать отчета въ происходившемъ въ недоступной для него залѣ, въ которомъ на столѣ красовалось „зерцало законовъ“ и которую сторожили противъ любопытства постороннихъ вахтеры и разсылные.

Ходили въ судъ различные ходатаи, частные повѣренные, дореформенные адвокаты, которые увѣряли, что имъ всѣ ходы извѣстны, что они умѣютъ подобрать нужный законъ, что личное знакомство съ судьями, а еще лучше съ секретаремъ, обезпечиваетъ благополучный исходъ дѣла. Смиранный обыватель уповалъ на ходатаю своего, немного на судей и ихъ разумъ и справедливость, еще болѣе на доступную извѣстному воздѣйствію трудовую энергію секретаря, болѣе всего же на милость Господа Бога, который положитъ всему предѣлъ, даже и судебной волокитѣ. Подсудимый надѣялся на свою твердость въ отказѣ отъ признанія вины и на то, что при подсчетѣ различныхъ доказательствъ требуемая закономъ сумма ихъ не выйдетъ и ему возможно будетъ продолжать свою дѣятельность на правахъ „оставленнаго въ подозрѣніи“.

Теперь, послѣ реформы, народъ увидѣлъ и услышалъ судъ.

„Судъ идетъ“, возглашаетъ судебный приставъ, если въ залу входятъ судьи, и всѣ,—и прокуроръ, и защитникъ, и присяжные засѣдатели, и истцы или отвѣтчики, и свидѣтели, и подсудимые, и занимающая мѣста за барьеромъ публика встаютъ, привѣтствуя тотъ органъ, который „по указу Его Величества“

долженъ вынести приговоръ не въ формѣ механическаго вывода изъ нѣмыхъ буквъ на терпящей все бумагѣ, а какъ результатъ безпристрастнаго взвѣшиванія всего того, что будетъ представлено равноправными сторонами передъ глазами всѣхъ, кто вошелъ въ залу суда. Въ формѣ, приспособленной къ условіямъ современной жизни, воскресла древне-русская „пря“.

Народъ увидѣлъ предъ собою представителя обвинительной власти, прокурора, отстаивающаго интересы государства, состязающагося съ защитникомъ, не пользующагося какими-либо преимуществами передъ послѣднимъ, обязаннаго не только выяснить степень виновности подсудимаго, но также объяснить, если то окажется необходимымъ и возможнымъ,—поводъ къ снисходительному къ нему отношенію, даже отказывающагося отъ обвиненія, если во время судебного слѣдствія оказались какіе-либо факты, неизвѣстные ему во время составленія обвинительнаго акта.

И подсудимые, и свидѣтели, и присяжные засѣдатели, и присутствующія въ залѣ засѣданій постороннія лица видѣли предсѣдателя суда, руководящаго преніями сторонъ, не копающагося въ душѣ подсудимаго, не обращающагося съ нимъ грубо или по-начальнически высококомѣрно, а спокойно, безпристрастно спрашивающаго его: признаетъ ли онъ себя виновнымъ или нѣтъ, объясняющаго ему, что онъ даже имѣетъ право отказаться отъ показаній. Видѣли и слышали, какъ онъ допрашивалъ свидѣтелей, какъ эти свидѣтели независимо отъ пола, званія, религіи (нѣсколько лѣтъ спустя послѣ введенія судебной реформы лица высшаго служебнаго положенія были освобождены отъ обязанности лично являться въ судъ въ качествѣ свидѣтелей и получили привилегію быть допрошенными на дому), степени богатства, стоя давали свои показанія, не келейно, а публично. Какое впечатлѣніе должно было произвести на русскаго человѣка, привыкшаго въ высокопоставленныхъ лицахъ видѣть существа, недосыгаемая для суда и закона, когда (а такіе случаи бывали) передъ судомъ въ качествѣ свидѣтеля появлялся савонникъ, человѣкъ съ большими заслугами, пожалуй въ формѣ генераль-адъютанта, и почтительно поклонившись судьямъ, молже его и по рангу куда ниже,—отвѣчалъ на вопросы предсѣдателя, а можетъ быть даже на вопросы несановнаго защитника или молодого товарища прокурора! На порогъ суда оста-

вались различія въ рожденіи, служебномъ положеніи, достаткѣ, степени образованности, и въ залу входилъ лишь челоуѣкъ безъ всякихъ сословныхъ и служебныхъ прикрасъ. А тамъ, въ креслахъ, сидятъ присяжные, люди изъ знакомой среды, тѣ-же купцы, цеховые, крестьяне, мѣщане, а наряду съ ними чиновники, даже военные, а то и извѣстные ученые. Это не „понятые“, не забитые нуждой, боязливые „засѣдатели“, которые послушно прикладывали руку къ протоколу, иногда его не читая, а то выметали и соръ изъ присутственной комнаты или служившіе у г.г. судей на побѣгушкахъ. Нѣтъ, эти взятые изъ различныхъ классовъ общества люди -- судьи совѣсти, которые должны были рѣшать свободно и по внутреннему убѣжденію вопросъ о виновности, не по приказу свыше. Рѣшеніе ихъ могло быть признано неправильнымъ по формальнымъ соображеніямъ, но было окончательнымъ, разъ требованія закона не были нарушены.

Извѣстный нѣмецкій публицистъ М. Гарденъ въ недавно вышедшей книгѣ „Процессы“ говоритъ въ одной главѣ объ „эстетикѣ заль судебныхъ засѣданій“. Съ этой эстетикой русской народъ знакомился, какъ съ чѣмъ-то ранѣе несслыханнымъ и даже непонятнымъ. Кто хоть разъ бывалъ въ залахъ суда въ дни и часы судебныхъ засѣданій, тотъ не забудетъ того своеобразнаго чувства, которое онъ испытывалъ собственными глазами видя и собственными ушами слыша все то, что происходило передъ нимъ. Однако, бывало, что чувство это не было чувствомъ удовлетворенности, если на мѣстахъ судей сидѣли люди ниже нормальнаго уровня трудолюбія, или когда въ прокурорѣ высказывался страстный, тщеславный, о себѣ, а не о дѣлѣ думавшій челоуѣкъ, если защитникъ пускался въ безсодержательное краснорѣчивіе и ловкіе софизмы.

Въ первые года послѣ реформы такія явленія были рѣдки, и рѣдко приходится читать, что посторонніе свидѣтели процесовъ первоначальной дѣятельности новыхъ судовъ не выходили изъ зданія суда съ сознаниемъ, что даръ 20 ноября 1864 г. — драгоцѣнный даръ, значеніе котораго могли не оцѣнить лишь закоренѣлые любители келейности и произвола.

Залы судебныхъ засѣданій стали съ самаго начала посѣщаться посторонними людьми. Не только хроникеры и репортеры, сообщавшіе органамъ прессы свѣжія свѣдѣнія о происхо-

дившемъ на судѣ, но и люди всѣхъ классовъ, возрастовъ и различнаго общественнаго положенія шли въ судъ посмoтрѣть и послушать, какъ творится правосудіе на русской землѣ, какъ и изъ-за чего борются стороны, какъ засѣдаютъ присяжные и какъ ведутъ себя подсудимые, дѣянія которыхъ стали давать столь богатую пищу періодической печати и общественной молвѣ.

Тотъ-же публицистъ Гарденъ говоритъ, „что публику влечетъ въ судъ надежда увидать драму, исполнители которой, послѣ того какъ спустится занавѣсъ, не смываютъ грима съ своего лица, не снимаютъ взятаго на время изъ театральнаго гардероба одѣянія короля или нищаго, куртизанки или цѣломудренной невѣсты для того, чтобы какъ можно скорѣе надѣть будничныи свой костюмъ, драму, въ которой не въ шутку ранять и убиваютъ“. Ихъ влечетъ стремленіе выяснить, какъ доходить равное имъ по качествамъ, можетъ быть близкое, лицо до преступленія, какъ рождается дѣйствіе изъ смутной, колеблющейся воли, какъ человѣкъ, прожившій, можетъ быть, молодость, сулившую блестящее, счастливое будущее, благодаря вспыхнувшей страсти, или благодаря стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, сталъ рабомъ неправды, какъ беззащитная бѣдность погубила честную ранѣ, труженическую жизнь и свергла человѣка въ порокъ. Возвращались зрители къ своему домашнему очагу, кто, самодовольно улыбаясь собственному счастью и безгрѣшной по внѣшности жизни, благодаря Бога, что они не таковы какъ тѣ мытари, которыхъ жандармы съ саблями наголо ввели въ темницу, кто съ сознаниемъ, что и въ ихъ жизни была минута, когда только рука Провидѣнія спасала отъ паденія. Рѣдкій гость въ зданіи суда не чувствовалъ, быть можетъ вполнѣ сознательно, что и павшій человѣкъ плоть отъ плоти и кость отъ кости общества, коего представители выносили вердиктъ.

И дореформенная Русь знала преступленія не менѣе, нежели пореформенная Россія, знала и гражданскую неправду, скрывавшуюся за формальностями закона или безцеремонно его попиравшую, но негласность судопроизводства скрывала множество дѣлъ и уголовныхъ и гражданскихъ въ тайникахъ судебного присутствія, и только рѣдкія по своей жестокости дѣянія или особенно сложныя и громкія дѣла становились извѣстными.

Множество же преступленій ускользало отъ рукъ правосудія или, попавъ въ эти руки, успѣвало заглохнуть въ протоколахъ суда за неимѣніемъ налицо достаточнаго комплекта предустановленныхъ доказательствъ. Множество гражданскихъ споровъ оставалось нерѣшенными, потому что странствовало изъ инстанціи въ инстанцію или рѣшалось тогда, когда быть можетъ и возбудившихъ ихъ лицъ не было болѣе въ живыхъ. Гласность суда дала возможность болѣе правильно, чѣмъ ранѣе, судить о соотношеніи зла и добра въ Россіи.

Въ настоящее время нѣтъ никакой возможности выяснить: увеличилась ли преступность въ Россіи послѣ проведенія реформъ 60 годовъ сравнительно съ „добрымъ старымъ временемъ“, ибо дореформенная статистика была болѣе чѣмъ неудовлетворительна, и любовь къ казовому порядку склоняла къ скрыванію многого, что наше время узнаетъ, хотя далеко не съ полною достовѣрностью. Можно признать, что новыя условія жизни создали и новыя формы преступности, ранѣе неизвѣстныя. Однако, несомнѣнно, что устраненіе господствовавшей въ дореформенное время системы формальныхъ предустановленныхъ въ законѣ доказательствъ, которая принуждала нерѣдко судъ, несмотря на достовѣрность вины подсудимаго, установленную косвенными уликами, въ виду отсутствія такого доказательства, которое признавалось закономъ совершеннымъ, оставлять преступника на свободѣ въ качествѣ „состоящаго подъ подозрѣніемъ“, — сократило въ значительной степени число весьма опасныхъ для общества элементовъ.

Въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта о преобразованіи судебной части въ Россіи (стр. 167) указано на то, что примѣненіе дѣйствовавшей въ старомъ процессѣ теоріи законныхъ доказательствъ, приводившее къ оставленію явнаго преступника только въ подозрѣніи, болѣе или менѣе сильно, приводило къ тому, что колебалось и уничтожалось даже въ народѣ довѣріе и уваженіе къ уголовному суду. Частныя лица, потерпѣвшія отъ преступленій, не весьма важныхъ, или сами расправлялись съ виновными, или оставляли ихъ безъ преслѣдованія, зная изъ опыта, что хлопоты и безпокойства, сопряженныя съ уголовными исками, приводили большею частью только къ оставленію обвиняемыхъ въ подозрѣніи. Нерѣдко простолюдины просто даже

боялись начинать уголовный искъ въ томъ соображеніи, что освобожденный отъ суда преступникъ могъ изъ мести поджечь ихъ домъ или цѣлую деревню. По слсвамъ журнала случалось, что сами полицейскіе чиновники совѣтовали обиженнымъ не начинать дѣла, объясняя, что, при тогдашнемъ порядкѣ судопроизводства, безъ свидѣтелей ничего нельзя сдѣлать противъ запиравшагося преступника, хотя бы даже при немъ найдено было поличное, которое ему не трудно было отвести какою-либо придуманною ложью о покупкѣ, находкѣ и т. п. Вотъ эти-то оставленные въ подозрѣніи, злорадно посматривающіе на неудачно возбужденныхъ противъ нихъ преслѣдованіе, жаждавшіе мести (а такихъ было немалое количество), оказывались настолько грознымъ для мирныхъ обывателей элементомъ, что само правительство было вынуждено принять мѣры, которыя были свидѣтельствомъ безпомощности суда. Въ 1851 и 1853 г.г. состоялись узаконенія о томъ, что мѣщане и крестьяне всѣхъ вѣдомствъ, оставленные судебными приговорами въ подозрѣніи по преступленіямъ, влекущимъ за собою лишеніе правъ состоянія, или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, когда они притомъ на повальномъ обыскѣ въ поведеніи не одобрены, могли быть переселяемы въ Сибирь.

Такимъ образомъ, по словамъ того-же журнала,—судъ во имя государства отправлялся не правительственными органами, а частными обществами, ибо отъ общества зависѣло отказать въ пріемѣ этихъ подозрительныхъ. Тогда они и ссылались въ Сибирь.

Что такое узаконенное самоуправство приводило нерѣдко къ злоупотребленіямъ и вело только къ усиленію опасныхъ элементовъ, изъ среды коихъ пополнялась армія преступниковъ—это внѣ сомнѣнія.

А сколько гражданскихъ дѣлъ оканчивалось такими рѣшеніями, которыя были бы невозможны, если бы рѣшающіе ихъ не сидѣли въ недоступномъ для посторонняго взора помѣщеніи, гдѣ золото и кредитный билетъ могли имѣть бѣольшую доказательную силу, нежели всѣ другіе аргументы. Въ русскомъ народѣ крѣпко держалась вѣра, выраженная въ поговоркѣ: „Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“.

Конечно, и послѣ судебной реформы не наступило время безусловнаго господства правды. Ловкіе люди съ широкой со-

вѣстью находили и изобрѣтали всякіе способы скрыть слѣды своихъ продѣлокъ. На выдумку хитра не одна голь, но и лица, блистающія и внѣшнимъ лоскомъ, въ особенности тамъ и тогда, когда они находили и поддержку въ своей средѣ.

Но борьба съ преступностью становилась несравненно легче со времени вступленія въ отправленіе судебныхъ обязанностей чистыхъ людей, рѣшительно отвернувшихся отъ старинныхъ нравовъ, и послѣ того, какъ усовершенствованная техника изслѣдованія слѣдовъ преступныхъ дѣяній (фотографія, микроскопія и т. д. вплоть до дактилоскопіи) дала въ руки власти такія тонкія орудія изслѣдованія, которыя давали возможность накрыть хитрѣйшаго и изловчившагося ненавистника законнаго порядка и тогда, когда ему, какъ онъ полагалъ, удавалось скрыть концы и онъ уже былъ готовъ, издѣваясь надъ правосудіемъ, пользоваться спокойно плодами своихъ нечистыхъ дѣлъ.

Несомнѣнно, что и преступные элементы изощрались въ различныхъ приемахъ для того, чтобы ускользнуть отъ преслѣдованія, но соперничество власти съ ея противниками въ большинствѣ случаевъ оканчивалось успѣхомъ первой.

II. Вліяніе основныхъ началъ реформы на общественную нравственность.

Нерѣдко высказывалось мнѣніе, что публичность и устность уголовного процесса послужили факторами усиленія преступности. На судѣ во всеуслышаніе раскрывалась полная картина преступнаго дѣянія съ момента его зачатія до совершенія. Эта картина отталкивала многихъ, но она находила и зрителей, съ любопытствомъ изучавшихъ всѣ изгибы преступной энергіи. Она находила любителей сильныхъ ощущеній, которые при случаѣ усваивали себѣ то, что иногда въ преступникѣ вызывало если не симпатію, то удивленіе передъ смѣлостью и находчивостью, въ особенности, если защита подсудимаго находилась въ рукахъ пылкаго, краснорѣчиваго присяжнаго повѣреннаго, который съ видимымъ наслажденіемъ выставлялъ на показъ доблести или великодушіе человѣка, совершившаго закономъ запрещенное. Не мало осужденныхъ сходило со скамьи подсудимыхъ съ оре-

оломъ интересныхъ героевъ, а то и мучениковъ, которые только потому подвергались карѣ, что въ увлеченіи какой-либо цѣлю, кажущейся имъ славной и достойной, не были разборчивы на средства. А если такой субъектъ уходилъ изъ залы суда оправданный, благодаря или ложной сантиментальности присяжныхъ, или благодаря ошибкамъ слѣдователя, или промахамъ прокурора или самого суда при формулировкѣ вопросовъ, то неуравновѣшенные или не вполнѣ нормальные въ нравственномъ развитіи люди могли при извѣстныхъ условіяхъ подчиниться соблазну слѣдовать по его пути, одни, рассчитывая на то, что и имъ удастся избавиться такъ или иначе отъ послѣдствій дѣянія, другіе изъ жажды быть зачисленными въ ряды героевъ потрясающихъ романовъ.

Отрицать возможность зловреднаго вліянія гласности судопроизводства на людскую среду было бы неразумно, ибо несомнѣнно, что и у насъ въ Россіи, какъ и во всѣхъ другихъ государствахъ, бывали случаи, что гласный судъ противъ воли бросалъ сѣмя на почву, въ которой уже готовы были силы, оплодотворившія ее зломъ. И столь же несомнѣнно, что гласность судопроизводства и въ тѣхъ случаяхъ, когда сенсационное дѣло не пробуждало нездоровыхъ инстинктовъ, могла имѣть неблагоприятныя послѣдствія въ общественной жизни. Стоитъ только припомнить такое дѣло, какъ процессъ Палемъ. Если припомнаешь тотъ эффектъ, который произвело на нѣкоторые слои общества это и ему подобныя дѣла, то становятся нѣсколько понятными и тѣ вздохи о минувшихъ хорошихъ временахъ, когда отеческая власть оканчивала такого рода дѣла въ тиши письменнаго процесса.

Но кто не склоненъ видѣть одни нежелательныя послѣдствія, неизбѣжныя при производствѣ суда гласнаго, тотъ никогда не признаетъ, что рѣдкіе всетаки случаи возбужденія гласнымъ судомъ антиобщественныхъ инстинктовъ должны служить основаніемъ для его порицанія.

При оцѣнкѣ вліянія гласности судопроизводства на различные классы и слои общества нельзя упускать изъ вида, что только сравнительно незначительная часть обывателей имѣла возможность присутствовать при судебномъ слѣдствіи и составить самостоятельное сужденіе о томъ, что происходило на судѣ. Большинство же получало эти свѣдѣнія изъ вторыхъ и

далеко не всегда добросовѣстныхъ рукъ. Выше намъ приходилось указывать на то, что составители Судебныхъ Уставовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были впослѣдствіи и руководителями при введеніи ихъ въ дѣйствіе, съ нѣкоторымъ опасеніемъ относились къ допущенію въ органахъ періодической печати отдѣла „судебная хроника“. Дѣйствительность доказала, что эти опасенія были не неосновательными. Если-бы русская публика знакомилась съ дѣятельностью суда исключительно при помощи специальныхъ юридическихъ журналовъ и газетъ или крупныхъ ежемѣсячниковъ, то и всѣ недостатки и промахи его не проявили бы того вреднаго дѣйствія, которое они имѣли. Однако много ли людей читаетъ такіе серьезные отчеты или много ли лицъ довольно спокойнымъ и некричащимъ, не бьющимъ на сенсацию сужденіемъ о томъ, что и какъ говорили всѣ дѣйствующія на судѣ лица? Масса читателей съ жадностью бросается на тѣ листки, которыя умѣютъ поднести судебное дѣло въ пикантной формѣ, использовать его для пропаганды какихъ либо излюбленныхъ идей, при случаѣ пощеголять передовымъ направленіемъ, якобы гуманными жалобами на среду, которая заѣла милаго, хорошаго человѣка, въ сущности ни въ чемъ неповиннаго, котораго только лукавый попуталъ. Всѣмъ извѣстно, что нѣтъ ничего легче, какъ писать такого рода крикливыя статьи, въ коихъ бойкое перо орудуетъ и трескучими фразами замѣняетъ серьезность мысли. А такія статьи и замѣтки на столбцахъ русскихъ газетъ стали появляться все чаще и чаще, въ особенности на столбцахъ т. н. мелкой прессы. Салтыковъ-Щедринъ не разъ въ своихъ сатирахъ говорилъ про то, какъ „улица“ вторглась въ печать. Вотъ эта уличная пресса, заботящаяся лишь объ увеличеніи своего тиража, конечно никогда не отказывалась отъ прибыли, которую сулили хотя бы и совершенно извращенные отчеты о громкихъ дѣлахъ.

Если же въ судѣ происходило нѣчто, что для непотерявшихъ способности трезво оцѣнивать окружающее было и непонятнымъ и возмутительнымъ, то популяризація такихъ происшествій, не служившихъ къ чести новаго суда, только и могла деморализующимъ образомъ дѣйствовать на общество, еще не такъ давно освобожденное отъ ярма крѣпостничества и потому молодое, хотя оно и было частью народѣ съ тысячелѣтней исторіей. Преимущественно благодаря прессѣ, такія дѣла, какъ оправ-

даніе Вѣры Засуличъ, когда судьи забыли, что судъ не для того созданъ, чтобы давать возможность проявленія политическихъ симпатій и антипатій, что защитникъ не призванъ восхвалять преступленіе, во имя іезуитской морали, что цѣль оправдываетъ средства, что публика не для того допускается въ залу суда, чтобы устраивать овацію лицу, которое само себя возвелъ въ рангъ обвинителя, судьи и палача, — оказывали роковое вліяніе на мораль. Такое дѣло, а равно дѣла, которыя оканчивались или оправданіемъ, или неумѣренно слабой репрессіей, разрисованныя въ прессѣ съ использованиемъ всѣхъ красокъ на палитрѣ бойкаго писаки, не могли не поколебать уваженія къ суду. Невольно тѣ, кто не впадалъ въ политическую истерику, или не раздѣляли мнѣнія, что все понять, значитъ все простить, вопрошали: Да что-же это? Дореформенная Русь знала Θεмиду безъ повязки на глазахъ, а обновленная Россія также должна довольствоваться Θεмидой, которая при случаѣ сниметъ повязку и будетъ обращаться съ вѣсами правосудія для цѣлей, ради которыхъ они ей не вручены.

Противники забывали, что ранѣе выходившіе сухо и невредимо изъ всякаго, даже очень грязнаго дѣла тузы, какъ Овсянниковъ, такія широкія натуры, какъ Юханцевъ, такіе воротилы, какъ герои Скопинскаго или Кронштадтскаго банковъ не избѣгали кары. Русское общество съ должнымъ уваженіемъ относилось къ этому судебному безпристрастью, которое не считалось съ связями и богатствомъ. Но однако многихъ лицъ коробило зрѣлище оправданія или снисходительнаго наказанія явныхъ убійць, какое то легкое отношеніе къ преступленіямъ противъ личности и нравственности съ одновременно суровымъ отношеніемъ къ преступленіямъ противъ имущества.

Пресса далеко не всегда съ должнымъ вниманіемъ относилась къ причинамъ оправданія или снисходительнаго наказанія. Эти, посвященному понятныя причины, остались въ сторонѣ и получалось впечатлѣніе: коли обвиняемый найдетъ защитника, который сумѣетъ изобразить мотивы содѣяннаго въ симпатичномъ для судей видѣ, то мечъ правосудія останется въ ножнахъ, преступникъ если не сейчасъ, то черезъ нѣкоторое, не очень продолжительное время вернется въ общество, пожалуй еще съ ореоломъ мученичества или съ престижемъ человѣка, который переросъ свое время и потому не былъ понятъ, какъ слѣдуетъ.

Если-бы частые оправдательные вердикты или мягкіе приговоры, становившіеся извѣстными по всей Россіи благодаря широкой гласности въ этихъ дѣлахъ, узнавались бы обществомъ, стоящимъ на довольно высокой ступени нравственнаго развитія, получившимъ не только образованіе (хотя бы оно не всегда было удовлетворительнымъ), но и серьезное воспитаніе, то недочеты судебной дѣятельности не оказались бы столь роковыми. Однако русское общество, какъ современное эпохѣ реформъ, такъ и, въ особенности, бывшее свидѣтелемъ распространенія ея силы на все большее пространство, не стояло въ массѣ своей на высотѣ стоявшихъ на очереди задачъ.

Воспоминаніе обыкновенно украшаетъ прошедшее время обманчивымъ цвѣтомъ прелести. Современники Екатерины II вздыхали о царствованіи Императрицы Елисаветы Петровны. Свидѣтели воцаренія Александра I—о временахъ Екатерины. Поколѣніе Императора Николая I вспоминало съ умиленіемъ о „дняхъ Александрова прекраснаго начала“, а поколѣніе послѣдней четверти XIX столѣтія смотрѣло на эпоху 60 годовъ, какъ на какое-то лучезарное время. Если же взять въ руки записки современниковъ соотвѣтствующихъ эпохъ, то читаешь такіа характеристики, которыя съ одной стороны примиряютъ съ тѣми условіями, при которыхъ приходится жить потомкамъ, а съ другою лишаютъ прошедшее ореола чистоты.

Въ 1868 г., т. е. 4 года послѣ судебной реформы, А. И. Кочелевъ въ своихъ запискахъ жалуется на взяточничество, на охоту къ обходу законныхъ путей, на глубокую безнравственность образованнаго класса и утверждаетъ, что въ Петербургѣ безпутство, безсовѣстность и безсмысліе превзошли всѣ мошенничества и нелѣпости губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ.

А. В. Никитенко въ 1865 году говоритъ объ общественномъ хаосѣ. Въ 1866 году онъ отмѣчаетъ: „У насъ до того не развито чувство долга и законности, что мы готовы очень снисходительно извинить всякое преступленіе и еще славимся этою снисходительностью, считая ее признакомъ гуманности и великодушія“. Въ 1867 году, высказывая увѣренность, что съ двумя своими новыми учрежденіями—земствомъ и гласнымъ судомъ—Россіи нечего страшиться въ будущемъ насчетъ своего внутренняго благосостоянія, онъ выражаетъ боязнь, что дѣлу развитія Россіи повредитъ одна смердящая, опасная рана на ея

тѣлѣ, это почти повальная деморализація, ибо массы лишены понятія о честности и долгѣ.

Извѣстную долю этого пессимизма можно отнести на счетъ болѣзненнаго состоянія маститаго автора дневника, но и записки другихъ современниковъ рисуютъ положеніе общества и народной массы въ 60-хъ годахъ не въ привлекательномъ свѣтѣ. При деморализаціи, хотя бы и не повальной, гласность судопроизводства должна была дѣйствовать одновременно и какъ сила благодѣтельная, и какъ факторъ не безопасный, и нельзя не сожалѣть, что система образованія и правила, или вѣрнѣе, привычки воспитанія, господствовавшія въ Россіи, не содѣйствовали въ должной мѣрѣ внѣдренію въ народѣ болѣе глубокихъ нравственныхъ понятій.

Часто говорятъ, что первое десятилѣтіе послѣ судебной реформы было особенно счастливо. И судьи, и прокуроры стояли якобы выше тѣхъ, кто были ихъ преемниками, и въ упадкѣ престижа суда винятъ, какъ обыкновенно у насъ,—правительство, которое будто бы съ самаго начала отнеслось недовѣрчиво къ суду и вскорѣ стало чинить препятствія закономѣрному его простору, извращая рядомъ новеллъ правильную, начертанную въ Судебныхъ Уставахъ организацію и отправленіе судебной власти.

Какія причины вызвали изданіе этихъ новеллъ къ Судебнымъ Уставамъ—про это говорится въ другихъ частяхъ изданія. Здѣсь придется только указать, что причины едва-ли сводятся къ бюрократическому подозрѣнію въ склонности создать изъ суда какое-то государство въ государствѣ, какую-то судебную республику, желавшую стоять не въ государствѣ, а особо отъ него. Что такая бюрократическая близорукость сыграла также свою роль, рядомъ съ оскорбленнымъ самолюбіемъ или властолюбіемъ, этого отрицать нельзя. Но походъ противъ суда, который вели и нѣкоторые сановники, а въ особенности одинъ органъ печати, дѣйствовавшій въ то время на извѣстные вліятельные круги, „Московскія Вѣдомости“, не такъ еще давно горячо отстаивавшія судебную реформу и еще въ 1867 г. ополчившіяся противъ министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева по поводу его проекта усилить власть административную въ ущербъ власти судебной, объясняется и тѣмъ разочарованіемъ въ безусловно благодѣтельномъ вліяніи суда на народную жизнь,

которое охватило не одну бюрократію, и именно благодаря тому, что нерѣдко гласность судопроизводства и тѣ гарантіи, которыя новые суды давали подсудимымъ, были употреблены для цѣлей, ничего общаго не имѣвшихъ съ мирнымъ развитіемъ на пути соціального прогресса.

Въ Россіи уже въ началѣ 70-хъ годовъ, если не ранѣе, были замѣтны зловѣщіе признаки пониженія уровня общественной этики. Иначе были-бы непонятны ни зараженіе нигилизмомъ молодежи, ни рядъ возмутительныхъ преступленій политическаго характера, доведшихъ Россію въ концѣ концовъ къ 1 марта 1881 года, ни то пассивное, если не хуже, отношеніе къ этимъ героямъ террора и сторонникамъ кровавой революціи, которое охватило общество.

Интеллигентные круги, какъ всегда, прежде всего подверглись вліянію тѣхъ, якобы новыхъ, идей, которыя стремились встать на мѣсто старыхъ нравственныхъ понятій, но не остались незатронутыми и крестьяне, та сѣрая народная масса, на плечахъ коей покоилось въ сущности все громадное государство. Въ періоды шатанія умовъ, сопровождающіе всякую соціально-экономическую перестройку, встревоженная власть всегда ищетъ причинъ болѣзни и, несомнѣнно не всегда выясняя себѣ коренныя, легко поддается искущенію усматривать ихъ въ тѣхъ новшествахъ, введенныхъ ею самою въ народную жизнь, которыя вдругъ кажутся слишкомъ смѣлыми и рѣшительными. И у насъ, сопровождавшія примѣненіе гласности въ судѣ нежелательныя явленія, побудили власть къ стремленію ограничить господство этого начала и ослабить тѣ элементы, которые преимущественно и служатъ орудіемъ гласности.

III. Судебная реформа и начало равноправія.

Два основныхъ начала судебной реформы, гласность и устность процесса, безъ коихъ судъ въ правовомъ государствѣ существовать и дѣйствовать не можетъ, оказали глубокое и благодѣтельное вліяніе на общественный бытъ Россіи, но примѣненіе ихъ не обошлось безъ того, чтобы вредныя въ обществѣ силы не воспользовались ими. Новый судъ проявилъ и дру-

гое вліяніе, столь же сильное и благотворное. Онъ уравниль населеніе Россіи въ отношеніи охраны его правъ.

Когда по указу царя Алексѣя Михайловича, въ 1649 г., составлено было знаменитое Соборное Уложеніе, то въ качествѣ одной изъ цѣлей его составленія было указано: „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чину судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна“. Однако, о равенствѣ передъ судомъ въ теченіе тѣхъ двухъ съ лишнимъ столѣтій, которыя истекли со времени публикаціи крупнѣйшаго изъ законодательныхъ памятниковъ Московскаго времени, не было рѣчи. Сословныя перегородки, раздѣлявшія различныя группы населенія, были не только не убраны, но, напротивъ, въ теченіе XVIII столѣтія укрѣплены и не только для различныхъ сословій созданы различные суды, но и въ средѣ одного и того-же сословія высокопоставленный или богатый находилъ неодинаковую, въ сравненіи съ бѣднымъ и несановнымъ, охрану своихъ правъ и неодинаковое вниманіе къ своимъ законнымъ интересамъ. Судебная реформа исполнила желаніе второго Царя изъ династіи Романовыхъ.

До законовъ 1889 года, которые въ существенныхъ своихъ чертахъ и принципіальныхъ построеніяхъ рѣзко противорѣчили кореннымъ началамъ судебной реформы 1864 г., русскій народъ могъ воочію убѣдиться, что одинъ изъ органовъ государственной власти не различаетъ дворянина отъ мѣщанина, богатаго отъ бѣднаго, чиновнаго человѣка отъ простолюдина.

Ни одна изъ другихъ реформъ царствованія Императора Александра II, ни реформа крестьянская, ни введеніе земскихъ учрежденій, ни улучшеніе нашей податной системы, не имѣли въ данномъ отношеніи такого значенія, какъ введеніе Судебныхъ Уставовъ 1864 года.

Крестьянская реформа дала земледѣльческому сословію личную свободу и нѣкоторое земельное обезпеченіе. Однако, крестьянское самоуправленіе и волостной судъ,—судившій по обычному праву, не содѣйствовали, а скорѣе противодѣйствовали исчезновенію сословныхъ различій. Земское самоуправленіе, по закону 1 января 1864 года, предоставило высшимъ классамъ значительное преимущество и поставило въ большинствѣ губерній участіе крестьянъ въ завѣдываніи дѣлами мѣстнаго хозяйства сравнительно въ скромныя рамки.

Реформы въ податномъ дѣлѣ ввели уравнительность обложения въ весьма скромномъ размѣрѣ. Только въ царствованіе Императора Александра III уравненіе податной тяготы по болѣе справедливому масштабу было выставлено безспорно и отчетливо, какъ цѣль развитія русской податной системы.

Не мало вѣскихъ соображеній говорило въ пользу осторожнаго примѣненія начала равенства въ этихъ сферахъ. При реформѣ же суда преобразователь рѣшился идти смѣлѣе по пути правового уравненія и остановился только передъ крестьянскимъ сословнымъ судомъ, которому было ввѣрено судебное разбирательство по маловажнымъ дѣламъ въ жизни земледѣльческаго сословія.

Всѣ установленія и институты новаго судебного строя должны были служить принципу равенства передъ закономъ. Но два изъ этихъ институтовъ осуществляли начала равенства передъ судомъ особо осязательно и выпукло. То были судъ присяжныхъ и судъ мировой.

Первый, потому что онъ на глазахъ всѣхъ сажалъ въ кресла присяжныхъ всѣхъ, кто удовлетворялъ опредѣленному, но не сословному цензу. Къ участію въ немъ призывались лица всѣхъ состояній. Всѣ должны были служить одному общему дѣлу, и бѣдные, и богатые, и образованные и необразованные. Законодатель даже не включилъ знаніе грамоты въ условія для допущенія къ отправленію обязанностей судей совѣсти. Въ комнатѣ, отведенной для совѣщанія присяжныхъ, сходились и ученый и еле грамотный. Если кто-либо исключался отъ чести быть присяжнымъ засѣдателемъ, то это исключеніе обуславливалось или физическими недостатками, или неимѣніемъ должнаго нравственнаго ценза,—или потому, что законодатель призналъ необходимымъ не допускать въ среду присяжныхъ такихъ лицъ, которыя по своему служебному положенію могли бы оказать какое-либо давленіе на членовъ судейской скамьи, т. е. исключены были именно тѣ, кто до реформы фактически игралъ наиболѣе вліятельную роль въ судебныхъ дѣлахъ.

Участіе крестьянъ въ судѣ присяжныхъ имѣло особенно важное значеніе въ социальномъ развитіи, тѣмъ болѣе, что крестьяне призывались къ отправленію обязанностей судьи почти непосредственно послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Крестьяне-присяжные введены были въ сферу дѣйствія общаго

права и судили наравнѣ съ дворянами, недавними душевладѣльцами, съ лицами, принадлежавшими къ т. н. интеллигенціи, вмѣстѣ съ чиновниками, вмѣстѣ съ купцами. Они судили всякаго, привлеченнаго къ отвѣтственности передъ окружнымъ судомъ за преступленіе опредѣленной въ законѣ категоріи. Недавній крѣпостной, котораго нерѣдко презрительно называли то хамомъ, то холопомъ, судилъ барина, сидѣлъ съ барининомъ на одной скамьѣ, совѣщался съ нимъ въ одной комнатѣ, за однимъ и тѣмъ-же столомъ и подавалъ наравнѣ съ нимъ голосъ. Едва ли можно оспаривать, что въ особенности въ первое послѣ введенія реформы десятилѣтіе это участіе простонародья въ судѣ привело къ хорошимъ результатамъ.

Крестьяне первыхъ десяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за реформой, еще стояли подъ вліяніемъ тѣхъ унаслѣдованныхъ отъ отцовъ воззрѣній на зло и добро, которыя они всосали съ молокомъ матери. Они еще чтили вѣру предковъ. Ихъ міровоззрѣніе во многомъ отличалось отъ міровоззрѣнія другихъ классовъ, но оно представляло изъ себя нѣчто сильное, прочное.

Крестьянскихъ присяжныхъ того поколѣнія не успѣло еще коснуться тлетворное вліяніе атеизма и матеріализма съ его высокомѣрнымъ отношеніемъ къ наивной простотѣ вѣрующаго. Эти новыя теченія впослѣдствіи вторглись и въ деревню и обогатили ее такими плодами, какъ отчужденіе отъ церкви и насмѣшливое отношеніе ко всему, что далекій отъ простой жизни трудящагося земледѣльца интеллигентъ считаетъ лишнимъ балластомъ въ жизни или вреднымъ предразсудкомъ.

Знаменитый австрійскій писатель Розеггеръ въ одномъ изъ своихъ произведеній („Вѣчный свѣтъ“) изображаетъ, какъ въ уединенныя горныя селенія проникаетъ модная цивилизація съ своими утонченными потребностями, вкусами и расчетами и какъ гибнетъ простой міръ горныхъ жителей. Съ этой цивилизаціей ознакомилось и русское крестьянство, по мѣрѣ того, какъ росло количество фабрикъ, усиливалось движеніе въ города и изъ нихъ возвращались въ родныя села посвященные въ новыя взгляды мужички. Первое десятилѣтіе дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій еще не было свидѣтелемъ этой эволюціи крестьянской жизни, неизбѣжной при переходѣ государства отъ патріархально-земледѣльческаго быта къ новымъ формамъ хозяйства, но разрушающей много добраго, и именно добраго того

качества, которое желательно въ судѣ, призванномъ не къ отвлеченнымъ разсужденіямъ, а къ простой, здоровой оцѣнкѣ окружающихъ его явленій.

Въ воспоминаніяхъ лицъ, бывшихъ присяжными въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, приходится нерѣдко читать, какое впечатлѣніе производило здоровое, незамысловатое, иногда грубое сужденіе крестьянина въ комнатѣ присяжныхъ.

Слова, служащія заглавіемъ главы 14 книги 12 въ романѣ Достоевскаго „Братья Карамазовы“—„Мужички за себя постояли“, имѣли въ то время, когда писалъ это произведеніе великій писатель, серьезное значеніе. Дѣйствительно мужички умѣли за себя постоять, когда болѣе просвѣщенные люди готовы были приложить при оцѣнкѣ дѣянія подсудимаго мѣрку своей нервной дряблости или чувствительности.

Съ другой стороны, конечно, нерѣдки были и случаи, когда и крестьяне въ свою очередь голосовали такъ, что отвыкшему отъ деревенской жизни, или никогда ея не знавшему, приходилось недоумѣвать.

Крестьяне-же, возвращаясь въ свою среду, уносили съ собою многое, чему они научились сидя въ числѣ судей: прежде всего нѣсколько окрѣпшую вѣру въ законъ, не какъ въ силу темную, непонятную, а силу, предъ которой приходилось преклоняться и не малоимущимъ и не беззащитнымъ. Это зерно вѣры въ законъ попадало на ниву народную, еще недавно знавшую только отеческій произволъ. Если-бы Россія имѣла возможность одновременно съ новымъ судомъ получить и сѣть хорошихъ народныхъ школъ, развивающихъ и умъ и сердце массы народа, то, какъ уже приходилось отмѣтить выше, цивилизующее значеніе суда было бы еще чувствительнѣе и замѣтнѣе.

Полнаго равноправія передъ судомъ, конечно, Россія не увидѣла и послѣ реформы. Да и едва-ли въ какомъ-либо изъ другихъ государствъ удалось осуществленіе этого начала послѣдовательно на практикѣ. Различія фактическія давали себя чувствовать вездѣ и всегда и въ судебной области. Образованный человѣкъ умѣлъ и на скамьѣ подсудимаго поставить себя въ болѣе благопріятное положеніе, нежели необразованный. Богатый могъ найти болѣе сильныя средства защиты, нежели неимущій. Первый имѣлъ возможность обратиться къ помощи

опытнаго и талантливаго защитника, а второй долженъ былъ нерѣдко довольствоваться защитой кандидата на судебную должность, испытывавшаго свои способности на порученныхъ ему дѣлахъ и робко и неумѣло отстаивавшаго своего кліента. Уже въ стадіи предварительнаго слѣдствія фактическое неравенство давало себя чувствовать. Имѣвшій средства могъ и можетъ представить требуемый слѣдователемъ залогъ или поручительство и оставаться на свободѣ, если слѣдователь не признавалъ по особо важнымъ причинамъ необходимымъ принять по отношенію къ нему болѣе строгую мѣру противъ уклоненія отъ судебной отвѣтственности. Неимущій зачастую долженъ былъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій отправляться въ домъ предварительнаго заключенія, теряя заработокъ и предавая семью лишеніямъ всякаго рода. Уравненіе гражданъ во всѣхъ отношеніяхъ было не въ силахъ законодателя, но и то, что было достигнуто Судебными Уставами въ направленіи смягченія неравенства, было значительно.

Окружной судъ съ участіемъ присяжныхъ вѣдалъ дѣла болѣе крупныя (если не считать рецидивовъ по болѣе мелкимъ преступленіямъ). Его торжественныя, не изо дня въ день повторявшіяся засѣданія были, за исключеніемъ столицъ и крупныхъ городовъ, событіями не повседневными. Судебные Уставы создали другое учрежденіе, которое быстро стало близкимъ народу и которое почти изо дня въ день убѣждало массу мелкихъ обывателей въ томъ, что равенство обывателей передъ судомъ сдѣлало громадный шагъ впередъ.

То былъ мировой судъ. Ему приходилось рѣшать не многосложныя дѣла, а тѣ мелочи жизни, которыя столь важны для массы населенія, сравнительно рѣдко обращающагося къ помощи общихъ судебныхъ установленій. До реформы эти мелкія дѣла рѣшались въ большинствѣ случаевъ полиціей, которая въ т. н. доброе старое время любила при исполненіи своихъ судебныхъ обязанностей прибѣгать къ аргументамъ, сильно дѣйствующимъ не вслѣдствіе своей внутренней убѣдительности, а вслѣдствіе того, что они были съ внѣшней стороны очень внушительны. Рѣзкое слово, а то и другого рода убѣжденія въ неправотѣ одной изъ сторонъ, были очень обыкновеннымъ и излюбленнымъ средствомъ возстановленія мира въ средѣ мелкаго люда.

Кто стоялъ въ общественномъ положеніи повыше, тотъ или совсѣмъ не былъ подвѣдомственъ полицейскому суду, или имѣлъ въ своемъ распоряженіи различные пути для избѣжанія знакомства съ патріархальной фигурой дореформеннаго возстановителя мира.

Мировой судья занялъ мѣсто частнаго пристава. Съѣзжую замѣнила камера мирового судьи. И какъ спорящія или жалующіяся стороны, такъ и посѣтители, которые съ момента открытія мирового суда стали охотно посѣщать мѣсто, гдѣ засѣдалъ безъ всякой внѣшней торжественности мировой судья, убѣдились въ томъ, что можно рѣшать дѣла и безъ крѣпкихъ словъ и безъ другихъ болѣе чувствительныхъ средствъ вразумленія неправедныхъ. Какое глубокое впечатлѣніе должно было произвести на народъ, привыкшій къ другимъ порядкамъ, ровное обращеніе мирового судьи со всякимъ, кто обращался къ нему, и къ чиновному господину и къ простой прислугѣ, еще недавно дворовой, которую душевладѣлецъ могъ по своему усмотрѣнію отправить въ съѣзжую съ просьбою демонстрировать на тѣлѣ необходимость послушанія, и къ богатому домовладѣльцу или купцу, и къ снимающему уголъ въ его домѣ или слѣжащему въ разсылныхъ. Русскій обыватель 60-хъ годовъ долженъ былъ заставить себя вѣрить тому, что онъ видѣлъ и слышалъ, ибо то, что происходило на его глазахъ, было настолько для него невѣроятно, что мнительный могъ подумать, уже не сонъ ли это.

Мировымъ судьямъ было дано право и по собственному почину привлекать нарушителей общественного порядка къ ответственности, не выжидая возбужденія дѣла со стороны полиціи. И дѣйствительно бывали случаи, когда скромный съ виду человекъ, на котораго никто не обращалъ вниманія, вдругъ надѣвалъ на себя цѣпь и во имя закона требовалъ прекращенія какого-либо публичнаго безобразія, или посылалъ совершившему что-либо не потребное, въ увѣренности, что никто его дѣйствій не замѣтилъ, повѣстку съ требованіемъ явиться для отвѣта.

„Мировой“ сразу занялъ такое видное положеніе въ народномъ обиходѣ, что для немалаго числа людей вся суть судебной реформы казалась сконцентрированной въ этой доступной всѣмъ, столь внушительной фигурѣ.

Правъ былъ Салтыковъ-Щедринъ, когда въ Письмахъ о провинціи (1868—1870 г.г.) писалъ: „Новые суды принялись сразу и никого не нашли неподготовленными“.

„Неужели и въ самомъ дѣлѣ нужно особенную подготовку, чтобы сразу освоиться съ такою, на примѣръ, вещью, какъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній? Ужели это было такое благо, къ которому можно прилѣпиться душою и разлука съ которымъ могла бы кому-нибудь стоить колебаній и борьбы? Нѣтъ, это не такъ. Есть вещи, разставаться съ которыми никогда не рано, точно такъ же, какъ есть вещи, для непосредственнаго пользованія которыми не требуется быть ни философомъ, ни политико-экономомъ“.

Знаменитый сатирикъ въ „Письмахъ о провинціи“ олицетворяетъ противниковъ реформъ въ „исторіографахъ“, а сторонниковъ въ „піонерахъ“. Названные имъ „исторіографами“ хвалители минувшихъ временъ и отжившихъ порядковъ раздражались, что и вполне понятно, ибо самая лучшая реформа не въ состояніи статьями закона перевоспитать общество. Они раздражались тѣмъ, что мировой судья разрѣшалъ гражданскія тяжбы, не смотря на лицо, и каралъ за проступки, не внимая никакимъ ссылкамъ на личное положеніе или на служебное прошлое провинившагося, а иногда даже подчеркивалъ, что именно потому, что провинившійся — человекъ образованный и принадлежащій къ высшимъ классамъ, къ нему должна быть приложена болѣе строгая мѣрка.

Такая новая судебная этика казалась въ то время многимъ посягательствомъ на разумный общественный порядокъ. Въ эпоху французской реставраціи (1815—1830 г.г.) въ средѣ французской аристократіи господствовало воззрѣніе, что многое, что правительство признаетъ преступнымъ въ средѣ среднихъ и низшихъ классовъ, не можетъ быть признано таковымъ въ средѣ высшихъ. Этотъ взглядъ не былъ чуждъ высшимъ классамъ и въ другихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи. Ни мировые судьи, ни судейскій персоналъ общихъ судебныхъ установленій не хотѣли или не могли помириться съ той сословной этикой и на упрекъ въ томъ, что они не щадятъ никого и подрываютъ устои монархическаго государства, могли спокойно отвѣтить, что именно отстаиваніе обязательности закона для всѣхъ, независимо отъ ранга, званія, титула, рожденія, степени

достатка, есть служба, имѣющая цѣлью укрѣпить устои монархїи, въ коей Монархъ только тогда силенъ, если силенъ законъ, имъ данный. Судейскій персоналъ усвоилъ себѣ тотъ вѣрный взглядъ, котораго держатся всѣ, кому дорого нелицеприятное правосудіе, что справедливая кара, постигшая высокопоставленнаго преступника, болѣе содѣйствуетъ внѣдренію въ народѣ уваженія къ закону, нежели наказаніе, коему подвергается хотя бы сотня мелкихъ лиходѣевъ.

Что такое воспитаніе русскаго общества въ уваженіи къ закону принимало въ извѣстныхъ случаяхъ и характеръ не вполнѣ желательный, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Человѣкъ по своей слабости и при безстрашномъ служеніи правдѣ впадаетъ въ ошибки и уплываетъ дань увлеченіямъ. Такъ было и съ мировыми судьями, которые, чему примѣровъ имѣлось не нѣсколько, а довольно много, забывали, что судья есть судья, а не социальный реформаторъ.

Такой объективный наблюдатель общественной жизни Россіи въ 70-хъ годахъ, какъ извѣстный англійскій публицистъ Мэкензи Уоллесъ въ книгѣ „Россія“ (цитируемъ по нѣмецкому изданію 1879 г.), отдавая должное культурному вліянію мирового суда, указываетъ и на нѣкоторыя отрицательныя стороны ихъ дѣятельности. Онъ говоритъ: „Такъ какъ они, мировые судьи, полагали, что они призваны къ тому, чтобы искоренить тѣ воззрѣнія и привычки, которыя были созданы и развиты крѣпостнымъ правомъ, то они иногда пользовались своимъ авторитетомъ для того, чтобы читать цѣлыя лекціи человѣколюбія и либерализма и находили злорадное удовольствіе, если имѣли возможность затронуть чувства или матеріальные интересы тѣхъ, кого они считали врагами добраго дѣла. Если рѣшались споры между господами и прислугою, или между работодателемъ и рабочими, то мировой судья считалъ своей обязанностью ставить препятствіе тираніи капитала и рѣшался даже забыть про свой официальный характеръ въ угоду присвоеннаго имъ же самому себѣ характера социаль-реформатора“¹⁾.

Уоллесъ прибавляетъ: „Къ счастью, этотъ невѣрный взглядъ народа на судъ и эти заблужденія со стороны судей начинаютъ

¹⁾ Томъ II, стр. 340.

быстро исчезать и, вѣроятно, вскорѣ будутъ причислены къ явленіямъ прошедшаго времени“ ¹⁾).

Несомнѣнно, что англійскій публицистъ мѣтко указаль на одну слабость мировыхъ судей первыхъ лѣтъ дѣйствія новаго суда, когда органы правосудія не могли противостоять противъ искушенія выместить на представителяхъ крѣпостного режима свою злобу на многіе дефекты русской общественной жизни, не сознавая, что если поблажки сильнымъ людямъ въ дореформенную эпоху вредили въ одномъ направленіи, то поблажки въ пользу другихъ классовъ могутъ со временемъ сказаться вновь нежелательными послѣдствіями.

Мировой судъ рѣшалъ не только мелкія гражданскія тяжбы и караль за мелкіе преступленія и проступки. Ему было также предоставлено право, о которомъ намъ приходилось говорить выше, — право оцѣнивать законмѣрность дѣйствій полиціи въ случаѣ обвиненія ею частныхъ лицъ въ неисполненіи ея требованій и предписаній, касающихся общественнаго благоустройства и безопасности. Это право въ извѣстныхъ случаяхъ не могло не повліять самымъ благотворнымъ образомъ на взаимоотношенія обывателей и полицейской власти, ибо служило средствомъ проведенія начала законности въ такой области русской жизни, которая ранѣе была почти недоступна для него. Населеніе чувствовало и сознавало, что есть сила, которая въ состояннн ограждать его противъ полицейскаго произвола, а поли-

¹⁾ На эту склонность мировыхъ судей, въ особенности 60-хъ годовъ, играть роль какихъ то социальныхъ реформаторовъ, указываетъ и Leroy Beaulieu въ указанномъ выше сочиненіи, т. II, стр. 343.

„Beaucoup de juges de paix se plaisaient à laisser voir ce que, en Russie comme en Occident, on appelle des idées avancées, beaucoup ne redoutaient point les thèses hardies, dont, jusqu'aux attentats des conspirateurs, la témérité même faisait la vogue. Ces élus de la noblesse, ces délégués de la propriété, étaient pour la plupart des libéraux épris du progrès, amis et admirateurs du peuple, beaucoup étaient démocrates et étaient hautement traités par leurs adversaires, quelque fois même par leurs électeurs, de radicaux, de niveleurs, de communistes. D'où venaient de tels penchants chez des magistrats ainsi choisis et triés? Ils venaient en partie de ce que la plupart des hommes qui, dans les premières années surtout, s'étaient voués à cette difficile mission, étaient d'ardents partisans des réformes, jaloux de contribuer pour leur faible part à la réalisation des rêves de leur patriotisme. Aux tendances démocratiques de la majorité des juges de paix, il y avait toutefois une autre explication, une raison plus générale et plus durable, le milieu, d'où sortait le plus grand nombre de ces magistrats élus, leur condition sociale, leur position de fortune. La plupart n'étaient pas riches et l'on rencontre parfois chez eux cette sorte de mauvais vouloir pour la richesse, cette espèce de secrète et inconsciente envie, qui en autres pays percent souvent dans les magistrats d'ailleurs les plus conservatrices*.

ція научилась признавать, что существуетъ не только начальство, но и нѣчто стоящее выше этого начальства. При культурной отсталости населенія 60-хъ годовъ эта воспитательная роль мирового суда, какъ охранителя законности въ повседневныхъ, хотя-бы и мелкихъ вопросахъ, должна была получить неизмѣримо важное значеніе. Можно только сожалѣть, что Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, вооружилъ мировой судъ сравнительно слабой карательной властью и налагаемая мировыми судьями легкія взысканія за нарушеніе правилъ благоустройства (о гигиенѣ, правилъ Устава строительнаго и т. д.) не дѣйствовали съ достаточной устрашающей силой на тѣхъ, кто въ несоблюденіи требованій, поставленныхъ во имя общественнаго интереса, находилъ выгоду для себя, что въ свою очередь давало полиціи основательный поводъ жаловаться на то, что ея усилія содѣйствовать улучшенію жизни въ городахъ, въ особенности крупныхъ, не встрѣчаютъ должной поддержки въ законѣ и со стороны того органа, который призванъ стоять за его соблюденіе.

Домовладѣльцы, торговцы, заводчики и т. д. предпочитали уплачивать незначительные денежные штрафы введенію тѣхъ, иногда дорого стоившихъ улучшеній въ домахъ, торговыхъ и промысловыхъ предпріятіяхъ, которыя были столь необходимы въ Россіи, отставшей въ отношеніи благоустройства отъ Западной Европы во многихъ отношеніяхъ. Полиція должна была, сложа руки, смотрѣть на такое отношеніе къ ея обязанностямъ по отношенію къ обществу. Слабая карательная власть превращала угрозу наказанія зачастую въ пустую формальность или насмѣшку. Намъ приходилось уже говорить о томъ, какъ на этой почвѣ происходили столкновенія между полиціей и мировымъ судомъ и въ другомъ мѣстѣ изданія приведены примѣры другихъ пререканій и недоразумѣній между двумя властями, которыя должны были служить одной цѣли, но которыя должны были исходить при борьбѣ съ противообщественнымъ эгоизмомъ частныхъ лицъ изъ двухъ различныхъ основаній, одна, держась формальной точки зрѣнія закона, другая, ставя на первый планъ соображенія цѣлесообразности.

Извѣстно, что мировой судья имѣлъ также право объявлять органамъ полиціи предостереженія въ случаѣ неисполненія законныхъ его требованій. Справедливость требуетъ признать,

что мировые судьи пользовались этимъ правомъ не всегда съ должной осмотрительностью и не мало сѣтованій полиціи на нецѣлесообразное и недостаточно обоснованное объявленіе предостереженій могли быть признаны не лишенными справедливости ¹⁾.

IV. Сравнительное вліяніе на общественный бытъ новаго процесса гражданскаго и процесса уголовнаго.

Реформа гражданскаго судопроизводства оказала несомнѣнно столь-же благотворное дѣйствіе на общественную жизнь, какъ и реформа судопроизводства уголовнаго, хотя не всѣ коренныя начала реформы съ одинаковой силой отпечатлѣлись на дѣятельности суда по гражданскимъ дѣламъ.

По самому существу разбиравшихся въ судѣ гражданскихъ дѣлъ устность процесса не могла быть проведена столь послѣдовательно, какъ въ процессѣ уголовномъ. Полное господство письменнаго производства принадлежало къ крупнѣйшимъ недостаткамъ дореформеннаго процесса и приводило къ крайней медленности въ ходѣ дѣлъ и къ развитію сухого формализма. Но при составленіи Судебныхъ Уставовъ не было признано возможнымъ провести въ гражданскомъ процессѣ начало устности во всѣхъ стадіяхъ процесса, ибо безъ всякихъ письменныхъ, объясненій, на основаніи однихъ устныхъ преній, рѣшеніе суда могло быть лишено достаточной ясности и опредѣлительности. Поэтому пришлось допустить извѣстную долю письменности, рискуя удлинить процессъ, осложнить ходъ дѣла, но, конечно, съ устраненіемъ всѣхъ тѣхъ мелочныхъ формальностей, которыя въ дореформенномъ процессѣ служили основаніемъ ко многимъ злоупотребленіямъ и были причиной безконечной волокиты. Въ гражданскомъ процессѣ не могло быть также проведено безусловно требованіе явки сторонъ и пришлось допустить въ широкой мѣрѣ участіе повѣренныхъ.

И допущеніе извѣстной доли письменности въ производствѣ, и отказъ отъ требованія явки сторонъ съ допущеніемъ замѣны

¹⁾ Ср. дѣло Мин. Юст. 1869 г. № 1608 (Сен. Арх.). Объ объявленіи предостереженій мировыми судьями —чинамъ полиціи.

ихъ повѣренными должны были по необходимости привести къ тому, что гражданскія дѣла рѣшались значительно медленнѣе, нежели уголовныя, и при обремененіи судовъ дѣлами, а такое обремененіе стало неминуемымъ по мѣрѣ того, какъ общественная жизнь начала идти болѣе быстрымъ шагомъ, по необходимости обнаружилась опять извѣстная волокита, напоминавшая въ иныхъ случаяхъ медленное движеніе тяжбъ по старымъ судамъ. Но на этотъ разъ виновниками волокиты не были судьи, которые работали, не покладая рукъ, а физическая невозможность совладать съ массой дѣлъ, которая возрастала изъ года въ годъ. Однако, несмотря на невольную медленность движенія гражданскихъ дѣлъ, гражданскій процессъ въ новыхъ его формахъ далъ населенію возможность стряхнуть съ себя извѣстную долю дѣловой неповоротливости. Что бы стало съ русской торговлей и русской промышленностью, если бы имъ пришлось имѣть и далѣе дѣло со старымъ судомъ въ вѣкъ, когда предпріимчивость пробуждалась, да и то не очень быстро, благодаря усовершенствованію путей сообщенія и различнымъ успѣхамъ техники ¹⁾, этого нельзя себѣ и представить. И безъ старыхъ судовъ—громадныя разстоянія, рѣдкость населенія и его отсталость въ культурномъ отношеніи ставили трудно преодолимая препятствія успѣху русскаго народнаго труда, несмотря на то, что съ оживленіемъ всего общественнаго обихода, появились и дѣятели съ должной и иногда даже слишкомъ смѣлой предпринимательской энергіей. Если бы на ногахъ этихъ проводниковъ успѣха въ хозяйствѣ висѣли еще гири старыхъ судебныхъ порядковъ, то и сотая доля скромныхъ успѣховъ не смогла бы обнаружиться. Только при хорошемъ судопроизводствѣ и возможно развитіе и благодѣтельное дѣйствіе кредита, и внѣ сомнѣнія, что ростъ акціонерныхъ предпріятій, частныхъ банковъ, страхового дѣла и т. д. сталъ возможнымъ лишь послѣ судебной реформы. Но, какъ всегда и вездѣ, такъ и здѣсь, успѣхъ былъ купленъ не даромъ. Предпріимчивость, нашедшая поле дѣятельности въ основаніи различныхъ кредитныхъ и фабричныхъ предпріятій, въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ (введеніе

¹⁾ О тѣхъ экономическихъ явленіяхъ, которыя сопровождали реформу въ области суда и самоуправленія въ 60-хъ годахъ и которыя дали всему русскому народному хозяйству новый обликъ—ср. статью „По поводу пересмотра законоположеній по судебной части“ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1894 г., кн. 12, стр. 41 и слѣд.

Судебныхъ Уставовъ совпало съ переходомъ отъ системы казенной постройки желѣзныхъ дорогъ къ системѣ передачи этого важнаго для Россіи дѣла частнымъ концессионерамъ, съ временемъ охоты за концессіями и грюндерской горячкой), получала нерѣдко и характеръ нездоровый и приносила иногда не только полезныя плоды, но и плевелы.

И до реформы были случаи раззоренія легковѣрныхъ хитрыми дѣльцами съ широкой совѣстью, но въ то неподвижное время такіе случаи были сравнительно рѣдки. Старыя кредитныя установленія, упраздненныя столь необдуманно въ моментъ приступа къ крестьянской реформѣ (сохранныя казны при опекунскихъ совѣтахъ), были главными хранителями частныхъ капиталовъ и здѣсь они лежали обезпеченно и въ полной неприкосновенности. Старыя кредитныя установленія были закрыты, отчасти для того, чтобы побудить капиталистовъ пустить свои средства въ промысловый оборотъ. Это исканіе помѣщенія для удаленныхъ изъ покойнаго хранилища средствъ привело къ тому, что не мало людей соблазнилось обѣщаніемъ богатыхъ барышей и бросилось въ объятія дѣльцовъ, готовыхъ помѣстить свободныя капиталы въ своихъ дѣлахъ, но давать имъ такое употребленіе, которое обогащало ловкихъ предпринимателей не безъ крупнаго ущерба, а то и съ раззореніемъ для кредиторовъ. Многія изъ коммерческихъ дѣлъ, затѣянныхъ и проведенныхъ въ Россіи въ эпоху введенія Судебныхъ Уставовъ, чуждались дневнаго свѣта и относились къ области, подвѣдомой суду уголовному, но были обставлены такими формами, что прокурорскій надзоръ не могъ наложить на нихъ свою руку, а уголовный судъ не призывался къ ихъ разбирательству.

Преобразованный гражданскій судъ также былъ не въ силахъ положить предѣлъ такимъ предпріятіямъ и тому способу обогащенія, который въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія создалъ въ нѣсколько лѣтъ громадныя состоянія, обездоловивъ не мало мелкихъ, или хотя и богатыхъ, но легкомысленныхъ людей.

Судъ долженъ былъ охранять законное владѣніе, пока не было доказано, что владѣніе имѣетъ своимъ источникомъ дѣянiе незаконное, а русское матеріальное гражданское право, недостаточное уже въ эпоху кодификаціи, стало еще болѣе неудовлетворительнымъ послѣ того, какъ со времени кодификаціи

прошло нѣсколько десятилѣтій. Новый судъ не могъ поступать такъ, какъ, въ такъ называемое доброе старое время, поступали власти, опекавшія обывателя, отбравшія не всегда, но все-таки иногда безъ суда и слѣдствія незаконно пріобрѣтенное богатство, и возвращавшія его тому, кто былъ его лишенъ съ соблюденіемъ хотя бы и всѣхъ формъ, но съ нарушеніемъ требованій этики ¹⁾).

Такимъ отечески благонамѣреннымъ путемъ, который могъ бы дѣйствительно привести къ открытію многихъ темныхъ дѣлъ, судъ пользоваться не могъ и нерѣдко ему приходилось отказывать въ искахъ по формальнымъ причинамъ, хотя, быть можетъ, тотъ же судъ сознавалъ, что истецъ правъ, а отвѣтчикъ сумѣлъ скрыть концы и самымъ безцеремоннымъ образомъ эксплуатировалъ довѣріе пострадавшаго. Не мало приходилось слышать жалобъ на то, что честный человѣкъ безъ вины страдаетъ и что сухой формализмъ суда не внемлетъ справедливымъ требованіямъ объ удовлетвореніи. Не мало высказывалось сѣтованій на то, что судъ слишкомъ узко и пассивно смотритъ на дѣло защиты правъ и вслѣдствіе этого охраняетъ только внѣшній призракъ правопорядка. Не всѣ жалобы были безпричинны, ибо въ извѣстныхъ случаяхъ судъ оказывался безпомощнымъ и долженъ былъ быть свидѣтелемъ вопіющихъ явленій, въ коихъ нечистоплотность чувствуется, но не можетъ быть доказана. Приходилось и приходится съ этимъ мириться, и возвращеніе къ старымъ инквизиторскимъ замашкамъ при-

¹⁾ Калмыковъ въ своихъ воспоминаніяхъ („Старый Судъ“. Русская Старина, 1886 г. № 12) рассказываетъ: „III Отдѣленіе преслѣдовало по своимъ понятіямъ кажущееся зло и, стремясь къ добру, отправляло во многихъ случаяхъ, ничѣмъ не стѣсняясь, и функціи судебныхъ мѣстъ. Такъ, оно опредѣляло вины лица по дѣламъ неполитическимъ, брало имущество подъ свою охрану, принимало по отношенію къ кредиторамъ на себя обязанности администраціи и входило нерѣдко въ разсмотрѣніе вопросовъ о томъ, когда и какъ нажили себѣ состояніе и какъ оно и въ какомъ видѣ сдѣлалось крупнымъ.

Услужливый и во всемъ зависящій отъ своего начальства слѣдователь непремѣнно, послѣ обыкновенныхъ вопросовъ о томъ, какъ ваше имя, отчество и фамилія и проч., перешелъ бы къ другимъ болѣе деликатнымъ и тонкимъ вопросамъ о томъ, получили ли вы отъ родителей вашихъ какое-либо состояніе и въ чемъ оно заключается и гдѣ оно находится, если нѣтъ, то какимъ способомъ вы нажили себѣ богатство, какія общества или лица сему способствовали, не потерпѣлъ ли кто, и въ особенности казна, какіе-либо убытки, чѣмъ вы можете оправдать и въ чемъ заключается ваше богатство, если въ процентныхъ и другихъ бумагахъ, то въ какихъ именно, гдѣ онѣ находятся, и при семъ вамъ объявляется, чтобы вы эти бумаги представили къ производящему слѣдствію или указали бы, гдѣ онѣ находятся, а въ противномъ случаѣ все имущество и сами вы будете подвергнуты аресту“.

вело бы несомнѣнно къ тому, что избобличены были бы нѣкоторыя широкія на чужой счетъ природы, но зато сталъ бы неустойчивъ весь строй имущественныхъ отношеній, который, правда, не всегда соотвѣтствуетъ этическимъ требованіямъ, но безъ котораго современное общество существовать не можетъ.

Не одни обыватели упрекали новый судъ въ томъ, что онъ понималъ роль судьи въ состязательномъ процессѣ слишкомъ узко, содѣйствуя иногда противъ воли судей торжеству неправды надъ правдой, если первую отстаивалъ ловкій человѣкъ, а за вторую боролся неумѣлый. И изъ среды самихъ судей раздался авторитетный голосъ, который призывалъ къ болѣе дѣятельному отношенію къ разбираемымъ дѣламъ. Боровиковскій, извѣстный комментаторъ Устава Гражданскаго Судопроизводства и авторъ богатаго содержаніемъ и оригинальныхъ мыслей труда „Отчетъ судьи“, настаивалъ на томъ, что состязательный процессъ во все не вмѣняетъ судью въ обязанность отказъ отъ помощи лицу, неумѣющему защищаться. „Правосудіе, писалъ онъ, не должно склоняться въ пользу того, кто не правъ, но и не того, кто лучше говорить, кто смышленнѣе и хитрѣе...“¹⁾

Не въ мѣру пассивное отношеніе къ спору сторонъ, выставляющихъ свои доказательства, приводило нерѣдко къ исходу гражданскихъ процессовъ, который доказывалъ справедливость извѣстнаго изреченія, что право можетъ превратиться въ неправое на формально безупречномъ законномъ основаніи.

Суду самому приходилось сомнѣваться въ справедливости своего рѣшенія, такъ какъ онъ оказывался зачастую связаннымъ закономъ настолько, что былъ лишенъ возможности выяснить обстоятельства дѣла въ должной полнотѣ. Боровиковскій въ одномъ мѣстѣ своего труда писалъ: „Ясно сознаешь, что для выясненія истины нужны были совсѣмъ другіе приемы да и надлежало бы рѣшить вовсе не тѣми нормами, какими обязанъ руководствоваться гражданскій судъ. Конечно, у насъ есть оправданіе: доказательства представлялись (либо не представлялись) въ порядкѣ, указанномъ Уставомъ, истецъ долженъ доказать свой искъ, отвѣтчикъ свои возраженія. Недоказанное считается несуществующимъ,—мы такъ и поступили, а затѣмъ

¹⁾ А. Боровиковскій. „Отчетъ Судьи“. Томъ III. Посмертное изданіе съ предисловіемъ А. Э. Кони. СПб. 1909 г., стр. 11 и слѣд.

къ установленнымъ такимъ образомъ фактамъ примѣнили законъ. И все-таки чувствуешь себя какъ бы невольнымъ пособникомъ какого-то грѣха...”

Въ Россіи эта неизбежная связанность суда формами, безъ которыхъ всякое судоговореніе превратилось бы въ произволь, принималась населеніемъ къ сердцу съ какимъ-то особымъ огорченіемъ, ибо русскій человѣкъ не любитъ преклоняться передъ формальными порядками. Извѣстное всякому юристу слово: „*summum jus, summa injuria*“ не соотвѣтствуетъ складу его мышленія. Писанное право своей холодной разсудочностью отталкиваетъ. У права и глаза завязаны и сердца нѣтъ.

Чѣмъ сложнѣе сплеталась съ экономическихъ отношеній послѣреформеннаго общества при новыхъ условіяхъ конкуренціи и хозяйственной дѣятельности, неудовлетворительно регулируемыхъ устарѣлымъ правомъ, которое прихрамывало за возникавшими новыми юридическими вопросами, никогда почти ихъ не нагоняя, чаще же отставая отъ нихъ, тѣмъ громче выражался и ропоть тѣхъ, кто полагалъ, что новый судъ сумѣетъ справиться съ дѣломъ во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что процессы рѣшались не такъ скоро, какъ того желали заинтересованныя лица, а тянулись по долгу, несмотря, на то, что исчезло множество инстанцій и осталось только безусловно необходимое ихъ число.

Жаловались и на дороговизну веденія процесса и на лишнія формальности и на слишкомъ узкую компетенцію мирового суда, болѣе близкаго населенію, вслѣдствіе чего окружные суды обременены массой дѣлъ, которыя могли бы рѣшаться проще и безъ той сложной процедуры, которая соблюдается въ общихъ судебныхъ установленіяхъ. Черезъ 17 лѣтъ послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ одинъ изъ мировыхъ судей представилъ министру юстиціи записку, въ которой онъ, на основаніи своего опыта, подвергъ критикѣ новые судебные порядки, какъ въ отношеніи дѣлъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, какъ въ области спорной, такъ и безспорной юрисдикціи.

Въ своей запискѣ о недостаткахъ существующаго судопроизводства этотъ мировой судья г. Родзевичъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее ¹⁾:

¹⁾ Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1879 г. № 5957

„Судя по газетамъ и журналамъ всѣхъ оттѣнковъ, слѣдовало бы думать, что наше судопроизводство и судоустройство верхъ совершенства,—что области не вполне еще осчастливленныя этими установленіями, съ нетерпѣніемъ чающихъ пришествія Спасителя ждутъ того времени, когда и для нихъ новая Фемида откроетъ свои объятія. Но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ наоборотъ. Ждутъ не дождутся этихъ объятій новой Фемиды только кандидаты на судебныя должности, граждане же всѣ безъ исключенія обращаютъ свои взоры назадъ въ прошлое и разсуждаютъ, что имъ куда лучше было съ уѣздными судами и если бы тѣ суды получали такія суммы, какими пользуются новыя установленія, то и говорить нечего, что они во сто разъ были бы удовлетворительнѣе новыхъ учрежденій, которыхъ главный недостатокъ состоитъ въ недоступности къ нимъ и въ безднѣ препятствій и затрудненій. Мнѣ, какъ участковому мировому судѣ, почти что не ежедневно приходится объяснять просителямъ, что дѣла, съ которыми они ко мнѣ обращаются, не подлежатъ моему вѣдѣнію, что имъ слѣдуетъ обращаться въ окружной судъ. „Въ окружной судъ, съ ужасомъ и удивленіемъ повторяютъ, махая рукою, да Богъ съ нимъ, это намъ не въ моготу—одна поѣздка за 200 верстъ чего будетъ стоить, а тамъ же что безъ адвоката, шагу не сдѣлаешь, а адвокатъ заломить такую сумму, что и все дѣло того не стоитъ“.

И такъ, бѣдный классъ людей, а такого болѣе, нежели богатаго, со своими маленькими дѣлами, но для нихъ столь-же дорогие, какъ для богатыхъ ихъ крупныя, остается безъ судебной защиты. Выдѣлы, раздѣлы, просроченныя завладѣнія, духовныя завѣщанія и прочее и прочее такъ и пропадаютъ по безуспѣшности.

А нотаріальная часть, приходится только удивляться, что это такое? Зачѣмъ законосоставители придумывали одни только затрудненія, одни препятствія, не имѣющія никакой цѣли и другого смысла, какъ только предоставленія наживы адвокатамъ и нотаріусамъ. Довольно сказать, что нужно пройти четыре-пять инстанцій, чтобы совершить передачу какого-либо имѣнія между свободными гражданами изъ однѣхъ рукъ въ другія и эта процедура нерѣдко обходится свѣше стоимости самого имѣнія.

Предъявить, на примѣръ, въ окружной судъ духовное завѣщаніе и по утвержденіи получить его обратно обходится въ

100 рублей одного адвокатскаго расхода, кромѣ пошлины, и что-же дѣлать, когда стоимость завѣщаемаго имѣнія бываетъ ниже этой суммы. Вообще въ новомъ судопроизводствѣ только одна уголовная часть удовлетворительна, хотя и тяжела, но зато Уставъ о нак., нал. мир. суд., никуда не годится. Въ Уставѣ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ гораздо болѣе точности, опредѣлительности и главное соразмѣрности, и за то изъ сопоставленія этихъ двухъ уставовъ выходитъ почти безобразіе, на примѣръ — крестьянинъ укралъ у крестьянина мѣшокъ пшеницы стоимостью въ 3 рубля, его за это волостной судъ оштрафуетъ однимъ рублемъ или посадить подъ арестъ на трое сутокъ; другой же мужикъ укралъ у такого-же мужика, но записаннаго въ мѣщане, мѣшокъ овса стоимостью въ 60 к., его мировой судья долженъ приговорить никакъ не менѣе, какъ на три мѣсяца въ тюрьму, — все равно, какъ если бы онъ укралъ четверку рабочихъ лошадей и тѣмъ бы разорилъ окончательно хозяина этихъ лошадей. Просто при опредѣленіи такихъ несоразмѣрныхъ наказаній руки опускаются — не знаешь, что и дѣлать. Нанесетъ, на примѣръ, вамъ какой-нибудь буянъ тяжкое оскорбленіе, мировой судья приговоритъ его къ аресту, съѣздъ утвердитъ приговоръ, а онъ въ Сенатъ — дѣло по крайней мѣрѣ кануло на три года, а буянъ еще 10 сдѣлаетъ новыхъ оскорбленій, но обиженные, видя, что ему сходитъ безнаказанно, такъ оставляютъ свою обиду, да еще задабриваютъ буяна, какъ мужики задабриваютъ конокрадовъ.

Въ общественномъ строѣ свободныхъ гражданъ первая потребность правильное и удободоступное регулированіе взаимныхъ гражданскихъ отношеній, — и такой же удободоступный судъ по крайней мѣрѣ для мелкихъ дѣлъ и для охраненія личности и имущества отъ буйства, самоуправства и другихъ безчинствъ однихъ гражданъ, противъ другихъ — всего этого можно было достигнуть, стоитъ только расширить кругъ дѣятельности мировыхъ судей — да поработать, при содѣйствіи людей практичныхъ, надъ исправленіемъ нѣкоторыхъ учреждений и уставовъ.

Зачѣмъ, на примѣръ, окружной судъ долженъ утверждать духовное завѣщаніе, или право наслѣдства, тогда какъ такимъ утвержденіемъ вовсе не достигается положительнаго укрѣпленія, ибо какъ завѣщаніе, независимо отъ этого утвержденія,

можетъ быть опровергнуто, такъ и вновь явившіеся наслѣдники могутъ устранить утвержденныхъ наслѣдниковъ. Для такихъ дѣлъ гораздо компетентнѣе мировой судья, какъ мѣстный гражданинъ, не только по документамъ, но и лично знающій какъ завѣщателей и наслѣдодателей, такъ и наслѣдниковъ.

Зачѣмъ, напримѣръ, нотариусы въ провинціяхъ съ таксой, которая имъ только служитъ ширмой для обиранія, тогда какъ свидѣтельствованіе всякихъ актовъ можетъ производиться въ камерѣ мирового судьи, который даже представляетъ гораздо болѣе гарантіи—какъ избранникъ всѣхъ сословій и имѣющій значительный имущественный цензъ. Крѣпостные же акты должны быть совершаемы при сѣздахъ мировыхъ судей.

И много, много подобнаго сему.

Конечно такимъ образомъ дѣятельность мирового судьи увеличится, но тутъ легко помочь горю. Земство охотно согласится удвоить, утроить число мировыхъ участковъ, лишь бы приобрѣсти такія юридическія удобства и освободиться отъ этой страшной эксплуатаціи, каковую производятъ адвокаты и нотариусы.

Намъ скажутъ, что мало людей, которые могли бы съ пользою отправлять должности мировыхъ судей. На это отвѣтъ: нужно создать и образовать хорошихъ судей.

Для сего нужно: 1) въ мировые судьи допускать такъ-же, какъ и въ члены окружныхъ судовъ, не иначе, какъ по прослуженіи не менѣе трехъ лѣтъ по мировымъ учрежденіямъ въ должностяхъ не ниже помощниковъ секретарей или письмоводителей участковыхъ мировыхъ судей (оставленіе мировыхъ судей безъ письмоводителей—безобразіе); 2) нѣтъ въ мірѣ чело-вѣка, который бы не стремился впередъ, а если такой и есть, то тотъ въ мировые судьи не годится,—вотъ поэтому и для мировыхъ судей должна быть перспектива къ лучшему и перспектива эта должна быть для него именно въ предѣлахъ его поприща, а тутъ-то легко устроить очень интересныя и благо-видныя перспективы, а ихъ теперь нѣтъ.

Однимъ словомъ, на поприщѣ юстиціи предстоитъ сдѣлать многое и кто это сдѣлаетъ, кто облагодѣтельствуетъ Россію удободоступнымъ, недорогимъ и скорымъ судомъ, тотъ заслужитъ великую благодарность и славу. Это болѣе значить, чѣмъ завоевать какую-либо область. Съ освобожденіемъ крестьянъ,

съ развивающеюся промышленностью и всякаго рода дѣятельностью представляется неотлагательная потребность въ такомъ судѣ: всѣ его жаждутъ, всѣ дожидають“.

Нехитростныя разсужденія мирового судьи одной изъ южныхъ губерній свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ разочарованіи, охватившемъ не только простыхъ обывателей, но и судейскій персоналъ.

V. Вліяніе реформы на развитіе матеріальнаго права.

Да и странно было бы утверждать, что преобразование суда не лишено было недостатковъ и что судъ во всѣхъ отношеніяхъ вель дѣло безукоризненно, никогда не ошибался, что всѣ его рѣшенія и приговоры были безусловно справедливы и не могли вызывать критики и притомъ критики основательной. Всѣмъ извѣстна поговорка, что не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаеть. Новый судейскій персоналъ, равно какъ и чины прокуратуры, работали съ усердіемъ, равное которому трудно было найти, не говоря уже про дореформенную Россію, въ другихъ сферахъ Россіи обновленной. Неправильныя рѣшенія или приговоры, грѣшившіе противъ формы, буквы или разума закона, имѣли своимъ источникомъ не недобросовѣстность, а тѣмъ менѣ корыстолюбіе, а лишь неправильную оцѣнку тѣхъ дѣйствій или фактовъ, которые служили объектомъ сужденія. Такія ошибки возможны вездѣ, гдѣ дѣйствуютъ люди, уплачивающіе дань человѣческой слабости, связанные въ своихъ сужденіяхъ съ понятіями той среды, изъ которой они вышли и въ которой они воспитаны, со взглядами на различныя явленія человѣческой жизни, которые образовались и укрѣпились у нихъ въ теченіе долголѣтней службы. Эти промахи и недочеты были тѣмъ болѣе понятны, что новый судъ не получилъ въ свои руки новыхъ законовъ, а долженъ былъ руководствоваться устарѣвшимъ матеріальнымъ правомъ.

Сознаніе необходимости сдѣлать возможнымъ примѣненіе этого устарѣвшаго, неполнаго, противорѣчиваго матеріальнаго права въ условіяхъ пореформенной жизни побудило не только судъ, преимущественно высшій (кассационные департаменты),

широко воспользоваться правомъ толкованія, но и заставило дѣятелей науки придти на помощь суду своими коментаріями и научными изслѣдованіями, основанными какъ на внимательномъ изученіи правовыхъ потребностей родины, такъ и на изученіи теоріи и практики болѣе культурныхъ странъ.

Что наше уголовное право, сведенное въ цѣлое, преимущественно въ Уложеніе о Наказаніяхъ 1845 года, по недоразумѣнію названномъ „уложеніемъ“, не удовлетворяло требованіямъ времени, въ этомъ рѣдко кто сомнѣвался до реформы, и въ томъ приходилось убѣждаться чуть не ежедневно послѣ ея проведенія.

Н. С. Таганцевъ еще въ молодости своей (въ 1873 г. въ одной статьѣ въ Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права ¹⁾) указалъ на главные недостатки Уложенія, которые не могли не поставить судъ въ самое тяжелое положеніе: на отсутствіе общихъ началъ, на постоянныя противорѣчія различныхъ постановленій, на отсутствіе гармоніи между отдѣлами, неопредѣленность и неустойчивость взглядовъ на понятіе о преступленіи, на условія наказуемости и т. д. Другой изъ выдающихся русскихъ криминалистовъ Н. Д. Сергѣевскій въ своемъ курсѣ „Русское Уголовное Право“ ²⁾ говоритъ, что позднѣйшіе, отчасти предшествовавшіе судебной реформѣ, отчасти слѣдовавшіе непосредственно за изданіемъ Судебныхъ Уставовъ, измѣненія и пересмотры Уложенія, совершавшіеся въ 1857 и 1866 гг. при условіяхъ несравненно лучшихъ, нежели тѣ, при коихъ работалъ Блудовъ и его сотрудники, не только не исправили Уложенія и не устранили его недостатковъ, но внесли еще большую рознь и несоотвѣтствіе отдѣльныхъ опредѣленій. Только пересмотръ 1885 года, т. е. исполненный черезъ 20 лѣтъ послѣ реформы суда представлялъ, по словамъ Сергѣевскаго, внимательную и послѣдовательно проведенную реформу, предыдущіе-же пересмотры сводились къ измѣненію текста отдѣльныхъ статей, безъ всякаго приведенія ихъ въ соотвѣтствіе съ другими статьями родственнаго содержанія.

И этотъ т. н. кодексъ связывалъ судъ, не давалъ ему свободы при опредѣленіи мѣры наказанія, навязывалъ ему пре-

¹⁾ „Уложеніе о Наказаніяхъ, его характеристика“. Журн. Гражд. и Угол. Права 1873 г. I, стр. 5 и слѣд.

²⁾ Часть Общая, изд. 6-е, стр. 26.

словутую лѣстницу наказанія. Чѣмъ дольше работалъ судъ, тѣмъ настоятельнѣе выражалось требованіе въ новомъ уголовномъ кодексѣ. Онъ, какъ, извѣстно, появился лишь въ 1903 году.

Въ критическое время, когда суду приходилось оправдывать себя, оправдать довѣріе Монарха, приобрести довѣріе общества и отпарировать недоброжелательство и нерѣдко злобные упреки любителей старины, судъ долженъ былъ справляться съ задачей согласованія матеріальнаго права крѣпостнической Россіи съ условіями жизни страны, проснувшейся отъ спячки и не могшей сразу освоиться съ новой свободой. Введеніе суда скораго, справедливаго, милостиваго требовало наискорѣйшей реформы карательныхъ установленій, тюремъ и другихъ мѣстъ заключенія, а равно ссылки и каторги, зачастую походившихъ, первая на ямы Московскаго времени, а вторыя на внѣ государства стоявшія поселенія съ царствомъ безответственнаго и ничѣмъ необузданнаго произвола. Всѣмъ было извѣстно, что тюрьма не исправляла преступника, а гасила въ немъ послѣднюю искру сознанія зла и что выходя изъ тюрьмы онъ былъ болѣе испорченнымъ и болѣе опаснымъ для общества существомъ, чѣмъ въ моментъ произнесенія приговора. Однако, улучшеніе мѣстъ заключенія заставило себя ждать. Не малое число оправдательныхъ вердиктовъ объяснялось опасеніемъ присяжныхъ засѣдателей, что признаніе подсудимаго виновнымъ будетъ имѣть результатомъ окончательную нравственную порчу въ тюрьмахъ, получившихъ прозвище „академіи преступности“. Оживленіе работы мысли въ области тюремовѣдѣнія, приведшее по истеченіи нѣкотораго времени къ улучшенію, но далеко еще не достаточному, мѣстъ заключенія, устройство новыхъ видовъ мѣстъ заключенія или исправительныхъ заведеній (въ особенности для малолѣтнихъ преступниковъ), а равно принятіе мѣръ для огражденія лицъ, выпущенныхъ изъ тюремъ противъ возврата къ преступной дѣятельности, столь возможнаго въ виду отчаяннаго положенія отбывшаго наказанія и клейменнаго прошлымъ человѣка, были послѣдствіемъ судебной реформы и отчасти результатомъ трудовъ суда во имя человѣколюбія.

Если уголовный судъ имѣлъ дѣло съ кодексомъ, хотя и весьма неудовлетворительнымъ, но по крайней мѣрѣ полнымъ, можетъ быть чрезвычайно объемистымъ и казуистичнымъ, то

судъ гражданскій долженъ былъ обращаться къ частямъ Свода Законовъ еще болѣе отставшимъ отъ требованій времени.

И. Д. Кавелинъ въ статьѣ № 223 газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1863 г. ¹⁾ писалъ: „Съ большимъ вниманіемъ и нетерпѣніемъ ожидаютъ у насъ вездѣ новыхъ судебныхъ порядковъ. Не мы, конечно, будемъ находить такое нетерпѣніе преждевременнымъ или неестественнымъ. Относительно нашего теперешняго суда можетъ быть только одно мнѣніе, а никакъ не два, и горячее желаніе видѣть его упраздненнымъ, и новый постановленнымъ на его мѣсто, слишкомъ оправдывается множествомъ причинъ, всѣмъ коротко извѣстныхъ. Новое устройство суда, новый порядокъ судопроизводства подыметъ съ удвоенной силой и теперь уже отчасти возбужденный вопросъ о новомъ сводѣ законовъ или уложеніи. Ожидаемый судъ будетъ, надо надѣяться, дѣйствовать быстрѣе теперешняго; также точно очень вѣроятно, что число судебныхъ дѣлъ значительно увеличится, когда судъ станетъ доступнѣе, ближе, чѣмъ теперь, и внушитъ къ себѣ болѣе довѣрія. Спрашивается, что будутъ дѣлать при такихъ условіяхъ судьи, обязанные дѣйствовать быстро, а между тѣмъ заваленные процессами? Какимъ образомъ они будутъ руководствоваться нашими законами, въ теперешней ихъ редакціи? Это очень трудный вопросъ, такой трудный, что и не придумаешь, какъ его рѣшить. Не говоря уже о противорѣчіяхъ, наши законы не полны, не точны, обнимаютъ болѣею частью случаи, а не общія правила, смѣшиваютъ обязательное положеніе съ мотивами или поводами и административными подробностями. Тѣ изъ нихъ, которые собраны въ своды, расположены по неудовлетворительной системѣ, относящіяся къ этому предмету разбросаны по разнымъ книгамъ и томамъ, повторяются въ несходныхъ редакціяхъ по нѣскольку разъ, а между тѣмъ, они должны быть примѣняемы непремѣнно буквально. Какъ тутъ быть и какъ судьямъ дѣйствовать?“

А 19 лѣтъ спустя въ рядѣ статей въ Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права 1882 и 1883 г. г. ²⁾ знаменитый юристъ, привѣтствуя приступъ къ составленію новаго гражданскаго уложенія, между прочимъ, писалъ: „Наконецъ поднять и

¹⁾ Статья помѣщена въ Собраніи сочиненій Кавелина, т. IV.

²⁾ Эти статьи также перепечатаны въ IV томѣ Собранія сочиненій.

у насъ самимъ правительствомъ вопросъ о коренномъ преобразованіи нашихъ устарѣлыхъ, крайне дурно изложенныхъ гражданскихъ законовъ. Первая часть X тома Свода Законовъ, содержащая въ себѣ „Законы Гражданскіе“, какъ извѣстно, не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ. По содержанію она гораздо болѣе принадлежитъ къ исторіи законодательства, или даже къ археологіи, чѣмъ къ юриспруденціи. Система, по которой расположены наши гражданскіе законы въ Сводѣ, уже тогда, когда онъ былъ впервые изданъ, т. е. пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, не отвѣчала ни наукѣ, ни запросамъ практики; что же касается до редакціи, то она, вмѣсто того, чтобы улучшаться съ каждымъ новымъ изданіемъ Свода, становилась хуже и хуже. Принятый въ бывшемъ Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи странный способъ дополненія и измѣненія законовъ, болѣе напоминавшій переплетное мастерство, чѣмъ кодификаціонныя работы, запуталъ и исказилъ редакцію до того, что самые опытные практики теряются и не сознаютъ, какъ поступать при разрѣшеніи частныхъ случаевъ. Къ тому надо еще прибавить, что по своему назначенію, Сводъ Законовъ представляетъ лишь систематическій сборникъ дѣйствующихъ постановленій, а послѣднія издавались въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ (съ 1649 года) въ самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко другъ другу противорѣчащихъ направленіяхъ, всего чаще подъ вліяніемъ минутныхъ и случайныхъ внушеній, безъ всякаго соображенія съ несомнѣнными юридическими принципами. Все это объясняетъ, почему нашъ Сводъ гражданскихъ законовъ представляетъ нѣчто невообразимо хаотическое, ставитъ наши новые суды въ тупикъ, сбиваетъ ихъ съ толку и не даетъ выработаться и сложиться у насъ правильной, стройной, послѣдовательной судебной практикѣ, составляющей всюду необходимую опору при примѣненіи закона, и естественное его дополненіе“.

Къ какому бы отдѣлу X тома ни обращался судъ, къ наследственному ли праву или къ праву семейному, къ вещному, или къ обязательственному—вездѣ пробѣлы, недомолвки, противорѣчія. Если приходилось сравнивать эти отдѣлы съ точки зрѣнія степени ихъ неудовлетворительности, то оказывалось, что тотъ отдѣлъ, который долженъ былъ сыграть самую важную роль въ обновленномъ гражданскомъ обиходѣ: право обязатель-

ственное . былъ самымъ слабымъ изъ всѣхъ и по содержанию самымъ скуднымъ. Законодатель не скрывалъ, что ему эта скудость права была извѣстна и въ самихъ Судебныхъ Уставахъ онъ призывалъ судъ себѣ на помощь. Ст. 9 Уст. Гр. Суд. вооружила судъ правомъ въ случаѣ неясности, неполноты, недостатка или противорѣчій законовъ основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ. Предоставляя это право суду и налагая на него обязанность рѣшать подлежащія его вѣдѣнію дѣла не иначе, какъ по точному разуму законовъ дѣйствующихъ, не испрашивая подъ предлогомъ неясности или неполноты закона разъясненій высшихъ мѣстъ, законодатель, по словамъ журнала Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ Государственного Совѣта, преслѣдовалъ цѣль по преобразованіи судебной части совершенно отдѣлить судебную власть отъ законодательной, которая при старомъ порядкѣ сливались другъ съ другомъ, ибо съ одной стороны власть законодательная, по существу своему имѣющая цѣлью охраненіе пользы цѣлаго общества, предоставлялась суду, рѣшающему споры частныхъ лицъ, тогда какъ примѣненіе закона къ частному случаю, исключительно принадлежащее суду, предоставлялось той же власти, которую установленъ самый законъ.

Судъ усердно исполнялъ возложенную на него задачу. Въ другомъ отдѣлѣ этого изданія очерчена правотворческая дѣятельность новыхъ судебныхъ установленій, въ особенности касационныхъ департаментовъ Сената. Однако законодатель сознавалъ, что одному суду справиться съ дѣломъ исправленія нашего гражданского права невозможно, ибо, при крупныхъ недостаткахъ X тома, выясненіе общаго смысла закона не всегда удавалось. Отдѣльныя рѣшенія Сената по частнымъ случаямъ, до него доходившимъ, могли сами противорѣчить одно другому и могли играть только роль вѣхъ на пути къ созданію новаго и цѣльнаго кодекса.

Отечественное гражданское право требовало не однихъ дополненій, но коренной переработки. Чѣмъ дольше и усерднѣе работалъ новый судъ, тѣмъ явственнѣе становилась эта необходимость ¹⁾.

¹⁾ Затруднительное положеніе, въ которое былъ поставленъ судъ при примѣненіи устарѣвшаго и неполнаго гражданского права, сведеннаго въ одно лишь внѣшнее цѣлое въ X томѣ Св. Зак., вызывало жалобы самихъ судей и притомъ не только высшихъ.

Законодательная власть колебалась при рѣшеніи вопроса, съ чего начать переработку гражданского права и рѣшила, что прежде всего требуется пересмотръ обязательственнаго права, хотя и наслѣдственное право представлялось далеко не удовлетворительнымъ. Что касается послѣдняго, то признавалось возможнымъ отложить его пересмотръ ¹⁾.

VI. Вліяніе реформы на развитіе юридической науки.

Такимъ образомъ судебная реформа и основанная на новыхъ началахъ дѣятельность судебныхъ установленій послужили толчкомъ къ пересмотру уголовныхъ и гражданскихъ законовъ. Дѣло, само по себѣ, крайне сложное и кропотливое, которое не поддается скорому рѣшенію, хотя бы въ него вложился весь энтузіазмъ дѣятелей судебной реформы, затянулось на десятилѣтія и нынѣ еще Россіи приходится довольствоваться какъ старымъ Уложеніемъ, такъ и X томомъ.

Эта медленность и понятна, если принять во вниманіе, что въ 60-хъ годахъ нельзя было располагать достаточнымъ запасомъ теоретически и практически подготовленныхъ юристовъ, необходимымъ для исполненія громадной работы. Система и методъ работы, принятые Сперанскимъ въ началѣ царствованія Императора Николая I, не могли бы достигнуть цѣли, разъ приходилось составлять не Сводъ, а создавать кодексъ. Весь комплектъ подготовленныхъ юристовъ почти цѣликомъ пошелъ на замѣщеніе должностей по судебному вѣдомству. Приходилось назначать даже весьма молодыхъ людей на отвѣтственныя мѣста. Возложить на этихъ судебныхъ дѣятелей еще работу по составленію проекта кодекса было невозможно, ибо всѣ ихъ

Одинъ изъ судебныхъ дѣятелей перваго призыва, и. д. предсѣдателя Острогожскаго окружного суда Кушовъ, въ 1874 г. представилъ министру юстиціи обширную записку, съ цѣлью выяснить причины, по коимъ возникаютъ недоразумѣнія при рѣшеніи въ судебныхъ установленіяхъ различныхъ правовыхъ вопросовъ (Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1874 г. № 258). Кушовъ остановился преимущественно на отдѣлѣ X тома, обнимающемъ вещное право.

¹⁾ Относительно пересмотра статей I части X тома Св. Зак. Гражд. см. Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1869 г. № 3130. Ср. также дѣло Мин. Юст. 1868 г. № 7121.

силы должны были сосредоточиться на текущемъ трудѣ суда. Юристы же теоретики должны были погрузиться въ научную работу, которая предъявляла къ нимъ все возраставшія требованія. На нихъ лежала отвѣтственная обязанность подготовить новые свѣжіе кадры для того времени, когда Верховная власть признаетъ возможнымъ распространить дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ на всю территорію государства.

Что судебная реформа должна была оказать глубокое вліяніе на юридическую литературу— этого доказывать не приходится. За рѣдкими исключеніями (какъ напр. криминалистъ Баршевъ) всѣ представители русской юриспруденціи сознавали всѣ неудовлетворительныя стороны дореформеннаго судебного строя. Выше намъ приходилось говорить, что судебная реформа не нуждается, ради вящшаго возвеличенія ея значенія, въ пренебрежительныхъ отзывахъ о людяхъ науки, работавшихъ въ области правовѣдѣнія въ эпоху, когда научной мысли, благодаря общимъ условіямъ государственнаго быта, не былъ открытъ должный просторъ, и честно потрудившихся несмотря на невзгоды жизни, подготовившихъ тѣхъ, которые, ставъ на ихъ плечи, освѣтили свѣточемъ науки многіе темные углы русскаго юридическаго быта и, пользуясь большею свободою критики, указывали и законодателю и обществу пути къ усовершенствованію роднаго права.

Университетская реформа, какъ уже сказано выше, расширила кругъ юридическаго преподаванія. Послѣ ея проведенія правительство отправило рядъ молодыхъ людей за границу, и если далеко не во всѣхъ университетахъ и не всегда всѣ кафедры на юридическихъ факультетахъ были замѣщены (отчасти благодаря неудовлетворительному порядку пріобрѣтенія ученыхъ степеней, который уже самъ по себѣ недостаточно твердый, сталъ вскорѣ нарушаться или соблюдаться отнюдь не такъ, какъ того требовалъ законодатель, благодаря чему былъ открытъ просторъ профессорскому произволу и факультетскому nepотизму, устрашавшихъ немалое количество молодыхъ ученыхъ, предпочитавшихъ другія карьеры поприщу университетскаго преподавателя, столь тернистому вездѣ, но въ особенности въ Россіи), то число ученыхъ юристовъ всетаки сравнительно быстро начало расти и устраненіе изъ университетовъ цензурнаго гнета (ибо университетамъ было предоставлено право са-

мимъ цензуровать труды своихъ членовъ и питомцевъ) двинуло научную мысль на путь болѣе смѣлаго развитія.

Пореформенная юриспруденція получила въ свои руки такой матеріаль для изслѣдованія, который былъ совершенно неизвѣстенъ юристамъ стараго времени: рѣшенія Кассационнаго Сената, въ которомъ работали люди не чуждавшіеся науки, а уважавшіе ее и нерѣдко сами вносившіе свой вкладъ въ общую сокровищницу.

Творцы Судебныхъ Уставовъ использовали указанія науки права на условія и требованія правильной постановки судебного дѣла, но это пользование наукой не осталось безъ возмездія съ ихъ-же стороны, ибо результатъ ихъ трудовъ въ свою очередь далъ представителямъ науки пищу для плодотворной теоретической работы, побуждая теоретиковъ къ углубленію въ сложныя проблемы взаимодействія судебной практики и жизни, къ изученію правового творчества въ судахъ и медленнаго процесса приспособленія отсталаго отечественнаго права къ новымъ условіямъ общественнаго строя ¹⁾.

Въ 1896 году былъ отпечатанъ II томъ подготовительныхъ матеріаловъ Высочайше учрежденной комиссіей для пересмотра законоположеній по судебной части, въ которомъ содержится систематическій указатель русской литературы по судопроизводству и судоустройству, гражданскому и уголовному, до 1896 года, составленный А. Поворинскимъ. Указатель обнимаетъ 11.559 номеровъ. Конечно, не подъ каждымъ № указано научное изслѣдованіе (крупное или небольшое). Одно и тоже сочиненіе указано въ указателѣ нѣсколько разъ въ различныхъ мѣстахъ. На ряду съ крупными по содержанию (независимо отъ объема) тру-

¹⁾ А. Х. Гольмстенъ („Участіе представителей юридической науки въ отправленіи гражданскаго правосудія“. Актовая рѣчь 8 февраля 1905 г. Юридическія изслѣдованія и статьи. Томъ II), называетъ юридическую науку и правосудіе двумя могучими рычагами общественнаго механизма. „Интересы науки права, говоритъ онъ, не исчерпываются удовлетвореніемъ пытливости и любознательности человѣческаго ума; въ интересъ ея входитъ и общественное служеніе, между прочимъ, содѣйствіе дѣлу отправленія правосудія; правосудіе же прямо не достижимо безъ помощи и содѣйствія науки права“.

Авторъ указываетъ на то, что послѣ судебной реформы связь между наукой права и правосудіемъ въ Россіи стала болѣе близкой и въ томъ отношеніи, что въ нашу практику начало пробивать себѣ путь обращеніе судовъ и тяжущихся за заключеніемъ къ ученымъ юристамъ, сыгравшее немаловажную роль на западѣ Европы.

„Великая судебная реформа 1864 г., снявшая съ суда и тяжущихся оковы безумнаго формализма, предоставившая каждому изъ нихъ, въ предѣлахъ лежащей на немъ задачи, свободу дѣйствій, пріоткрыла двери суда заключеніямъ ученыхъ—юристовъ.“

дами указаны и мелкія статьи, изъ которыхъ многія не имѣютъ цѣны. Однако, если и вычесть эти сомнительныя величины изъ общаго итога, то результатъ окажется не малымъ. Если провести черезъ эту массу литературнаго матеріала хронологическую черту: 1864, то нельзя не убѣдиться въ томъ, что ростъ юридической литературы за послѣднее пятидесялѣтіе былъ быстрый.

Въ указателѣ Поворинскаго не указаны произведенія, относящіяся къ другимъ отраслямъ юриспруденціи, иначе пришлось бы трудолюбивому составителю прибавить еще цѣлый томъ.

По мѣрѣ распространенія дѣйствія Судебныхъ Уставовъ на все большее пространство территоріи, растутъ и литература и въ общую массу произведеній вносятъ свою можетъ быть и скромную лепту и обыватели отдаленныхъ мѣстностей, даже медвѣжьихъ угловъ. Пишутъ не только корифеи науки, или выдающіеся по таланту судьи, прокуроры, сенаторы, сановники до министровъ юстиціи включительно, пишутъ и присяжные повѣренные, именитые и менѣе извѣстные, пишутъ и заурядные, скромные дѣятели судебного вѣдомства, и члены окружныхъ судовъ, и слѣдователи, и товарищи прокуроровъ и молодые кандидаты на судебныя должности.

Не говоримъ уже про то, что судъ и его дѣятельность, его недостатки и достоинства, промахи и успѣхи, давали и даютъ возможность и публицистамъ и журналистамъ, наполнившимъ столбцы газетъ и страницы журналовъ своими замѣтками, статьями, хроникой и обзорами, выступать со своими совѣтами и упреками, хвалой или хулой, не всегда основанной на знаніи дѣла, но нерѣдко подмѣчавшихъ то, что оставалось незамѣченнымъ теоретическимъ умомъ или глазомъ, привыкшимъ къ судебской жизни и ея сутолокѣ.

И доброжелательство, и гнѣвъ, и честное стремленіе къ безпристрастію, и отуманенная предразсудками или личными разочарованіями страсть говорили въ прессѣ періодической и неперіодической, раздражая иныхъ, гнѣвая другихъ, приводя въ безпокойство третьихъ, дорожившихъ новымъ судомъ, успокаивая и радуя сегодня, тревожа завтра.

Если сравнить нашу юридическую литературу, относящуюся къ тѣмъ областямъ юриспруденціи, которыя въ своемъ развитіи стоятъ въ ближайшей связи съ движеніемъ судебной реформы

и примѣненіемъ началъ Судебныхъ Уставовъ въ жизни, съ юридической литературой западно-европейскихъ государствъ, гдѣ на ея развитіе также имѣла вліяніе всякая крупная реформа въ области права уголовного и гражданскаго, какъ матеріальнаго, такъ и процессуальнаго, то бросается въ глаза, одна особенность именно русской литературы. Число крупныхъ по объему научныхъ трудовъ, системъ, курсовъ, монографій сравнительно не велико ¹⁾. Надъ книгами преобладаетъ журнальная статья, какъ въ органахъ періодической прессы спеціальнаго характера, такъ и въ журналахъ общелитературныхъ.

Всѣмъ извѣстны имена такихъ криминалистовъ, какъ Таганцевъ, Сергѣевскій, Фойницкій, Неклюдовъ, Случевскій, къ коимъ по заслугамъ приближаются, но имъ не равны—Тальбергъ, Кистяковскій, Демченко, Колоколовъ, Духовской (мы не называемъ именъ другихъ живыхъ или молодыхъ криминалистовъ). Намъ всѣмъ извѣстны имена крупнѣйшихъ послѣреформенныхъ цивилистовъ: Побѣдоносцева, Дювернуа, Цитовича, Гольмстена, Малышева, Муромцева. Всякій русскій юристъ знаетъ имена юристовъ практиковъ, которые обогатили русскую юридическую литературу трудами, безъ коихъ не обойдется никто, ни начинающій работу, ни продолжающій ее: Буцковскаго, Боровиков-

¹⁾ На сравнительно малое число самостоятельныхъ сочиненій въ области юриспруденціи указываетъ и извѣстный противникъ судебной реформы 1864 г. В. Фуксъ въ ст. „Реформа реформы 1864 г.“ (Русскій Вѣстникъ 1887 г. Августъ).

Онъ приводитъ слѣдующую таблицу, составленную на основаніи данныхъ, отчасти сообщенныхъ Н. В. Муравьевымъ, отчасти заимствованныхъ изъ Указателя по дѣламъ печати, издававшагося Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати.

Таблица Фукса обнимаетъ данныя за 1874—1882 г.г.

	Сборниковъ и указателей.	Самостоятель- ныхъ сочиненій.	В С Е Г О.
Въ 1874 г. издано	68	38	106
„ 1875 „ „	64	43	107
„ 1876 „ „	48	35	83
„ 1877 „ „	48	45	93
„ 1878 „ „	57	54	111
„ 1879 „ „	45	42	87
„ 1880 „ „	50	68	118
„ 1881 „ „	27	41	68
„ 1882 „ „	37	59	96

Фуксъ предлагалъ, въ видахъ оживленія научной дѣятельности въ области юриспруденціи, учредить особую Юридическую Академію, которая имѣла бы задачей споспѣшествовать правильному и всестороннему развитію въ Россіи юридическихъ наукъ вообще и обработкѣ русскаго права въ частности.

скаго и Кони. Однако, принимая во вниманіе, что со времени изданія Судебныхъ Уставовъ прошло уже полустолѣтіе, приходится всетаки сказать, что число дѣйствительно крупныхъ ученыхъ, оставившихъ неизгладимые слѣды въ литературѣ права, не такъ велико, какъ того можно было ждать. У насъ не любятъ печататься многіе, кто можетъ быть имѣлъ бы сказать вѣское слово. Извѣстная мнительность, болѣзненно-чуткое отношеніе къ пробѣламъ собственнаго знанія, заставляютъ многихъ молчать или хранить плодъ своихъ трудовъ въ письменномъ столѣ.

Юриспруденція въ Россіи развивалась также благодаря трудамъ, обыкновенно къ литературѣ права не причисляемымъ, но имѣвшимъ громадное вліяніе на нее. Рядъ образцовыхъ заключеній оберъ-прокуроровъ Кассационнаго Сената, напутственныхъ резюме нѣкоторыхъ предсѣдателей окружнаго суда, обращенныхъ къ присяжнымъ, рѣчи прокуроровъ и первоклассныхъ защитниковъ или представителей интересовъ гражданскихъ истцовъ, напечатанныя въ газетахъ, журналахъ или появившіяся особыми книгами, все это были факторы, будившіе и волновавшіе мысль и теоретиковъ, вызывая ихъ на возраженія и споръ.

На недостатокъ въ числѣ крупныхъ или систематическихъ трудовъ въ области уголовного и гражданского права указалъ еще покойный И. Я. Фойницкій въ статьѣ, напечатанной въ Журналѣ Гражд. и Уголовнаго Права 1879 г. № 6 ¹⁾ по случаю 15-лѣтія со дня изданія Судебныхъ Уставовъ. Она озаглавлена: „Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и мѣры къ ихъ сокращенію“. „Какъ ни молода, писалъ Фойницкій, наша судебная реформа, но она уже имѣетъ свою, и именно пятнадцатилѣтнюю исторію. Правда, въ теченіе этого непродолжительнаго времени общественное мнѣніе еще не успѣло выяснить себѣ, а тѣмъ менѣе, высказаться о всѣхъ ея частностяхъ, разъ, потому, что: „нормальная“ въ глазахъ закона 20 ноября, обстановка новой судебной системы, далеко еще не установилась въ жизни, и два—потому, что до сихъ поръ голоса наиболѣе компетентныхъ, которые могли бы сказать вѣское слово о Судебныхъ Уставахъ, высказываются неохотно и лишь на половину, вслѣдствіе нежеланія породить недомысліе и дать поводъ думать, будто ими требуется общій

¹⁾ Статья перепечатана въ 11 томѣ сборника „На досугѣ“. СПБ. 1900 г.

пересмотръ этого великаго памятника законодательства. Они— правильно или неправильно, другой вопросъ—убѣждены, что наставліе нынѣ дни крайне неблагопріятны для такого пересмотра и оставляютъ за собою только оборонительную дѣятельность, но даже съ обороною они рѣже и рѣже выступаютъ публично, подавленные ли стеченіемъ въ послѣднее время цѣлаго ряда условій, неблагопріятныхъ для юриспруденціи, пришедшіе ли къ печальному убѣжденію въ бесполезности такой публичной обороны, или просто поставленные въ фактическую невозможность высказать свое свободное слово, мы не знаемъ“.

Слова покойнаго ученаго сказаны были въ эпоху, которую его товарищъ по факультету А. Д. Градовскій назвалъ въ извѣстномъ сборникѣ статей „Трудными годами“.

Съ 60-хъ годовъ растетъ число комментарій къ отдѣльнымъ частямъ нашего Свода. Въ особенности усердно комментируются Судебные Уставы, X томъ и Уложеніе о Наказаніяхъ. Частныя изданія этихъ памятниковъ законодательства съ объясненіями и съ подстатейнымъ приложеніемъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ въ настоящее время могутъ составить цѣлую бібліотеку.

Одинъ изъ авторитетнѣйшихъ русскихъ юристовъ К. П. Побѣдоносцевъ въ предисловіи къ своему „Судебному Руководству“ (изд. 1872 г.) объясняетъ причины, побуждающія къ систематическому комментированію нашихъ законовъ, долженствующему хотя бы нѣсколько облегчить задачу судей. „Сборники положеній, современемъ, извлеченныхъ изъ одной только судебной практики, могутъ представить для той же практики удовлетворительныя руководства; ибо наша практика сама еще не утвердилась на прочныхъ основаніяхъ и не успѣла для себя выработать твердыхъ руководственныхъ началъ. Иначе и быть не могло, потому, что судебная практика не имѣетъ у насъ позади себя опоры ни въ цѣльномъ систематически сложившемся законодательствѣ, ни въ школѣ вѣкового опыта и переходящихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію преданій. Въ ожиданіи пока явится то и другое, наша практика поневолѣ должна будетъ искать себѣ руководства посреди случайныхъ, отрывочныхъ, неустановившихся взглядовъ и разнорѣчивыхъ мнѣній. Судебные Уставы наши, хотя и представляютъ цѣльный, систематически выработанный законъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и законъ

новый, законъ, который для примѣненія на практикѣ, съ одной стороны даетъ опору исполнителямъ, а съ другой стороны требуетъ отъ нихъ извѣстнаго знанія и разумѣнія, приобретаемаго не изъ буквы закона, а изъ школы и изъ того совмѣстно и послѣдовательно накопленнаго запаса силъ и опытности, который собирается трудомъ поколѣній. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что этихъ силъ у насъ вообще недостаточно и во всякомъ случаѣ неоткуда было ихъ заимствовать представителямъ нашего мирового суда, призываемаго изъ среды общества безъ особенной подготовки, къ примѣненію Судебныхъ Уставовъ. Что касается до нашего гражданскаго права, коего начало столь неразрывно связано съ началомъ суда гражданскаго, то всѣмъ извѣстно, какъ оно скудно общими руководственными правилами, какъ оно страдаетъ недостатками системы, какъ много содержитъ въ себѣ противорѣчій и неясностей, нерѣдко поставляющихъ судебную практику въ неразрѣшимыя затрудненія. Можно сказать съ увѣренностью, что новые уставы гражданскаго судопроизводства получатъ свое полное значеніе и полную возможность къ уразумѣнію и осуществленію тогда только, когда появится у насъ цѣльное и систематическое законодательство по гражданскому праву. Странно было бы ожидать и надѣяться, какъ полагаютъ многіе, что нашъ гражданскій законъ изъясняется и образуется съ помощью новой судебной практики. По свойству судебного отправленія судебная власть (не исключая и власти Кассационнаго Сената) ограничивается примѣненіемъ закона въ разумѣ началъ, выраженныхъ въ законѣ и изъ него истекающихъ. Сенатъ не можетъ ни коимъ образомъ вложить въ законъ то, чего въ законѣ не находитъ; слѣдовательно, если законъ самъ въ себѣ не имѣетъ органическаго единства и не выражаетъ началъ взаимно согласованныхъ и взаимно держащихся, то практика, въ изъясненіе сихъ началъ по скуднымъ и отрывочнымъ указаніямъ закона, не въ силахъ выработать для себя твердые и вѣрные пути, и несправедливо было бы ей одной ставить въ вину противорѣчія и недоразумѣнія, въ которыя должна она сама впадать невольно“.

Но каковы бы то ни были мотивы и соображенія, по коимъ компетентныя лица сравнительно рѣдко выступали, время наложило на ихъ труды особый отпечатокъ. Литература, посвященная

вопросамъ, связаннымъ съ основами и дѣйствиємъ, недостатками и достоинствами Судебныхъ Уставовъ — литература преимущественно боевая, и до настоящаго времени борьба за и противъ памятника великаго царствованія не прекратилась.

Въ первое десятилѣтїе послѣ введенія реформы замѣчается въ общемъ благосклонное отношеніе къ судебной реформѣ. Новое, уже потому, что оно новое, нравилось и рѣдки были люди, которые признавали его преждевременнымъ даромъ. Ихъ число было сравнительно незначительно и сожалѣнія объ исчезновеніи стараго суда высказывались рѣдко. Но по мѣрѣ того, какъ глазъ общества привыкалъ къ существованію новаго суда, по мѣрѣ того, какъ воспоминанія о старомъ судѣ становились все болѣе блѣдными, духъ критики пробуждался и склонность русскаго общества искать и находить въ явленіяхъ государственной и общественной жизни преимущественно слабыя и тѣневяя стороны давала себя чувствовать все сильнѣе. Судебная реформа, какъ всякое дѣло человѣческихъ рукъ, была не безъ грѣховъ, Судебные Уставы не безъ недостатковъ. Критика оживлялась и во главѣ порицателей того, что еще не такъ давно было признаваемо чуть ли не высшимъ благомъ эпохи реформы, выступилъ публицистъ, который во многихъ слояхъ русскаго общества признавался авторитетомъ, и къ голосу котораго прислушивались и противники, признававшіе его крупный талантъ и сожалѣвшіе о неумѣстномъ употребленіи сего таланта въ дни разочарованія, — М. Н. Катковъ. Онъ открылъ на столбцахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ кампанію противъ главныхъ основъ реформы, противъ устности и гласности, противъ независимости суда отъ администраціи, въ особенности же противъ суда присяжныхъ. По всей Россіи распространялись клички: „судебная республика“, „судъ улицы“ и другія крылатая слова, коими пестрѣли его страстныя статьи противъ того, предъ чѣмъ онъ самъ когда то преклонялся. Перчатка, брошенная имъ сторонникамъ и защитникамъ реформы, была ими поднята и печать раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря. Съ одной стороны всякое отступленіе отъ основныхъ началъ реформы объявлялось посягательствомъ на правосудіе, на одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ даровъ Царя Освободителя, съ другой высказывалось рѣзко и безъ стѣсненій, что реформа 1864 года ничто иное, какъ крупное заблужденіе,

плодъ радикализма и необдуманной привязанности къ новшеству.

Такъ какъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ и на западѣ Европы въ литературѣ замѣчалась склонность къ пересмотру того, что признавалось въ области процессуальнаго права ранѣе безусловно правильнымъ, то противники новаго суда находили извѣстную опору въ западно-европейской наукѣ и публицистикѣ. Нужно признать, что боровшіяся стороны стояли не въ одинаково благопріятномъ положеніи. Катковъ въ особенности и его менѣе значительные сторонники пользовались нѣкоторымъ покровительствомъ со стороны власти имущихъ, которые были разочарованы ходомъ и вліяніемъ реформъ 60-хъ годовъ. Они могли безпрепятственно направлять свои удары противъ сторонниковъ реформы. Другая сторона, защищавшая реформы, была лишена этой поддержки и нерѣдко должна была или молчать, гдѣ можно было привести убѣдительные аргументы, или довольствоваться полусловомъ или намекомъ. Борьба изъ-за Судебныхъ Уставовъ не была безпричинной и нельзя всѣ нападки на судъ объяснять одной злою волею или корыстными мотивами.

Какъ всякое крупное общественное дѣло, такъ и судебная реформа вызвала къ жизни силы здоровыя, но она не могла препятствовать тому, что ея блага были использованы и силами темными. Противники реформы приписывали многое изъ того, что такъ неприглядно выступало наружу въ послѣреформенной Россіи — введенію новаго судебного порядка, основаннаго на вѣрѣ въ облагораживающую силу хорошихъ учреждений. Такія страстныя натуры, какъ Катковъ, быстро рѣшаются на осужденіе всего учрежденія, если оно не всегда и не во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ ихъ преувеличеннымъ нерѣдко ожиданіямъ. Онѣ какъ бы возмущаются собственнымъ увлеченіемъ въ минувшее время и мстятъ тому учрежденію, которое давало поводъ къ увлеченію.

Гражданскій судъ и процессъ служили мишенью для противниковъ несравненно меньше, нежели уголовный. Нападая на новый гражданскій судъ, противники реформы жаловались на медленность его производства¹⁾, на ненужный или бесполез-

¹⁾ Н. Г. Принцъ въ статьѣ: „Случайности, вліявшія на судебное преобразованіе 1864 г.“ (Журн. Мин. Юст. 1894 г. ноябрь) объясняетъ медленность, проявившуюся при рѣшеніи дѣлъ въ судахъ, на которую такъ горько жаловались обыватели, преимуще-

ный, какъ казалось, формализмъ и тотъ, кто наивно вѣрилъ, что судъ въ новомъ своемъ строѣ предупредитъ гражданскую неправду и будетъ въ состояніи всегда доставить торжество правому и честному, а поражение плуту и недобросовѣстному, тотъ былъ готовъ отрицать, что реформа принесла положительную пользу и утверждать, что измѣнилась одна внѣшность и

ственно двумя причинами, недостаткомъ въ личныхъ силахъ въ судебныхъ установле-
ніяхъ, и во вторыхъ, наложеніемъ на судей новыхъ обязанностей, которыя не были
предусмотрѣны Судебными Уставами и которыя были послѣдствіемъ нѣкоторыхъ изъ
финансовыхъ реформъ.

„Несмотря на то, пишетъ онъ, что первоначальныя предположенія о матеріальномъ
обеспеченіи судебныхъ чиновъ значительно были урѣзаны при окончательномъ обсу-
жденіи ихъ, Министерству Юстиціи приходилось вести постоянную борьбу съ Министер-
ствомъ Финансовъ относительно числа судебного персонала и прочихъ, потребныхъ для
судовъ расходовъ. Вслѣдствіе сего, судебныя мѣста съ самаго начала были организованы
въ недостаточномъ составѣ, а это повело къ тому, что отправленіе правосудія на но-
выхъ началахъ не могло совершаться ни такъ быстро, какъ предполагалось, ни столь
бдительно, какъ это имѣлось въ виду. Отсюда взяли свое начало накопленіе дѣлъ,
медленность въ ихъ производствѣ и недостаточная въ иныхъ случаяхъ осмотритель-
ность въ постановленіи рѣшеній и приговоровъ. Нѣкоторые суды изнемогали отъ не-
соотвѣтствія количества труда съ количествомъ работниковъ и чтобы устранить это
неблагопріятное положеніе, Министерство Юстиціи, встрѣчая затрудненіе къ усиленію
состава, вынуждено было прибѣгать къ компромиссу, упраздняя высшія должности и
создавая вмѣсто нихъ должности съ меньшими окладами. Такъ постепенно были упразд-
нены нѣкоторыя должности товарищей предсѣдателей окружного суда и секретарей кан-
целяріи судовъ, судебныхъ палатъ и прокуроровъ, съ замѣною ихъ должностями членовъ
окружныхъ судовъ и помощниковъ секретарей. Черезъ это отправленіе правосудія и ве-
деніе канцелярскаго порядка переходило въ руки лицъ, менѣ опытныхъ и менѣ воз-
награждаемыхъ, и на долю такихъ замѣстителей выпадала болѣе отвѣтственная и тяжелая
работа. Вмѣстѣ съ тѣмъ судебныя чины лишались въ значительной степени возможности
къ повышенію, что въ свою очередь, на многихъ отразилось смѣною прежней энергіи
равнодушіемъ и даже апатіей“.

Что-же касается новыхъ обязанностей, которыя отнимали много времени у судей,
то онѣ были послѣдствіемъ преимущественно двухъ финансовыхъ реформъ. Изданіе
новаго Гербоваго Устава въ 1874 г. имѣло послѣдствіемъ возникновеніе въ судебныхъ
мѣстахъ цѣлой серіи дѣлъ по нарушенію этого новаго закона. Введеніе же пошлинъ
съ безмездно переходящихъ имуществъ въ 1882 г. возложило на суды обязанность опре-
дѣлять количество пошлины во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда частныя лица должны были
обращаться къ суду. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ вопросы, сопряженные со
взиманіемъ этой пошлины рѣшались судомъ, что отнимало не мало времени и тогда у
судейскаго персонала и безъ того уже обремененнаго трудами. Канцелярскія средства,
отпущенныя судамъ, были также весьма незначительны. Принтъ говорить, что это
тѣмъ оказалось особенно неблагопріятно, что волокита въ этомъ отношеніи постоянно
раздражаетъ и не располагаетъ къ суду всѣхъ, кто соприкасается съ нимъ по какому-
либо случаю, заставляя подчасъ дѣлать даже неблагопріятныя сравненія съ дореформен-
ными порядками.

Скупость при отпускѣ суммъ на судъ, коей далеко, не всегда соответствовала бе-
режливости затраты государственныхъ средствъ на другія надобности, конечно, дала себя
почувствовать весьма небезвреднымъ для всего государства способомъ. Суммы, которыя
сберегало государственное казначейство, утрачивались народомъ, т. е. плательщикомъ
податей, коего экономическіе интересы страдали отъ этой невольной судебной волокиты,

обрядъ, персоналъ и названіе, но не суть дѣла. Вопросъ о томъ, какъ упростить форму судопроизводства по дѣламъ гражданскимъ, какъ предупредить возможность использованія необходимыхъ судебныхъ гарантій для эксплуатаціи слишкомъ легковѣрныхъ, мало свѣдущихъ и неопытныхъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ и сборотахъ людей и т. д. — занималъ и продолжаетъ занимать литературу въ теченіе всѣхъ истекшихъ со времени реформы 50 лѣтъ.

Полемика по вопросамъ, относящимся къ гражданскому процессу, рѣдко принимала острый характеръ. Несравненно богаче и многообразнѣе литература по уголовному процессу, а равно по матеріальному уголовному праву. Прежде всего потому, что новыя формы уголовного процесса гораздо рѣзче, нежели процессъ гражданскій отличались отъ процессуальныхъ формъ до-реформеннаго времени. Когда замѣтно стало или показалось, что преступность въ Россіи усилилась послѣ 1866 года, то отрицательно относившіеся къ новшествамъ эпохи реформъ готовы были вмѣнить это явленіе въ вину новымъ судебнымъ порядкамъ, не сознавая или не желая признать, что крупныя перемены въ общественно-экономическомъ строѣ всегда сопровождаются усиленнымъ проявленіемъ злой воли неуравновѣшенныхъ элементовъ или индивидовъ, неспособныхъ приспособиться къ новымъ условіямъ. Винили состязательный процессъ, винили гласность, какъ факторы пропагандированія преступности, винили защитниковъ, пользовавшихся свободою слова для того, чтобы облить обвиняемыхъ, боровшихся съ обвинительною властью, старавшихся повліять на чувство присяжныхъ засѣдателей. Когда замѣтили, что повторяются случаи оправданія виновныхъ, даже признавшихъ въ своемъ преступленіи, или уличенныхъ въ совершеніи преступнаго дѣянія такъ, что сомнѣнія въ виновности не могло быть, то всѣ нападки противниковъ сосредоточились на институтъ присяжныхъ, который по идеѣ составителей Судебныхъ Уставовъ, долженъ былъ сыграть роль борца общественнаго правосознанія съ посягателями на законный порядокъ. Судъ присяжныхъ былъ несомнѣнно самымъ выпуклымъ новшествомъ, особенно замѣтнымъ въ Россіи того времени, гдѣ власть не считала возможнымъ привлечь народныя массы къ участію въ исполненіи государственныхъ задачъ или же отводила имъ весьма скромную долю участія. Нападки

на судъ присяжныхъ, часто весьма неосновательные, были любимымъ средствомъ дискредитированія новыхъ судебныхъ началъ. Противники этого института ¹⁾ не считали необходимымъ серьезно изслѣдовать причины частыхъ оправдательныхъ рѣшеній, не замѣчали, а можетъ быть и не хотѣли замѣтить, что и въ другихъ странахъ въ первое время послѣ введенія суда съ участіемъ присяжныхъ, процентъ оправдательныхъ вердиктовъ былъ сравнительно крупный и что число оправдательныхъ приговоровъ, вынесенныхъ короннымъ судомъ безъ участія присяжныхъ, было также значительно.

Сторонникамъ Судебныхъ Уставовъ и въ частности суда присяжныхъ пришлось подобрать и соединить въ одно цѣлое всѣ аргументы, которые могли быть выставлены въ пользу сохраненія въ неприкосновенности участія представителей общества въ судѣ. Волей-неволей пришлось имъ выйти за предѣлы узкаго вопроса о пользѣ или бесполезности суда съ участіемъ присяжныхъ и съ логической послѣдовательностью разобрать всѣ недостатки дѣятельности новыхъ органовъ суда, которые стояли въ связи съ оправдательными безъ достаточной причины вердиктами. По очереди научная мысль и публицистика занялись оцѣнкой всѣхъ факторовъ въ уголовномъ процессѣ: судебными слѣдователями, участіемъ прокурорскаго надзора въ предварительномъ слѣдствіи, порядкомъ преданія суду, задачей и предѣлами выступленія обвинителей въ судебномъ слѣдствіи,

¹⁾ Жалоба на то, что неправильныя рѣшенія присяжныхъ повторяются и что такое повтореніе можетъ самымъ пагубнымъ образомъ отразиться на общественной нравственности и на уваженіи къ закону, исходила и отъ такого сторонника судебной реформы 1864 г., каковымъ былъ Спасовичъ.

В. Фуксъ въ статьѣ „Судебныя доктрины 1862 и 1864 г.г. на практикѣ“ („Русскій Вѣстникъ“ 1887 г. февраль) сообщаетъ, что при разсмотрѣніи дѣла Мельничкиихъ въ Сенатѣ Спасовичъ сказалъ:

„Институтъ присяжныхъ засѣдателей боленъ, серьезно боленъ: худую услугу оказываютъ ему его льстецы и хвалители, распинающіеся за его непогрѣшимость. Лечить его надо энергично и немедленно, такъ какъ болѣзнь уже давно существуетъ и запущена, а дальнѣйшее ея запущеніе можетъ довести до необходимости ампутации. Если признается, что содѣянное доказано, а содѣяно оно лицами взрослыми, дѣйствовавшими въ состояніи вмѣняемости, сознательно и свободно, которыя, однако, послѣ того провозглашены невиновными, то какой же изъ этого возможенъ выводъ? Только тотъ, что законъ не исполняется, что онъ не господствуетъ, что на его мѣсто становится милосердіе г.г. присяжныхъ, что если въ законѣ написано: кто совершилъ такое-то дѣйствіе, тотъ подвергается такому-то наказанію, то надлежитъ читать: кто совершилъ такое-то дѣйствіе и г.г. присяжнымъ засѣдателямъ угодно будетъ, тотъ за сіе подвергается такому-то наказанію. Такимъ образомъ дѣло идти не можетъ“.

цензомъ присяжныхъ, ролью предсѣдателя, значеніемъ его напутственныхъ объясненій, ролью экспертовъ и, наконецъ, значеніемъ и смысломъ кассациі. Такъ какъ Россія стала свидѣтельницей выступленія враждебныхъ государству темныхъ силъ, такъ какъ, въ особенности со второй половины 70-хъ годовъ, стали повторяться политическіе процессы, то литература, насколько обстоятельства то позволяли, занялась и вопросомъ о примѣненіи тѣхъ или иныхъ процессуальныхъ формъ при сужденіи лицъ, привлекаемыхъ за дѣянія съ политическимъ характеромъ.

Споръ о томъ, какъ обезпечить правый судъ, одинаково далеки и отъ жестокаго отношенія къ сбившимся съ законнаго пути, такъ и отъ безпричиннаго милосердія или снисходительности, привелъ въ движеніе не одну науку уголовного права.

Человѣческая мысль усиленно заработала и въ другихъ областяхъ юриспруденціи. Отношеніе суда къ другимъ властямъ поставило вновь на очередь старый вопросъ о раздѣленіи и сочетаніи властей. Статистика принялась за изслѣдованіе богатаго матеріала, содержавшагося въ судебныхъ отчетахъ, для выясненія дѣйствія закона большихъ числъ въ дѣяніяхъ человѣческихъ, служащихъ объектомъ судебныхъ дѣйствій.

Медицина нашла множество поводовъ для выясненія различныхъ условій извращенія человѣческой воли. Врачебный анализъ сталъ союзникомъ судебного слѣдствія. Наука судебной медицины и судебной психіатріи развилась въ Россіи лишь благодаря дѣятельности новаго суда, который судилъ не по описанію преступленія въ актахъ, а живого человѣка, мало интересовавшаго старый судъ.

Можно сказать, что новый судъ вывелъ юриспруденцію изъ изолированнаго положенія, въ которомъ она жила въ дореформенное время и поставилъ ее въ связь съ другими науками, ранѣе ей чуждыми, призывая всѣхъ на службу общественному дѣлу и вооружая судъ свѣдѣніями не книжными и чуждыми жизни, а почерпнутыми изъ всесторонняго изученія человѣка.

VII. Вліяніе судейскаго персонала на общественную жизнь.

Однѣ нормы, помѣщенныя въ Судебныхъ Уставахъ, какъ бы онѣ ни были точны и правильны по содержанию, не могли бы имѣть вліянія на Россію. Онѣ остались бы много обѣщающими словами, если-бы не нашлись люди, которые способны были претворить ихъ въ жизнь. Когда-то англійскій государственный дѣятель Кэннингъ, говоря о значеніи человѣческой личности въ государствѣ, сказалъ, что не упряжь тянетъ повозку, а приводитъ ее въ движеніе—лошадь, понимая подъ упряжью законы и организованныя на ихъ основанія учрежденія, а подъ лошадью тѣхъ живыхъ людей, которые даютъ нѣмымъ нормамъ голосъ, а глухимъ учрежденіямъ—слухъ.

Оглядывающийся на истекшее съ 20 ноября 1864 года полу-столѣтіе, въ теченіе котораго почти все поколѣніе, бывшее свидѣтелемъ реформы, сошло въ могилу (лишь весьма немногіе судебные дѣятели 60-хъ годовъ еще въ живыхъ, еще менѣе у дѣла) и успѣли подроosti два новыхъ поколѣнія, спрашиваетъ, каково было личное вліяніе судей и прокуроровъ и защитниковъ, однимъ словомъ всѣхъ личныхъ силъ, призванныхъ Великимъ Монархомъ къ вершенію въ судахъ правды и милости, что они лично внесли въ русское государство и общество, какое положеніе они себѣ создали и отстаивали и какія чувства питаетъ къ нимъ населеніе?

Дореформенные судьи не имѣли возможности или не умѣли приобрѣсти довѣріе общества. Не умѣла отстоять свое положеніе и дореформенная прокуратура. Повѣренныя же, которые вели частныя дѣла въ старыхъ судахъ, не только не пользовались уваженіемъ, но причислялись къ самымъ несимпатичнымъ представителямъ „добраго стараго времени“. Никто не обвинялъ всѣхъ судей во взяточничествѣ и подкупности, но никто не былъ увѣренъ, что г.г. предсѣдатели и совѣтники палатъ, уѣздныя судьи, губернскіе прокуроры и стряпчіе были людьми твердыми въ сознаніи долга, независимыми настолько, чтобы внушенія со стороны, хотя бы и не въ формѣ посуловъ, что желанія сильныхъ міра сего и богатыхъ не смогутъ направить дѣла

такъ, какъ имъ полезно и желательно, что законъ не будетъ примѣненъ такъ, какъ его истолкуетъ личное усмотрѣніе, или что дѣло не заглохнетъ, если то окажется нужнымъ. Новые же судьи, поставленные въ независимое положеніе, несмѣняемые, нравственно безупречные, хотя получали далеко неудовлетворительное содержаніе, приобрѣли репутацію безкорыстныхъ и неподкупныхъ служителей Фемиды. Конечно, было бы странно утверждать, что за 50 лѣтъ ни одинъ судья во всѣхъ рангахъ судебного вѣдомства, ни одинъ чинъ прокурорскаго надзора не запятналъ себя дѣянiями недостойными высокаго званія и не спустился съ высокаго уровня честности въ дѣлѣ и нравственной чистоплотности. Но такія паденія были сравнительно рѣдкими явленіями. Въ общемъ русскій народъ могъ сказать, что онъ получилъ достойную довѣрiя судейскую корпорацію, которая могла съ извѣстною гордостью держать высоко свою голову, не смотря на то, что положеніе судейскаго персонала не было изъ легкихъ съ самаго начала и становилось все тяжелѣе. Кто слѣдилъ за дѣятельностью должностныхъ лицъ въ административныхъ вѣдомствахъ, тотъ могъ весьма нерѣдко замѣтить недостатокъ въ усердіи и уваженіи къ закону. Кто наблюдалъ непрерывную ежедневную работу судьи, тотъ не могъ не признать что онъ несетъ тяжелое бремя служебныхъ обязанностей съ рвеніемъ, до 60-хъ годовъ мало извѣстнымъ на Руси.

Когда въ 1912 году въ Императорскомъ Училищѣ правовѣдѣнiя праздновалось 100-лѣтіе рожденія Принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго, одинъ изъ бывшихъ правовѣдовъ, не принадлежащій ни къ числу судей, ни къ прокуратурѣ (присяжный повѣренный П. С. Чистяковъ) характеризовалъ положеніе судьи въ Россіи слѣдующими словами:

„Въ сравненіи съ прошлымъ, личный составъ судовъ измѣнился до неузнаваемости. Правда и милость да царствуетъ въ судахъ, вотъ тотъ девизъ, который былъ данъ 19 марта 1856 г. въ руководство судебнымъ дѣятелямъ, и этотъ девизъ, столь понятный и родной для каждаго русскаго человѣка, прошелъ въ жизнь. Даже въ трудные дни послѣднихъ лѣтъ правосудіе наше, творящее судъ по Уставамъ Императора Александра II, осталось вѣрнымъ этому завѣту.

Не забывайте, господа, что положеніе судебныхъ дѣятелей съ каждымъ годомъ становится все труднѣе. Кто видѣлъ судей

въ ихъ ежедневной работѣ, тотъ знаетъ, какой крестъ на себѣ они несутъ. Крайне ничтожное матеріальное обезпеченіе, совершенно несоотвѣтствующее возрастающей дороговизнѣ, въ особенности тяжелое для людей семейныхъ, перегруженность въ работѣ, въ столичныхъ, на примѣръ, судахъ засѣданія сплошь и къ ряду длятся отъ 11 часовъ утра до 12 ночи, убійственная обстановка стараго помѣщенія суда, совершенно непереносимая для свѣжаго, непривычнаго человѣка, весьма слабыя надежды на лучшее будущее, вотъ тотъ удѣлъ, какой теперь достался русскому судѣ, даже въ столицѣ Имперіи. И тѣмъ не менѣе люди работаютъ, не покладая рукъ, съ такою внимательностью, отзывчивостью и добросовѣстностью, какую нигдѣ въ такихъ общихъ и широкихъ размѣрахъ у насъ мы не встрѣчаемъ“.

Реформа 1864 г. поставила персоналъ судебного вѣдомства въ особое положеніе, въ сравненіи съ должностными лицами административнаго вѣдомства, въ томъ отношеніи, что судьямъ была дана привилегія несмѣняемости. И іерархическое взаимоотношеніе дѣятелей судебного міра было иное, чѣмъ въ сферахъ администраціи. Табель о рангахъ, которая въ 60-хъ годахъ еще имѣла несравненно большее значеніе, чѣмъ въ наши дни, не связывала власть при назначеніи на должность въ той мѣрѣ, какъ это было принято въ другихъ областяхъ службы. Судамъ было дано право представленія кандидатовъ на открывшіяся вакансіи. Должностныя лица судебного вѣдомства, занимавшія мѣста въ судахъ разныхъ инстанцій, — были уравнены въ классахъ должностей. Мировой судья, членъ окружнаго суда и членъ судебной палаты стояли всѣ въ V классѣ, председатели окружныхъ судовъ были по классу должности равны председателямъ департамента въ палатахъ. Только сенаторы возвышались надъ ними одной ступенью. Законодатель не рѣшился провести начало внѣшняго уравниенія всѣхъ судей послѣдовательно, что было бы цѣлесообразно, ибо удержало бы судей отъ стремленія повышаться по карьерной лѣстницѣ и подчеркнуло бы правильное пониманіе судейской обязанности, какъ обязанности равно почетной, важной и полезной, безразлично сидитъ-ли судья въ инстанціи первой, второй, или въ высшемъ судилищѣ.

Стремленіе по возможности сгладить неравенство служебнаго положенія замѣтно было и при установленіи окладовъ содержа-

нія. Московскій губернскій прокуроръ Ровинскій въ объяснительной запискѣ, приложенной къ „Свѣдѣніямъ о положеніи дѣлъ судебного вѣдомства въ губерніяхъ Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Тульской и Калужской“, писалъ по вопросу объ опредѣленіи размѣра содержанія чиновъ судебного вѣдомства слѣдующее:

„При нынѣшнемъ порядкѣ содержаніе возвышается вмѣстѣ съ мѣстомъ: членъ палаты получаетъ болѣе члена уѣзднаго суда, сенаторъ болѣе члена палаты и т. д. Постепенность эта, въ сущности совершенно справедливая, должна быть удержана и при ожидаемыхъ преобразованіяхъ; вполнѣ справедливо и полезно назначить члену окружного суда, отъ котораго требуется, кромѣ юридическаго образованія, судейская опытность и умѣніе предсѣдательствовать въ судѣ съ присяжными, болѣе содержанія, нежели судебному слѣдователю, прокурору окружного суда болѣе содержанія, нежели его товарищу и т. д. Но, за всѣмъ тѣмъ, разница въ содержаніи между высшими и низшими должностями, требующими одинаковаго труда и одинаковыхъ способностей, не должна быть слишкомъ огромна, иначе выйдетъ другое неудобство, —неудобство, которое особенно ощутительно и вредно для дѣла въ настоящее время: это страсть къ повышенію на мѣсто, приносящее болѣе содержанія“.

Ровинскій указывалъ на необходимость дать добросовѣстному труженнику возможность увеличивать свое содержаніе мало по малу, оставаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ, и достигать, наконецъ, такого же содержанія, какое назначено на мѣстахъ несравненно высшихъ. Ровинскій предлагалъ достигнуть этой цѣли двумя постановленіями. Во-первыхъ, каждый чиновникъ судебного вѣдомства получаетъ содержаніе, назначенное ему по общему штату, и во вторыхъ, кромѣ общаго штата, составляется особый прибавочный штатъ, утверждаемый тѣмъ же порядкомъ, какъ и общій. Въ этомъ штатѣ каждая должность или нѣсколько однородныхъ должностей по губерніи, округу или области, именованы въ особомъ спискѣ. По каждому списку полагается извѣстное число вакансій на полученіе прибавки, другими словами, назначено извѣстному числу лицъ прибавочное содержаніе, въ разныхъ размѣрахъ.

Старшіе изъ лицъ, внесенныхъ въ особый списокъ, получаютъ высшее прибавочное содержаніе, тѣ, которые вступили въ

должность послѣ нихъ, получаютъ содержаніе въ слѣдующемъ за первыми размѣрѣ и т. д.

Если изъ списка выбываетъ членъ въ отставку, за смертію или переходитъ на другое мѣсто, то всѣ лица, состоящія ниже его въ списокѣ, передвигаются, прибавочное содержаніе выбывшаго поступаетъ къ слѣдующему за нимъ по старшинству и т. д. Никто не можетъ быть повышенъ въ списокѣ ни въ видѣ награды, ни по какой-либо другой причинѣ. Повышеніе это пріобрѣтается единственно старшинствомъ вступленія въ извѣстную должность. Ровинскій прибавилъ:

„Нѣкоторые, можетъ быть, замѣтятъ, что при этомъ предположеніи членъ окружного суда можетъ получить иногда содержаніе больше члена палаты. Это правда, но и то правда, что заслуженному члену окружного суда, которому придется ѣздить по уѣзднымъ закоулкамъ, и председательствовать въ судѣ съ присяжными, которому придется, въ столицѣ напримѣръ, чуть не каждый день засѣдать въ вечернихъ засѣданіяхъ суда, за многочисленностью дѣлъ, что такому члену, послѣ 15-20 лѣтъ службы не совѣстно дать содержаніе больше молодого члена палаты, которому придется покойно жить въ хорошемъ городѣ, среди образованнаго общества“.

Предложенія Ровинскаго остались на бумагѣ и не были приняты, но всё-таки штатъ установилъ большее, сравнительно, равенство въ окладахъ, нежели то, которое существовало въ другихъ отрасляхъ службы.

Для 60-хъ годовъ улучшеніе матеріальнаго положенія лицъ судебнаго вѣдомства казалось значительнымъ, но штаты остались неизмѣненными долгіе годы и успѣли отстать отъ требованій жизни.

Такъ какъ судьи не могли получать дохода изъ постороннихъ источниковъ, то тѣ изъ нихъ, кто не имѣлъ состоянія, вскорѣ должны были вести весьма скромный образъ жизни и тѣмъ не менѣе случаи, что членъ судебнаго вѣдомства загрязнилъ себя какимъ-либо незаконнымъ полученіемъ, были настолько рѣдки, что престижъ суда отъ этого пострадать не могъ.

Чуть-ли не впервые русскій народъ въ своей исторіи ознакомился съ многочисленнымъ классомъ служащихъ, поставленныхъ правительствомъ, который сталъ выше всѣхъ подозрѣній отно-

сительно кормленія отъ дѣлъ, который отвернулся отъ безгрѣшныхъ доходовъ и работалъ не за страхъ, а за совѣсть.

Ни одно вѣдомство не могло похвастаться такимъ чистымъ персоналомъ, съ низшихъ ступеней до высшихъ, и при томъ персоналомъ, который послѣ истеченія непродолжительнаго времени состоялъ почти сплошь изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, да при томъ специальнымъ высшимъ образованіемъ. А вѣдь это въ гражданскихъ вѣдомствахъ сравнительно рѣдкое явленіе, ибо требованіе имѣть высшій образовательный цензъ, предъявляемый иногда въ законѣ къ лицу, желающему занять какой-либо постъ, далеко не всегда означаетъ „высшій специальный цензъ“.

Хотя судьи и лица прокурорскаго надзора не были обставлены въ матеріальномъ отношеніи такъ, чтобы имѣть возможность блистать въ обществѣ, и нерѣдко принуждены были вести жизнь въ замкнутомъ кругу, тѣмъ не менѣе ихъ воздѣйствіе на другіе слои общества стало замѣтнымъ, какъ благодаря ихъ образованію, такъ и благодаря ихъ безкорыстной дѣятельности. Въ столицахъ персоналъ судебного вѣдомства не могъ, конечно, сыграть столь видную культивирующую роль, ибо здѣсь и другія вѣдомства были представлены наилучшими своими силами, которыя господствовали надъ малообразованной и плохо воспитанной мелкотой. Но въ губернскихъ, а тѣмъ болѣе въ уѣздныхъ городахъ (существовали же въ 60-хъ годахъ окружные суды даже въ такихъ захолустьяхъ, какъ Бѣлоозеро и Устюжна) „судейскіе“ стали центромъ образованности и культуры. Въ особенности судьи и прокуроры перваго призыва, полные идеализма 60-хъ годовъ, стояли въ первыхъ рядахъ тѣхъ, кто будилъ провинцію отъ сна, отъ „вялости преступной“ и пошлаго погруженія въ мелкія сплетни и житейскія дразги.

50-лѣтіе Судебныхъ Уставовъ не должно служить поводомъ для хвалебнаго гимна, который выставляетъ на показъ одно свѣтлое и не видитъ тѣней и слабостей, сопровождающихъ всякую дѣятельность на землѣ и напоминающихъ человѣку ограниченность его силъ. И судейскіе были людьми и остались ими, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ—честные, благонамѣренные, но не чуждые ни увлеченій, ни предрасудковъ, извѣстной доли нетерпимости, склонности подчиняться корпоративному духу, развивающемуся во всякой средѣ, состоящей изъ

спеціалістовъ и суживающему кругозоръ чловѣка. Отрицать наличность всѣхъ этихъ слабостей, значило бы писать не историческій очеркъ примѣненія Судебныхъ Уставовъ, а панегирикъ, фальшь котораго рѣзала бы ухо и противный прежде всего тѣмъ, кому Судебные Уставы тѣмъ и дороги, что они вручены были именно людямъ, намъ всѣмъ понятнымъ и близкимъ и имѣвшимъ возможность, не смотря на общечеловѣческія слабости, сослужить великую службу родинѣ.

Если кто-либо ожидалъ, что идеализмъ перваго періода дѣятельности новыхъ судовъ сохранится въ своей чистотѣ навсегда, то онъ заблуждался, рассчитывая на появленіе новой породы людей, нигдѣ и никогда не жившихъ. Идеализмъ сдѣлалъ свое дѣло; далъ мужество создать законодательный памятникъ, проникнутый единствомъ и смѣлостью мысли, но оставаться реальностью всегда онъ не могъ. Нигдѣ онъ не сохраняется безъ ослабленія въ долготу дней.

Миновало праздничное настроеніе эпохи реформъ. Наступили будни, и будни сѣрые. Проявила свое вліяніе сила, которая была и остается спутницей чловѣка отъ колыбели до могилы, сила привычки къ дѣламъ изо дня въ день повторяющимся и теряющимъ прелесть новизны. Не могли не сказаться во многихъ случаяхъ и недочеты характера и ослабленіе трудовой энергіи. Повліяли на судьей и взгляды среды, въ которой они выросли и которая содѣйствовала образованію ихъ міровоззрѣнія, и смѣна различныхъ политическихъ вѣяній, которая незамѣтно для самого чловѣка измѣняетъ и мѣрку, которую онъ прилагаетъ къ окружающимъ его явленіямъ. Нужно было обладать чрезвычайной выносливостью, широтою взглядовъ и самостоятельностью воли и мысли, чтобы не поддаться всему тому, что испытываетъ на всѣхъ поприщахъ дѣятельности чловѣкъ, сдѣлющій въ трудѣ. Рѣдки тѣ люди, которые настолько властны надъ собой, чтобы противопоставить неистощимую крѣпость духа непрекращающимся ударамъ молота профессиональных привычекъ и рутини. И такіе избранники нашлись, но гдѣ во всемъ мірѣ найдется корпорація, состоящая изъ избранниковъ? Законодатель ее создать не можетъ, а общество напрасно бы ждало ея появленія. Ни одинъ изъ разрядовъ судебныхъ дѣятелей не избѣгъ общей участи чловѣка, слабости духа и усталости ума. Не всегда слѣдователи оставались

безпристрастными, не всегда они относились безъ предубѣжденія къ лицу, привлекаемому къ слѣдствію. Иные находили какъ-бы особое удовольствіе запутать его въ искусной сѣти вопросовъ и на видѣ дружелюбныхъ разговоровъ. Не всегда прокуроры съ должною осмотрительностью формулировали обвиненіе, не всегда они помнили обязанность не добиваться во что-бы то ни стало обвиненія, дабы прослыть за энергичныхъ представителей государственнаго интереса и стражей закона. Не разъ они увлекались профессиональнымъ рвеніемъ и подчинялись искушенію испытать силу своей діалектики въ состязаніи съ защитникомъ или при допросѣ свидѣтелей.

Не всегда судьи съ должнымъ вниманіемъ изучали дѣло до судебного слѣдствія и слѣдили за тѣмъ, что происходило во время засѣданія. Не всегда предсѣдатель суда держался въ рамкахъ объективнаго спокойствія и не всегда онъ держалъ въ твердой рукѣ вѣсы правосудія, не позволяя себѣ нажима на одну изъ чашъ въ пользу ли, во вредъ ли подсудимаго. Не всегда его напутственное объясненіе было построено такъ, какъ того требовала его обязанность, стоять надъ споромъ сторонъ, а не ниже спора. Не всегда присяжные помнили, что они призваны не осуществлять одну лишь милость или оказывать снисхожденіе, руководствуясь своимъ классовымъ воззрѣніемъ или настроеніемъ и выносили рѣшенія, вызывавшія недоумѣніе или сильное и справедливое раздраженіе. Въ массѣ рѣшеній и приговоровъ новаго суда находились многіе, которые были признаваемы высшимъ судомъ подлежащими отмѣнѣ. Не разъ кассационный судъ былъ принужденъ внушать суду необходимость неуклонно соблюдать законъ и правильно его примѣнять. Самъ высшій кассационный судъ, хранитель законности, также состоявшій изъ людей, не всегда дѣйствовавшихъ послѣдовательно, иногда ошибался и въ суммѣ его рѣшеній встрѣчались и противорѣчія и искусственныя построенія.

Все это внѣ сомнѣнія. Но тѣ, кто обращали вниманіе лишь на эти погрѣшности суда и забывали всю сумму блага, которую онъ принесъ, всю сумму свѣта, которую онъ пролилъ на всѣ стороны русской жизни, грѣшатъ противъ элементарнаго требованія справедливости: не чернить учрежденіе и не осуждать весь персоналъ въ немъ дѣйствующій, за недочеты отдѣльныхъ лицъ, не вздыхать о прошломъ потому, что и новый

судъ былъ лишь судомъ человѣческимъ, а не божественно-непогрѣшимымъ.

Если изъ руки суда изрѣдка и падали на ниву народную зерна недоброкачественныя, то все же онъ, если подвести итогъ всему, что имъ было достигнуто, посѣялъ разумное и доброе и можетъ спокойно за свою полувѣковую работу услышать простое слово: „спасибо за все“.

Судебная реформа призвала къ участию въ судъ и силу, до того времени въ Россіи мало извѣстную, и если извѣстную, то лишь съ отрицательной стороны: адвокатуру.

До реформъ царствованія Императора Александра II, до введенія земскаго и преобразованія городского общественнаго самоуправления, до введенія новаго суда и до возникновенія ряда ученыхъ обществъ, Россія была молчаливымъ царствомъ. Голоса ораторовъ раздавались въ ней лишь съ кафедръ профессоровъ въ закрытыхъ для постороннихъ посѣтителей аудиторіяхъ. Но въ средѣ профессоровъ ораторское искусство и краснорѣчіе не всегда сопровождаютъ ученость. Славилась проповѣдями нѣкоторыя духовныя лица, но и въ этой сферѣ, не смотря на преподаваніе въ семинаріяхъ и академіяхъ риторики, ораторскія способности не были явленіемъ обычнымъ и свобода духовнаго краснорѣчія была весьма ограничена. Дореформенный судъ ораторовъ не зналъ и довольствовался чтеніемъ бумагъ, составленныхъ на суконномъ канцелярскомъ языкѣ. Даръ рѣчи, данный природой русскимъ людямъ, не имѣлъ простора для своего проявленія.

Устный и гласный судъ (а наравнѣ съ нимъ и учрежденія общественнаго самоуправления) потребовалъ рѣчистыхъ людей. Съ трехъ мѣстъ въ залахъ судебныхъ засѣданій раздалась рѣчи: съ предсѣдательскаго кресла, съ мѣста, гдѣ засѣдалъ обвинитель и со скамьи защитниковъ или представителей гражданскихъ интересовъ. Состязательный процессъ призвалъ къ словесному бою преимущественно представителя государственной власти, прокурора, и представителя интересовъ противной ему стороны, присяжныхъ повѣренныхъ, а равно защитниковъ, не принадлежавшихъ къ ихъ числу. Россія получила цѣлую плеяду ораторовъ, какъ изъ чиновъ прокурорскаго надзора, такъ, еще въ бѣльшемъ количествѣ, изъ среды адвокатской корпораціи.

На счетъ того, какую роль сыграли въ теченіе истекшихъ 50 лѣтъ адвокаты и каково было ихъ вліяніе на общество, мнѣнія далеко не согласны.

Министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ въ рѣчи при открытіи С.-Петербургскаго судебного округа 17 апрѣля 1866 г. указалъ на важное значеніе присяжной адвокатуры въ новомъ судебномъ строѣ.

Если-бы всѣ представители этой корпораціи неуклонно держались преподааннаго имъ совѣта, то вліяніе ея на общественную жизнь было бы безусловно благодѣтельно.

Замятнинъ сказалъ: „Но для полнаго успѣха предпринимаемаго судебного преобразованія недостаточно одной дѣятельности судебныхъ установленій. Здѣсь необходимо благонамѣренное содѣйствіе вновь образуемаго у насъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Вамъ, господа, посвящающимъ себя на защиту предъ судомъ законныхъ правъ лицъ, лишенныхъ возможности самимъ это исполнить, предстоитъ на избранномъ вами поприщѣ много труда и большая отвѣтственность. Судебныя мѣста при разрѣшеніи дѣлъ будутъ руководствоваться преимущественно тѣми данными, которыя вы имъ представите, поэтому во многихъ случаяхъ отъ вашихъ познаній и образа дѣйствія будутъ зависѣть благосостояніе и честь вашихъ довѣрителей. Одно уже поступленіе въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ даетъ право предполагать, что вы постигли всю важность вашего будущаго круга дѣйствій и что вы всѣ единодушно, рука объ руку съ судебными властями, пойдете по пути, предуказанному вамъ священнымъ чувствомъ долга, точное исполненіе котораго стяжаетъ вамъ высшую для васъ награду, общественное довѣріе и уваженіе“.

Существованіе и дѣятельность адвокатуры вызваны не только низкимъ уровнемъ образованности въ массѣ народа, недостаточнымъ развитіемъ дѣятельнаго и сознательнаго элемента въ обществѣ, какъ полагалъ авторъ статьи, современной изданію Судебныхъ Уставовъ ¹⁾.

И образованные, зачастую, совершенно безпомощны, если имъ приходится вести дѣло въ судебныхъ установленіяхъ. Знаніе законовъ въ обществѣ, не только русскомъ, но и западно-европей-

¹⁾ С. Вѣликовъ. „Адвокатура въ Россіи“. Журналъ Мин. Юстиціи 1865 г.

скомъ, весьма мало распространено. Не мало лицъ, даже въ высшихъ сферахъ, имѣеть весьма неясное понятіе о своихъ правахъ и способахъ ихъ защиты и поэтому въ адвокатурѣ населенію была дана необходимая помощь, безъ которой оно обойтись не можетъ, даже при наличности болѣе совершенныхъ законовъ. Тысячи лицъ принуждены довѣрять охрану своихъ правъ адвокатамъ и спасаются благодаря ихъ содѣйствію отъ убытковъ, а то и отъ полного раззоренія. Если и повторялись, можетъ быть нерѣдко, случаи, когда присяжные адвокаты, забывая свой долгъ, злоупотребляли довѣріемъ кліентовъ или пользовались ихъ беспомощностью съ цѣлью извлеченія для себя крупнаго и незаслуженнаго выигрыша, то было бы неблагодарно отрицать ту заслугу, которую многіе и многіе адвокаты стяжали себѣ передъ народомъ, ставя на службу ему свои познанія и свой нерѣдко тяжелый трудъ.

Никто не споритъ, что рядъ выдающихся присяжныхъ повѣренныхъ внесъ крупный вкладъ въ общую сокровищницу разработки права. Извѣстны рѣчи защитниковъ или представителей гражданскаго иска, которыя не только плѣняли блескомъ краснорѣчія, но и изумляли художественностью построенія, чуткимъ и глубокимъ пониманіемъ различныхъ многосложныхъ факторовъ, вызвавшихъ различныя явленія общественной жизни, тонкимъ анализомъ душевной и умственной природы человѣка.

Однако, воздавая должное даровитымъ, вдумчиво и добросовѣстно относившимся къ своему призванію защитникамъ, приходилось и сожалѣть о томъ, что адвокаты часто забывали о необходимости быть не противникомъ суда, а его союзникомъ. Не рѣдко и въ особенности со второй половины 70-хъ годовъ общество имѣло полное основаніе сѣтовать на то, что адвокатура своими выступленіями можетъ и небезвредно вліять на населеніе, приучая его къ мысли о томъ, что искусный повѣренный сумѣетъ отстоять и неправое дѣло, пользуясь своимъ діалектическимъ искусствомъ и блескомъ рѣчи для того, чтобы отуманить судъ, въ особенности присяжныхъ, и заиграть на стрункѣ чувствительности, что благодаря этому искусству удавалось облѣить людей, которые безъ этой помощи не избѣгли бы меча правосудія. Уже свыше 40 лѣтъ не прекращается споръ о томъ, въ чемъ въ сущности заключается обязанность адвокатуры и ея право, что ея достойно и что должно признать

непозволительнымъ, какова должна быть адвокатская этика и каковы ея требованія.

Одно заключеніе извѣстнаго юриста, оберъ-прокурора Неклюдова, по нашумѣвшему въ свое время дѣлу, въ которомъ онъ указывалъ на злоупотребленіе защитниковъ въ уголовныхъ дѣлахъ — породило цѣлый рядъ статей въ защиту адвокатовъ, но и въ укоръ имъ. То было въ 1884 году. Противъ Неклюдова выступили, защищая адвокатуру, такіе корифеи ея, какъ Спасовичъ, Арсеньевъ, Унковскій и Люстихъ. Однако споръ о достоинствахъ и недостаткахъ нашей адвокатуры продолжался и не прекратился до нашихъ дней. Заговорили о деморализаціи адвокатуры. Одни старались доказать, что это институтъ зловредный, другіе отрицали и деморализацію и развалъ адвокатуры, будто бы замѣченные въ послѣднія десятилѣтія. Защитники адвокатуры указывали на то, что хотя нельзя отрицать, что въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ бывали случаи недобросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, даже явленія явно нечистоплотныя, но что въ такихъ отдѣльныхъ извращеніяхъ нельзя винить всю корпорацію, что случаи, бывшіе въ Россіи, извѣстны и въ культурнѣйшихъ странахъ запада. Не впадая въ ошибку неправильныхъ обобщеній приходится сказать, что вліяніе адвокатуры на общество было не безусловно благодѣтельнымъ ¹⁾.

Оно и понятно. Въ адвокатской средѣ тщеславіе, увлеченіе собственнымъ искусствомъ рѣчи, жажда популярности, въ иныхъ случаяхъ и корыстныя побужденія даютъ себя чувствовать. Искусное слово, сказанное съ цѣлью обѣлить виновнаго и смяг-

¹⁾ Не одобряетъ русскую адвокатуру и Леруа Болье. Въ своемъ выше цитированномъ сочиненіи, во II томѣ, стр. 369 (въ главѣ (Avocats et Barreau) онъ говоритъ между прочимъ: „Dans les provinces en particulier la profession d'avocat, assermenté ou non, est loin de jouir de la considération publique. De toutes les carrières ouvertes par les réformes c'est la plus lucrative comme la plus accessible. De là, le grand nombre de jeunes gens et d'hommes de toute sorte que s'y sont précipités. Peu d'entre eux ont un sentiment élevé de leur mission et de l'honneur professionnel. La plupart n'ont d'autre souci que de s'enrichir, et sont peu délicats sur les moyens. Quelques uns se sont fait condamner pour escroqueries. L'esprit mercantile, que chez nous mêmes, se glisse trop souvent au Palais anime presque seul le barreau russe. L'éloquence et l'habilité de l'avocat sont une marchandise déjà fort recherchée; les membres du barreau ont soin de la vendre le plus cher possible, et beaucoup n'ont ni tarif, ni prix fixe. D'ordinaire le client et l'avocat débattent d'avance les conditions du marché, et comme dans tout négoce en Russie, on ne se fait pas faute de marchander. Quand ils sont d'accords, le plaideur et son conseil rédigent le plus souvent un contrat en règle, bien et dûment signé, précaution qui n'est pas inutile“.

чить тяжелое впечатлѣніе отъ злого дѣянія—можетъ побудить къ непростительному сантиментальному отношенію ко злу, успокаивая совѣсть тѣмъ, что оправданіе одного, хотя бы и несомнѣнно виновнаго, не повредитъ имущественному правопорядку, ибо мало ли злыхъ дѣлъ не всплываетъ наружу и виновные остаются безъ возмездія. Защитникъ при этомъ забываетъ, что повтореніе такихъ случаевъ должно пагубно дѣйствовать на общественную нравственность.

Такъ какъ рѣчи болѣе извѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ (за нѣкоторыми исключеніями) не только выслушивались присутствовавшими въ залѣ судебныхъ засѣданій, но и прочитывались въ журналахъ, а въ особенности въ газетахъ, которыя пользовались всякимъ сенсаціоннымъ процессомъ для извлеченія выгоды, то всѣ аргументы въ пользу подсудимаго производили дѣйствіе на массу читателей всякаго возраста и темперамента и всякой степени образованности. Естественное у всякаго нормальнаго человѣка отвращеніе къ преступленію смягчалось, уступая пониманію мотивовъ и причинъ преступнаго дѣянія, а отъ пониманія, какъ извѣстно, недалеко и до оправданія. Было бы несправедливо отрицать, что русское общество въ цѣломъ, судейскій міръ и наука въ особенности, многимъ обязаны дѣятельности такихъ свѣтилъ адвокатуры, какъ Спасовичъ, Пасоверъ, Арсеньевъ, Плевако, Герардъ, Хартулари и другихъ равныхъ или приближающихся къ нимъ по достоинству и дѣловой безукоризненности адвокатовъ. Не мало рѣчей этихъ лучшихъ представителей русской адвокатуры, которые производили глубокое впечатлѣніе на слушавшихъ, и не менѣе сильно дѣйствуютъ на читающихъ ихъ много лѣтъ спустя, содѣйствовали движенію мысли и воздѣйствовали благоприятнымъ образомъ на общество, точно такъ же, какъ воспитательное значеніе могли имѣть, а иногда и имѣли напутственныя объясненія предсѣдателя или обвинительная рѣчь прокурора.

Напр., такая рѣчь, какъ рѣчь Спасовича въ защиту одного изъ обвиняемыхъ въ дѣлѣ Нечаева, въ которой знаменитый ученый и защитникъ, никогда не прибѣгавшій къ тривиальнымъ эффектамъ, развернулъ всю картину вовлеченія слабохарактернаго человѣка въ сѣть безсовѣстнаго агитатора, могла только оздоравливающимъ образомъ воздѣйствовать на молодежь и на все русское общество, въ особенности на первую, которая поддава-

лась въ трудные годы второй половины царствованія Императора Александра II систематической порчѣ, вносимой въ Россію различными непрошенными благодѣтелями и просвѣтителями. Прочитавшій, а тѣмъ болѣе выслушавшій эту рѣчь не могъ не отвернуться съ омерзѣніемъ отъ тѣхъ, которые проповѣдывали іезуитскую мораль, что цѣль оправдываетъ средства.

Но насколько рѣчь Спасовича вносила яркій свѣтъ въ среду, зараженную лжеученіями, настолько рѣчь защитника въ дѣлѣ Вѣры Засуличъ должна была воздѣйствовать тлетворнѣйшимъ образомъ на русское общество. Если-же одинъ изъ защитниковъ, притомъ весьма извѣстный и обладавшій недюжиннымъ талантомъ, защищая чиновника, растратившаго казенное добро, рѣшился ради обѣленія своего кліента въ судѣ сказать, что если въ большомъ хозяйствѣ управляющій пользуется хозяйскимъ добромъ для своихъ надобностей, то это въ такомъ большомъ хозяйствѣ, какъ казенное, и само собой разумѣется, — то такая защита ничто иное, какъ ядъ, который сознательно вливается въ общественный организмъ ради краснаго слова. А красныя слова слишкомъ часто играли роль въ рѣчахъ адвокатовъ. Если такимъ краснымъ словомъ пользовались даже крупные защитники, а вѣдь и тому бывали примѣры, то трудно опредѣлить мѣру приносимаго ими вреда, ибо забывалось, что если нельзя отказывать въ защитѣ павшему человѣку, то еще важнѣе защитить общество и государство отъ посягательства на правопорядокъ.

VIII. Судебная реформа и русская литература.

Историкъ Г. Ф. Трейчке открываетъ первую главу II тома своей „Исторіи Германіи въ XIX столѣтіи“ словами: „Не всякое время познаетъ самое себя. Въ особенности въ тѣ эпохи утомленія, которыя обыкновенно слѣдуютъ за рѣшительными моментами въ жизни народовъ, люди смѣлые и съ благороднымъ сердцемъ часто ошибаются самымъ несомнѣннымъ образомъ на счетъ движущихъ силъ переживаемаго ими времени“.

И Россія пережила въ началѣ второй половины XIX столѣтія рѣшительный моментъ своей исторіи. Паденіе крѣпостного права и слѣдовавшія за крестьянской реформой преобразованія были освободительными актами настолько же важными для Россіи, насколько война за освобожденіе была временемъ рѣшенія участи народа для Германіи. Насколько борьба за родину противъ Наполеона должна была оживить и пробудить народное самосознаніе въ Германіи, настолько-же, такъ можно было полагать, и эпоха великихъ реформъ должна была послужить къ пробужденію національнаго самосознанія русскаго народа, бывшаго свидѣтелемъ проведенія менѣе чѣмъ въ одно десятилѣтіе такихъ преобразованій, которыя въ другихъ странахъ требовали многихъ десятилѣтій. До приступа къ реформамъ никто не ожидалъ, что призывъ къ участию въ общественномъ дѣлѣ по освобожденію крестьянъ, въ земскомъ самоуправленіи и въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ найдетъ такой откликъ и что за дѣло осуществленія реформъ возьмется дружно такое сравнительно большое количество свѣжихъ силъ. Конечно, никто, кто зналъ человѣческую природу и мало мальски изучилъ исторію народовъ, а въ особенности, кто потрудился ознакомиться съ характеромъ русскаго общества, столь быстро воспламеняющагося новыми идеями и столь же быстро охлаждающагося, если преувеличенныя чаянія и надежды не оправдываются немедленно же и въ полной мѣрѣ, не могъ ожидать, что тотъ порывъ энтузіазма, который наложилъ свой яркій отпечатокъ на эпоху реформъ, сохранится въ полной чистотѣ и силѣ навсегда. Но на тѣхъ, кто въ литературѣ возвышалъ свой голосъ, дѣлясь своими мыслями, чувствами и идеалами съ читателями, лежала обязанность поддержать елико возможно благородную энергію въ общественной дѣятельности, а не содѣйствовать ея упадку настойчивымъ подчеркиваніемъ недостатковъ и промаховъ, всегда сопутствующихъ дѣламъ человѣческимъ, не выставлять злорадно все, что оказывалось не вполне стоящимъ на высотѣ требованій, не рисовать все въ мрачныхъ краскахъ, не искать усердно всего отрицательнаго, замалчивая все положительное и тѣмъ умалять достигнутые успѣхи. Къ сожалѣнію, русская литература не поняла тѣхъ требованій, которыя переживаемое время ей ставило. Она не бодрила народный духъ, а напротивъ, съ какимъ-то болѣзненнымъ усердіемъ устремила на обрисовку всего темнаго

и неприглядного. Эпоха реформъ давала въ одинаковомъ размѣрѣ пищу для оптимизма и для пессимизма при оцѣнкѣ социальныхъ явленій. Идеализмъ нашелъ весьма мало пророковъ, пессимизмъ за то сторонниковъ въ изобиліи.

Не посчастливилось преимущественно суду, и читающій произведенія крупныхъ русскихъ писателей, въ коихъ на сценѣ выступаетъ судъ—недоумѣваетъ: неужели дѣятельность русскаго суда можетъ дать только поводъ къ пессимизму? Неужели въ дѣятельности и отношеніи къ разбираемымъ дѣламъ всѣхъ причастныхъ къ суду лицъ, и слѣдователей, и прокуроровъ, и судей, и присяжныхъ, до пристава включительно, не было ничего, что могло бы укрѣпить вѣру въ торжество добродѣтели надъ человѣческой слабостью, не было примѣровъ честнаго прилежанія и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу? Неужели всегда и вездѣ только одна поверхностность, апатія, рутина, расчеты на карьеру или одно тщеславіе и самолюбіе? Этого не было, да и быть не могло. А между тѣмъ русская литература относится къ судебнымъ дѣятелямъ какъ къ обществу людей, которые не дорожатъ своимъ призваніемъ или дорожатъ своимъ судейскимъ служеніемъ исключительно по корыстнымъ соображеніямъ, какъ слуги лукавые и вялые. Она рисуетъ ихъ какъ лицъ, не только далекихъ отъ идеала судьи, но и не достигшихъ средняго скромнаго уровня добросовѣстнаго отношенія къ обязанностямъ.

Единственный изъ крупныхъ представителей литературы (послѣ реформы), который относится къ суду и его дѣятельности безъ намѣренія уязвить его—это Достоевскій, несмотря на то, что знаменитый романъ, въ которомъ выступаетъ судъ, „Братья Карамазовы“, появился въ 1879—1880 г.г., т. е. въ періодъ разочарованій и упадка общественнаго духа. Книга 12-ая озаглавлена „Судебная ошибка“. Знаменитый психологъ-писатель рисуетъ живыми красками рядъ свидѣтелей, и предсѣдателя суда и преимущественно двухъ главныхъ дѣятелей при разбирательствѣ дѣла Дмитрія Карамазова: прокурора и защитника. Вся 12-ая книга производитъ потрясающее впечатлѣніе. Начавъ ее читать, читатель уже не въ состояніи оторваться отъ ея страницъ. Достоевскій не пишетъ небылицъ и не позволяетъ себѣ извращенія процессуальныхъ порядковъ. Нѣтъ ни насмѣшекъ, ни ироніи. Однако, все-таки и здѣсь не обходится безъ уколовъ. Прокуроръ не вполнѣ

на высотѣ своей задачи. Его обвинительная энергія отчасти вызвана желаніемъ одержать верхъ надъ защитникомъ, и тѣмъ возвысить себя и пріобрѣсти славу побѣдителя въ борьбѣ съ противникомъ. Фигура защитника нарисована также не объективно. И въ Фетюковичѣ выставленъ человѣкъ, который прежде всего самъ себѣ на умѣ, и читатель чувствуетъ, что если бы было выгодно, то знаменитый присяжный повѣренный способенъ былъ бы говорить съ той же убѣдительностью и прямо противоположное тому, что онъ излагалъ съ такимъ искусствомъ въ пользу подсудимаго.

Единственный факторъ въ судѣ, который выступаетъ въ симпатичномъ видѣ — это присяжные засѣдатели изъ крестьянъ, которые не подавлены краснорѣчіемъ защитника и стоятъ твердо на своемъ, защищая нравственные устои семейной жизни, такъ какъ они ихъ понимаютъ.

Отталкивающее впечатлѣніе производитъ описаніе суда и дѣйствій судебныхъ органовъ въ знаменитомъ романѣ гр. Л. Н. Толстого „Воскресеніе“. Для того, чтобы доказать справедливость своей излюбленной мысли, что человѣку не подобаетъ судить человѣка, ибо де судъ надъ ближнимъ осужденъ Евангеліемъ, великій писатель, когда-то лично отказавшійся отъ исполненія обязанности присяжнаго засѣдателя, изобразилъ весь судъ какъ жалкую комедію и весь судебный персоналъ, отъ присяжныхъ начиная и кончая сенаторами кассационнаго департамента, какъ людей, относящихся къ своимъ обязанностямъ самымъ бездушнымъ формальнымъ образомъ, съ апатіей, лѣнью и легкомысліемъ, которыя въ такомъ трогательномъ сочетаніи едва-ли встрѣчаются въ дѣйствительности. Ни одного свѣтлаго штриха въ этой мрачной картинѣ. Великій романистъ обмакнулъ свою кисть въ густую черную краску и заранѣе стеръ со своей палитры всѣ краски, которыя могли бы дать хоть нѣсколько свѣтлыхъ точекъ.

Преднамѣренное пристрастное описаніе суда не осталось безъ отвѣта. Кромѣ ряда мелкихъ статей въ различныхъ газетахъ, въ которыхъ гр. Толстому доказывалось, что весь его рассказъ отчасти построенъ на незнаніи соотвѣтствующихъ статей Судебныхъ Уставовъ, появилось и болѣе обстоятельное опроверженіе. Въ журналѣ Юридическаго общества при Имп. С.-Петербургскомъ университетѣ „Вѣстникъ Права“ 1900 г. (январь)

напечатана статья „бывшаго прокурора, нынѣ судьи“, подъ заглавіемъ „Судебные дѣятели по „Воскресенью“ графа Л. Толстого“. Авторъ статьи пишетъ: „Во всемъ нашемъ необъятномъ отечествѣ едва-ли найдется образованный человѣкъ, который не интересовался бы романомъ „Воскресенье“ нашего маститаго писателя, графа Льва Толстого. Изъ всѣхъ главъ романа 23 посвящены судебнымъ дѣтелямъ и отправленію ими своихъ служебныхъ обязанностей. Представляется вполнѣ возможнымъ и своевременнымъ воспроизвести вполнѣ выяснившійся обликъ, приданный авторомъ судебнымъ дѣтелямъ, и описываемое имъ отношеніе ихъ къ своему дѣлу.“

По поводу этого облика уже были обращены къ графу Толстому громкіе упреки. Подъ открытымъ письмомъ: „Старога Судьи“, помѣщеннымъ въ „Кіевлянинѣ“ и перепечатанномъ въ журналахъ и газетахъ, подпишется обѣими руками всякій старый и молодой судья и прокуроръ. Въ письмѣ, вылившемся изъ глубины огорченной души, раскрывается сторона жизни судебныхъ дѣтелей очень серьезная и тяжкая, вовсе не затронутая въ романѣ и выставляется тенденціозность въ изображеніи суда и его представителей. Односторонность, проходящая красной чертой во всемъ романѣ, ясная каждому судебному дѣтелю, можетъ быть, однако, непонятна читателю, мало знакомому съ судебнымъ міромъ и съ судебной процедурой. Что это такъ, подтверждается словами, которыя нерѣдко приходится слышать: „кажъ васъ отдѣлалъ Толстой“, а одинъ изъ бывшихъ присяжныхъ засѣдателей высказалъ даже надежду, что „Воскресенье“ навѣрно окажетъ педагогическое и морализующее вліяніе на судебное сословіе, и сравниваетъ судебныхъ дѣтелей графа Толстого съ помпадурами Щедрина и съ типами Гоголя. Но умѣстно ли такое сравненіе? Помпадуры Щедрина вѣдь сатира, фантазія, а судьи графа Толстого—живые люди. Везмертные типы Гоголя также живые люди, но развѣ они внушаютъ къ себѣ такія же чувства, какъ типы „Воскресенія“. Первые хотя и берутъ взятки, но возбуждаютъ, по своей человѣчности и незлобивости полную къ себѣ симпатію, вторые—глубокое презрѣніе, хотя взяткокъ и не берутъ“.

„Для того, чтобы односторонность и тенденціозность въ обрисовкѣ графомъ Толстымъ выведенныхъ имъ лицъ судебного міра, отъ высшихъ до низшихъ, отъ сенатора до судебного

пристава включительно, стала понятна каждому непредубѣжденному читателю его романа, постараюсь напомнить ихъ черты и прослѣдить ихъ участіе въ процессѣ словами самого автора. Вотъ эта картинная галлерей, гдѣ на одномъ только лицѣ можно остановиться съ нѣкоторымъ чувствомъ удовлетворенія“.

И „бывшій прокуроръ, а затѣмъ судья“, останавливаясь обстоятельно на разборѣ всѣхъ деталей судебного слѣдствія и разсмотрѣнія кассационной жалобы по дѣлу Катюши Масловой, доказываетъ, что все, что касается процесса, изложено такъ, какъ только могъ изложить человѣкъ, или мало знакомый съ нормами, изложенными въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства, или насилующій ихъ для своихъ цѣлей, и затѣмъ оканчиваетъ свою статью словами, которыя не могли быть не сказаны человекомъ, равно почитающимъ и литературное творчество крупныхъ писателей и судебный строй, дарованный Россіи въ 1864 г. „Въ романѣ, пишетъ авторъ статьи, обращаетъ на себя вниманіе не одна фактическая невѣрность описанія процесса. Повсюду красной нитью проходитъ стремленіе всякій эпизодъ изобразить въ смыслѣ негодности и самого процессуального правила и судебного дѣятеля, его примѣняющаго. Такое одностороннее стремленіе повлекло за собой необыкновенное возмездіе, именно, извращеніе дѣйствительности, жизненной, а потому и художественной правды. Нельзя искренно не пожалѣть, что такъ много таланта потрачено на подобное неблагодарное дѣло, и что, вслѣдствіе такого насилія надъ правдой, великое произведеніе не въ состояніи доставить полного наслажденія.... Никто не ожидалъ, что для пропагандированія своихъ взглядовъ любимый и почитаемый писатель обрушится всею силою своего таланта на бѣдныхъ и скромныхъ тружениковъ, и будетъ добиваться торжества своей идеи путемъ тенденціознаго подбора фактовъ, невѣрнаго ихъ изложенія и освѣщенія“ ¹⁾.

¹⁾ Въ 1914 г. отношеніе Толстого къ суду подверглось новой оцѣнкѣ, не вполне сходной съ оцѣнкой „бывшаго прокурора, а затѣмъ судьи“. 25 января 1914 г. извѣстный адвокатъ членъ Государственной Думы В. А. Маклаковъ прочелъ публичную лекцію на тему „Толстой и Судъ“. Авторъ указалъ на то, что отрицательное отношеніе знаменитаго писателя къ суду, проявившееся въ различныхъ его сочиненіяхъ, и, наконецъ, столь выпукло выразившееся въ романѣ „Воскресеніе“ по необходимости вытекаетъ изъ его общаго мировоззрѣнія, но онъ полагаетъ, что въ настоящее время пора бы перестать

Если такіе первоклассные писатели, какъ Достоевскій и Толстой, не противостояли искушенію выставить отрицательныя стороны дѣятелей судебнаго міра, замалчивая или затушевывая свѣтлыя черты, то чего же можно было ожидать отъ писателей второстепенныхъ или хотя-бы и выдающихся, но по даровитости не равныхъ имъ?

Геніи русской литературы не сумѣли найти въ судѣ и его дѣятельности мотивовъ для произведенія, излагающаго съ достаточной полнотой богатство содержанія судейской жизни. Они не дали ни одного творенія, которое въ художественной формѣ освѣтило бы ту душевную драму, ту борьбу мыслей и чувствъ, которыя переживаетъ и судья, и обвинитель и защитникъ. Подсудимые служили предметомъ вдумчиваго отношенія къ ихъ умственному и нравственному міру, къ ихъ заблужденіямъ и страданіямъ. Судья же служилъ лишь объектомъ критики или порицанія, потому что онъ не всегда былъ въ состояніи оставить свои слабости за дверью судебнаго присутствія и былъ подавляемъ усталостью или бременемъ дѣлъ, которыя изо дня въ день скоплялись въ его рукахъ. Страсть къ обличенію окружающаго и къ самобичеванію были характерной чертой русской литературы 60-хъ годовъ и онѣ сказывались и позже, каждый разъ, когда приходилось касаться общественныхъ явленій.

Въ стихотвореніяхъ о судѣ рѣдко говорится. Гражданскій процессъ не можетъ соблазнить поэта, а уголовный судъ могъ бы дать много матеріала, но русскіе поэты и помимо суда находили много мотивовъ и не нуждались въ судебной практикѣ для своего вдохновенія. Если же поэтъ останавливался на судѣ, то точно также, какъ романистъ, пользовался звучными стихами для того, обыкновенно, чтобы выставлять слабыя его стороны. Кому неизвѣстны стихи графа А. Толстого въ балладѣ „Потокъ Богатырь“, гдѣ описывается впечатлѣніе, произведенное на богатыря зрѣлищемъ новаго суда съ участіемъ присяжныхъ, оправдывающихъ, не долго разсуждая, убійцу всѣхъ родственниковъ и

обвинять писателя въ желаніи написать пасквиль на судъ и изображать всѣхъ судей сплошными уродами. Маклаковъ указываетъ на то, что въ „Воскресеніи“ есть и положительные типы среди судейскаго міра, какъ то Аленинъ и сенаторъ Б.

По его мнѣнію въ „Воскресеніи“ имѣются ошибки, но неправды въ немъ нѣтъ.

Лекція Маклакова напечатана въ журналѣ „Русская Мысль“, мартъ, 1914 г.

за это вознаграждаемых оваціей публики, которая толпится въ залѣ засѣданія?

И Некрасовъ не пощадилъ суда въ одномъ мѣстѣ поэмы „Современники“. Въ стихотвореніи „Судъ“ онъ съ горькимъ юморомъ изображаетъ чувства писателя, который долженъ отвѣчать передъ судомъ за преступленіе печати и затѣмъ отбываетъ наказаніе въ арестномъ помѣщеніи. Судъ и судьи не дали ему сюжета для болѣе крупныхъ произведеній.

Если новый судъ побуждалъ поэтовъ и романистовъ къ отрицательному къ нему отношенію, то понятно, что сатирики, которые избрали своей спеціальной задачей выставленіе на показъ всего непригляднаго въ русской жизни, не останавливались на хорошихъ его сторонахъ. Крупнѣйшій изъ русскихъ сатириковъ Салтыковъ-Щедринъ касается суда въ нѣсколькихъ изъ своихъ произведеній.

К. К. Арсеньевъ въ сочиненіи: „М. Е. Салтыковъ-Щедринъ“ (Литературно-общественная характеристика) говоритъ:

„Новаго суда Салтыковъ касается рѣдко и осторожно; не трудно замѣтить, что онъ дорогъ ему настолько же и по той же причинѣ, насколько и почему онъ ненавистенъ „исторіографамъ“. (Исторіографы, какъ извѣстно, озлобленные противники реформъ и хвалители старыхъ порядковъ, которые выступаютъ въ „Письмахъ о провинціи“).

Можетъ быть и вѣрно, что Салтыковъ говоритъ о судѣ осторожно, если сравнить съ отношеніемъ къ тому же суду гр. Л. Н. Толстого. Можетъ быть и вѣрно, что онъ былъ дорогъ ему, ибо сатирикъ зналъ хорошо старый судъ и въ „Пошехонскихъ разсказахъ“ дана мѣткая характеристика темныхъ сторонъ дореформеннаго суда и судей стараго типа. Однако признаніе за новымъ судомъ заслугъ и достоинствъ не препятствовало Салтыкову-Щедрину направить свои сатирическія стрѣлы и противъ дѣятелей судебного міра. Судей онъ трогаетъ мало, но за то какъ попадаетъ отъ него прокуратурѣ, а въ особенности защитникамъ и адвокатурѣ вообще. Терминъ „щедринскій прокуроръ“ и фигура адвоката Балалайкина извѣстны всѣмъ. Да и „сидящаго судью“ при случаѣ не щадитъ сатирикъ. Въ „Современной Идилліи“ Салтыковъ-Щедринъ описываетъ „подлежащій благосклонному закрытію“ Кашинско-Устюженскій-Бѣлозерскій окружной судъ, въ коемъ шель процессъ о пискарѣ.

Тотъ же Арсеньевъ говоритъ: „Нужно ли доказывать, что не всѣ бюрократы — помпадуръ и ташкентцы, не всѣ дворяне — князя Оболдуй-Таракановы, Гремякины и Прокопы? Сатирикъ не историкъ, обязанный исчерпать всѣ стороны предмета: ему не зачѣмъ говорить о томъ, что не можетъ служить темою для сатиры“.

Сатира, конечно, всегда сатира и къ словамъ Арсеньева можно прибавить, что не всѣ прокуроры „щедринскіе прокуроры“, не всѣ адвокаты Балалайкины, не всѣ судьи Молчалины. Сатирикъ останавливается только на тѣневой сторонѣ предмета. Однако, если всѣ выдающіеся представители литературы почти исключительно выставляютъ тѣневые стороны учрежденія, то изображеніе его становится совершенно извращеннымъ и читающая публика привыкаетъ къ взгляду, который въ концѣ-концовъ вызываетъ лишь одно уныніе и отчаяніе въ возможности установленія на Руси твердаго правопорядка.

Сцены изъ жизни суда встрѣчаются и въ сочиненіяхъ Глѣба Успенскаго и А. Чехова. Ни перваго, ни втораго изъ этихъ двухъ многочитаемыхъ авторовъ нельзя упрекнуть въ томъ, что они тенденціозно относятся къ суду и дѣятелямъ судебного міра. Однако страсть къ подчеркиванью слабаго или смѣшного и въ ихъ твореніяхъ даетъ себя чувствовать.

Глѣбъ Успенскій въ „Дневникѣ. Тише воды, ниже травы“ рисуетъ потрясающую картину судебного разбирательства по дѣлу дѣвушки, обвиняемой въ утопленіи собственнаго ребенка, и писатель пользуется случаемъ, чтобы поязвить на счетъ присяжныхъ засѣдателей изъ крестьянъ. Такъ и въ „Раззоренье“ (Очерки провинціальной жизни), описывая происходящее въ окружномъ судѣ, авторъ изображаетъ, какъ одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, пожилой мужикъ, засыпаетъ, сидя въ своемъ креслѣ, свѣсивъ на ручку кресла въ стилѣ возрожденія лысую голову и руку съ громадной шапкой, какъ его будятъ, въ краткихъ словахъ объясняя ему, что поклясться предъ Крестомъ и Евангеліемъ и храпѣть — поступокъ по меньшей мѣрѣ не джентльменскій ¹⁾).

¹⁾ Съ уваженіемъ къ суду относится современникъ Г. Успенскаго, — Г. Мачтетъ, который въ рассказѣ „Именемъ закона“ описываетъ появленіе товарища прокурора и мирового судьи въ захолустномъ уѣздномъ городѣ, гдѣ имъ на первыхъ же порахъ дѣятельности приходится успокаивать толпу рабочихъ на строящейся желѣзной дорогѣ, раздраженныхъ задержкой выдачи заработной платы. Въ средѣ, гдѣ законъ знали только какъ книгу, стоящую въ шкафахъ канцелярій, а слово „право“ имѣло въ умахъ многихъ

Чеховъ не относится враждебно къ суду, но пользуется также охотно всякимъ случаемъ, чтобы доставить читателю возможность посмѣяться надъ судебскими. Его мелкіе рассказы: „Шведская спичка“, „Злоумышленникъ“, „Въ судъ“—также не содѣйствуютъ ироникновенію въ русское общество уваженія къ суду. Что за тенденціозно подобранныя фигуры сидятъ и за судебскимъ столомъ, и въ креслѣ прокурора, и на скамьѣ защиты въ рассказѣ „Судъ“!

Наконецъ, въ послѣднее время Родіоновъ въ „Наше преступленіе“, написанномъ съ цѣлью побудить русское общество вдуматься въ то зло, которое внесено въ русскую деревню и въ жизнь народныхъ массъ упадкомъ нравственности и пьянствомъ, даетъ правильное по обрисовкѣ изображеніе судебного разбирательства, но тенденція рассказа понуждаетъ автора къ сгущенію красокъ.

Можно сказать, что за 50 лѣтъ неустанной дѣятельности, русскій судъ не получилъ отъ крупныхъ русскихъ писателей не только знака признательности, но даже доказательствъ склонности къ безпристрастному къ нему отношенію. На видъ поставлены недостатки, человѣческія слабости судебного персонала, а о томъ, что судъ далъ Россіи, о томъ многомъ добрѣ, которое внесено имъ въ Россію, о томъ предпочитаютъ молчать, или говорить рѣдко, какъ будто оно не стоитъ добраго слова. Судъ, конечно, и не рассчитываетъ на благодарность литературныхъ дѣятелей, но могъ бы ожидать справедливаго отношенія. Въ русской юридической литературѣ новому суду и его дѣятелямъ отведено почетное мѣсто, но много ли русскихъ обывателей читаетъ научные труды?

Правда, русская литература обладаетъ рядомъ трудовъ автора, который по характеру своего творчества принадлежитъ отчасти къ дѣятелямъ науки, отчасти къ дѣятелямъ изящной словесности. Это—А. Ѳ. Кони. Въ его сочиненіяхъ: „За прошедшіе годы“, „Очерки и воспоминанія“ и „На жизненномъ пути“ дѣятельность судебного персонала изображена живыми красками. Сочиненія Кони являются воспоминаніями и субъек-

самое превратное значеніе,—произнесенныя прокуроромъ слова: „Именемъ закона“ производятъ магическое дѣйствіе. Когда же мировой судья, выслушавъ жалобы рабочихъ, встаетъ, чтобы объявить свое рѣшеніе, то толпа, какъ одинъ человѣкъ, грохнула на колѣни—крестится и шепчетъ молитву.

тивный элементъ играетъ въ нихъ видную роль; однако и учитывая нѣкоторыя слабости человѣческія, приходится ихъ признать достойнымъ изображеніямъ дѣятельности нашихъ судей и прокуроровъ, что и понятно, ибо авторъ, самъ вышедшій изъ магистратуры, въ теченіе долгой жизни познавшій всю массу труда положеннаго на плечи судьи или прокурора, испытавшій и терніи и радости судебного дѣятеля,—не могъ не дать жизненной картины всего пережитаго и выстраданнаго.

Въ наружныя стѣны храма Воскресенія, „Храма на крови“, вставлены мраморныя доски, на которыхъ начертаны золотыми буквами великія дѣянія славнаго царствованія Монарха, павшаго отъ руки злодѣевъ 1 марта 1881 года.

На первой доскѣ съ правой, южной, стороны помѣчена дата 17 апрѣля 1818 г., день рожденія въ Московскомъ кремлѣ Императора Александра II и подъ этой датой — извѣстные стихи Жуковскаго изъ „Посланія къ Великой Княгинѣ (впоследствии Императрицѣ) Александрѣ Феодоровнѣ“, въ коемъ будущій воспитатель царственнаго младенца привѣтствовалъ Его рожденіе:

„Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудеть,
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ.
Жить для вѣковъ въ величій народномъ.
Для блага всѣхъ — свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ,
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правило Царей великихъ внуку“.

На противоположной сѣверной стѣнѣ храма помѣщена доска съ надписью:

„Судебные Уставы 20 Ноября 1864 г.“ и подъ этой датой слѣдующее мѣсто изъ Высочайшаго Указа 20 ноября 1864 г.

„Разсмотрѣвъ сіи проекты, Мы находимъ, что они вполне соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ Нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководствомъ дѣйствій всѣхъ и cadaго отъ высшаго до низшаго“.

Много людей обходитъ снаружи ежедневно „Храмъ на крови“ и читаетъ все то, что начертано на 16 доскахъ. Предъ ихъ глазами возстаетъ изъ прошлаго богатое великими событіями славное царствованіе незабвеннаго благодѣтеля Россіи, чей царственный величавый обликъ памятенъ еще многимъ нынѣ живущимъ, видѣвшимъ и лучезарный взглядъ Его голубыхъ очей, и добрую улыбку Его краснорѣчивыхъ устъ.

То былъ дѣйствительно „обильный честью вѣкъ“.

На ряду съ военными подвигами, начиная съ геройской защиты Севастополя, покоренія Кавказа, и кончая взятіемъ Ахалтекинской крѣпости,—какая цѣпь великихъ реформъ! Читая эту лѣтопись, проходящій невольно переносится мысленно въ Петропавловскій соборъ, гдѣ подъ порфирнымъ саркофагомъ, надъ которымъ въ царской коронѣ теплится неугасаемая лампада, символъ вѣчнаго мира и свѣта, спитъ вѣчнымъ сномъ Царь-Освободитель, Царь-Мученикъ.

Тамъ на стѣнахъ, вокругъ гробницы, висятъ сотни вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ Императора Александра II въ тѣ страшные дни, когда Россія съ содроганіемъ узнала, что горсточка забывшихъ совѣсть злодѣевъ положила конецъ жизни Монарха, имѣвшаго полное право произнести слова, сказанныя въ извѣстномъ рескриптѣ министру внутреннихъ дѣлъ въ 1865 г.: „Прошедшее въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ должно быть залогомъ будущаго“. Среди всѣхъ вѣнковъ выдѣляется своимъ объемомъ и художественной отдѣлкой — вѣнокъ отъ судебного вѣдомства, которое оплакивало Того, кто освободилъ судъ отъ шаткаго, можно сказать, унижительнаго положенія, которое онъ занималъ до 1864 г. и далъ ему и широкое право и самостоятельную власть быть гласомъ закона и защитникомъ ищущихъ охраны своихъ правъ, равно доступнымъ для всѣхъ.

То, о чемъ мечтали государственные люди въ первые дни царствованія Александра I, когда въ Именномъ указѣ графу Завадовскому 25 августа 1801 г. было указано на неотложную необходимость судебной реформы, то, что признавалъ насущной потребностью Императоръ Николай I, но не успѣлъ совершить, несмотря на свою желѣзную волю, то было совершено Тѣмъ, кого въ колыбели еще привѣтствовалъ поэтъ упованіемъ, что будущій Царь будетъ не властелиномъ только надъ судьбою много-милліоннаго народа, а прежде всего человѣкомъ, не столько озабоченнымъ широтою границъ своей власти, сколько благостнымъ ея примѣненіемъ.

И не успѣлъ замолнуть громъ орудій на югѣ, какъ съ высоты престола Царственный воспитанникъ Жуковскаго обратился къ своему народу съ памятными словами: „Правда и милость да царствуютъ въ судахъ“.

Императоръ Александръ II сознавалъ всю истину стараго и непреложнаго слова: правосудіе есть основа державъ (*justitia est fundamentum regnorum*).

Человѣколюбіе, какъ движущее начало выступаетъ наружу во всѣхъ дѣяніяхъ Царя-Освободителя отъ заключенія Парижскаго мира въ 1856 г., положившаго конецъ кровопролитію на Крымскомъ полуостровѣ, до освобожденія славянъ въ 1877—1878 г.г. и до отвоеванія у дикихъ кочевниковъ Закаспійской области для благъ культуры. Всѣ воинскія дѣла Его царствованія совершены не ради внѣшней славы, а лишь во имя гуманности. Тѣмъ же человѣколюбіемъ продиктованы всѣ великія дѣянія въ области внутренняго государственнаго строительства, начиная отъ святого дѣла освобожденія крестьянъ вплоть до замѣны рекрутчины—всеобщей воинской повинностью. Не только участникомъ славнаго, а творцомъ его былъ творецъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г.—Въ вѣнкѣ всѣхъ его благодѣтельныхъ реформъ—судебная реформа выступаетъ яркимъ свѣточемъ.

Уже въ постановленіи Общаго Собранія всѣхъ департаментовъ Сената 19 февраля 1880 г., по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія со дня восшествія на престолъ Императора Александра II—Сенатъ могъ вполне основательно сказать:

„Благотворныя послѣдствія преобразования судебной части могутъ уже нынѣ быть занесены на страницы исторіи“.

„Мировыя судебныя учрежденія приблизили судебное разбирательство къ населенію и имѣли важное воспитательное для народа значеніе. Допущеніе къ участію въ сужденіи дѣлъ уголовныхъ присяжныхъ засѣдателей, давъ возможность осуществить желаніе Государя Императора даровать Россіи судъ правый и милостивый, способствовало распространенію въ народѣ чувства законности“.

Сенать не счелъ почему-то необходимымъ обратить вниманіе и на благодѣтельное вліяніе суда короннаго, на усердную службу судей различныхъ ранговъ и чиновъ прокуратуры. Онъ указалъ только на самыя выпуклыя черты въ судебной реформѣ.

Онъ заключилъ свое постановленіе слѣдующими словами:

„Великими преобразованіями, совершенными Императоромъ Александромъ II, посѣяны сѣмена умственнаго и нравственнаго развитія, трудолюбія и уваженія къ законамъ, неуклонное исполненіе коихъ есть незыблемое основаніе, утверждающее благоустройство, могущество и счастье народное.

Въ глубокомъ благоговѣннн къ великимъ дѣяніямъ, совершеннымъ Государемъ Императоромъ и преисполненный чувствъ вѣрноподданнической признательности за подъятыя на пользу и славу Отечества турды и заботы, Правительствующій Сенать, вознося горячія молитвы къ святому престолу Господню, да сохранитъ Всевышній драгоцѣнную жизнь Его Императорскаго Величества на долгіе годы,—опредѣляетъ“ и т. д.

Императору Александру II не суждено было довести свои преобразованія до конца. Нѣсколько часовъ спустя послѣ того, какъ Имъ подписанъ былъ указъ о призывѣ къ участію въ законодательной работѣ Государственнаго Совѣта представителей отъ земствъ, — Его истерзанное тѣло было положено на походную Его кровать въ Его рабочемъ кабинетѣ. Вблизи стола, на которомъ Онъ подписывалъ большинство великихъ актовъ Своего царствованія, Его человѣколюбивое сердце перестало биться.

Ежегодно 17 апрѣля, 19 февраля и 1 марта по всей Россіи, и въ великолѣпныхъ храмахъ и простыхъ деревенскихъ церквахъ тысячи и тысячи молятся за упокой души Великаго Царя и если по храму звучать слова: „вѣчная память“, то благодарный народъ съ умиленіемъ вспоминаетъ о Томъ, Кому Россія обязана своимъ новымъ строемъ.

Царственному Внуку Царя-Освободителя угодно было даровать Россіи новое устройство законодательства и народу русскому права политическія.

Какъ бы успѣшно ни трудились люди отъ земли на поприщѣ, имъ указанномъ Верховною властью, — главнымъ оплотомъ твердости государственнаго строя все же навсегда останется преобразованный 20 ноября 1864 г. судъ, хранитель закона и воспитатель народа въ чувствѣ законности и въ уваженіи къ праву.

